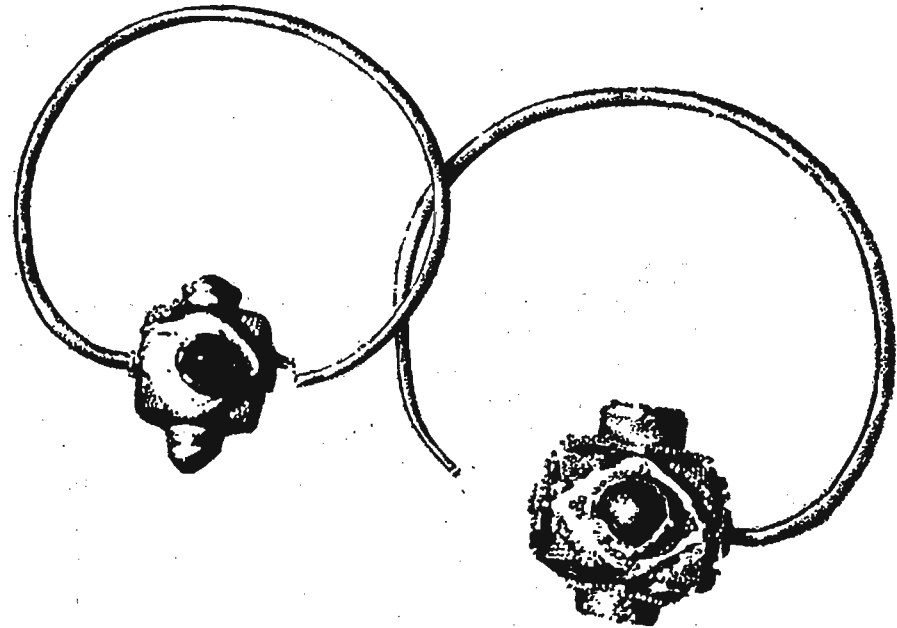
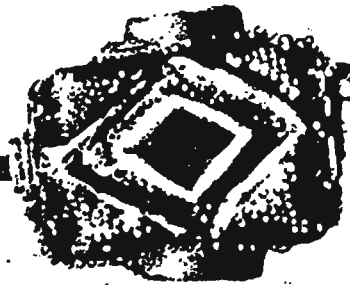

И.С. Пиоро
**КРЫМСКАЯ
ГОТИЯ**

ОЧЕРКИ
ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА
В ПОЗДНЕРИМСКИЙ
ПЕРИОД
И РАННЕЕ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

КИЕВ
«ЛЫБИДЬ»
1990

Редактор С. А. Васильченко

Пиоро И. С.

П32 Крымская Готия (Очерки этнической истории населения Крыма в позднеримский период и раннее средневековье). — К.: Лыбидь, 1990. — 200 с.

ISBN 5-11-001597-X.

В монографии освещены основные проблемы формирования этнического состава населения Крыма во времена вторжения готов на полуостров, гуннского нашествия, господства Византийской империи и Хазарского каганата. Воссоздается целостная картина истории населения горного и южнобережного Крыма позднеримского и раннесредневекового времени — легендарной и загадочной Крымской Готии.

Для преподавателей, научных работников, студентов, всех, кто интересуется историей Крыма

0505000000-077

П — Без объявл.

ББК 63.3(2)2 + 63.3(2)41

М224(04)-90

Издание осуществлено за счет средств автора

ISBN 5-11-001597-X

© И. С. Пиоро, 1990

Изучение древней и средневековой истории Крыма, связанной с историей Средиземноморья, Восточной и Западной Европы, имеет большое научно-теоретическое значение. На небольшой территории Крымского полуострова тесно переплетались судьбы многих племен и народов, политические и экономические интересы государств античного мира и средневековья. В частности, исследователи на примере Боспора и Херсонеса могут проследить сложный и длительный процесс крушения античного общества, определить характер варварских вторжений III—IV вв. и специфику взаимоотношений Римской, а затем — Византийской империй со сложившимися здесь объединениями разнотнических племен, выявить местные особенности дофеодального периода и своеобразие синтеза феодальных отношений.

Решение многочисленных вопросов истории Крыма в той или иной степени связано с реконструкцией сложных этнических процессов, протекавших в Северном Причерноморье с сер. III в. В связи с этим проблемы этнической истории населения Крыма в позднеримский период и раннее средневековье, которые могут быть освещены только на основании комплексного изучения исторических и археологических источников, данных нумизматики, эпиграфики, антропологии, лингвистики, этнографии, безусловно, заслуживают специального исследования. К данной теме в разное время обращались отечественные и зарубежные исследователи (В. Томашек, В. Ф. Миллер, Ф. Брун, Ю. Кулаковский, А. А. Васильев, М. А. Тиханова, А. Л. Якобсон, П. Н. Шульц, Т. Н. Высотская, Е. В. Веймарн, О. И. Домбровский, В. В. Кропоткин, И. С. Пиоро, А. И. Айбабин и др.).

В трудах историков конца XIX — первой трети XX в. изучение этногенеза проводилось только по письменным источникам, без их сопоставления с данными археологии и других исторических наук. До начала 30-х годов собирательный термин «готы», которым средневековые авторы пользовались для наименования населения Юго-Западного Крыма, понимался буквально и не подкреплялся археологическими исследованиями. От начала 30-х вплоть до начала 50-х годов в работах некоторых историков и археологов (В. И. Равдоникас, П. Н. Надинский, П. Н. Шульц) нашла место псевдонаучная трактовка теории Н. Я. Марра о ста-

диальности, согласно которой готы, скифы и славяне появились в Крыму в результате автохтонного развития. Критическому анализу должны быть подвергнуты и многие другие, часто противоречащие друг другу точки зрения, часть которых явилась следствием тенденциозных попыток конца 30-х — начала 50-х годов фальсифицировать исторический процесс. В угоду «центральному убеждениям» запрещалось писать о древних восточноевропейских, северофракийских и других неславянских племенах на территории СССР; считалось прогрессивным стремление некоторых исследователей всюду, в том числе и в Крыму, искать и «находить» ранних славян (С. Ф. Стржелецкий, Е. В. Веймарн, Б. А. Рыбаков, В. П. Бабенчиков и др.). «Белые пятна» в этнической истории населения средневекового Крыма заполнялись потомками тавров и скифов (П. Н. Надинский, П. Н. Шульц, Е. В. Веймарн, Т. Н. Высотская и др.); сознательно умалялась роль Византии в политической истории Таврики (Е. В. Веймарн); область расселения крымских готов ограничивалась только узкой полоской Южного берега (О. И. Домбровский, Э. И. Соломоник, Е. В. Веймарн, И. А. Баранов и др.).

В 50—80-е годы утверждался новый подход к решению спорных вопросов этногенеза Крыма III—IX вв. Ученые стали руководствоваться в первую очередь устойчивыми этническими признаками, отраженными в формах погребальных сооружений, чертах обряда и части погребального инвентаря (В. В. Кропоткин, И. С. Пиоро, А. И. Айбабин, В. Л. Мыц и др.). Начиная с 70-х годов В. В. Кропоткин, И. С. Пиоро и другие исследователи связывают проникновение нового населения на полуостров в первую очередь с походами разноэтничных племен готского союза. Попытка хронологизации этнических процессов в Крыму на основании корреляции типов вещей из закрытых комплексов IV—VII вв. представлена в работах А. И. Айбабина. Однако отсутствие новой обобщающей работы по этнической истории населения Крыма * приводит к досадному сосуще-

* Оставшаяся неопубликованной кандидатская диссертация В. В. Кропоткина «Население Юго-Западного Крыма в эпоху раннего средневековья» (М., 1953. Архив Института археологии АН СССР) написана более 36 лет тому назад. В ней впервые в историографии рассмотрены сармато-аланские погребальные традиции в могильниках Юго-Западного Крыма, высказано предположение о готской принадлежности погребений с трупосожжениями и каменными конструкциями. Вместе с тем за прошедшие годы исследован ряд новых могильников III—IX вв. в Крыму. Открыты и изучены разноэтничные черняховские могильники в Северном Причерноморье, позволившие проследить направление проникновения в Крым разноэтничных племен готского союза.

ствованию в популярно-краеведческой и специальной литературе различных старых, уже пересмотренных, и новых точек зрения. Это имеет место даже в фундаментальных, казалось бы, хорошо апробированных трудах по истории. Так, давно забытая концепция ранней колонизации Крыма славянами популяризуется в «Истории Украинской ССР» [260, с. 69—71]. Целый «букет» из разных, часто противоречащих друг другу мнений представлен в «Археологии Украинской ССР» [122, с. 231—248], что также лишний раз подчеркивает необходимость написания обобщающих работ. Мнения о южнобережной локализации готской области Дори в отрыве от Дороса, о существовании средневековых тавров и скифов популяризируются в новом теоретическом исследовании по этнонимии Скифии [440, с. 175—176]. Вместе с тем незаслуженно забытыми на Украине оказались труды А. А. Васильева, А. Л. Якобсона и М. А. Тихановой.

Целью нашей работы является развернутое освещение важнейших проблем этнической истории населения Крыма позднеримского и раннесредневекового времени на основании комплексного изучения различных исторических и археологических источников в связи с теми историческими процессами, которые протекали в Северном Причерноморье с III в. Для реализации поставленной цели определены следующие конкретные задачи:

— осуществить критический анализ исторических и археологических источников, использованных исследователями в качестве доказательства существования средневековых тавров, скифов и ранних славян в Крыму, доказать несостоятельность выдвинутых в научной литературе концепций в пользу указанной точки зрения;

— осветить вопрос о проникновении различных германских племен в Северное Причерноморье;

— определить роль гуннского нашествия в этнической истории населения Крыма;

— рассмотреть вопросы локализации и происхождения названия готов-тетракситов (трапезитов);

— на основании критического анализа источников исследовать проблемы локализации области крымских готов и ее политического центра;

— осуществить сравнительный анализ этнических признаков погребальных памятников Юго-Западного Крыма III—IX вв. для определения этнического состава населения и конкретизации данных письменных источников;

— показать роль Византии в истории раннесредневековой Таврики.

Основным методическим принципом решения поставленных задач является сопоставление свидетельств позднеантичных и средневековых авторов с результатами археологических исследований, синтезирование данных различных групп источников с целью воссоздания единой исторической картины.

Важнейшими источниками по истории Северного Причерноморья и Крыма III—IX вв. являются труды позднеантичных греческих, римских, византийских и средневековых западноевропейских авторов. Сведения о различных германских племенах в Северном Причерноморье, о вторжении гуннов мы черпаем из сохранившихся отрывков «Хроники» и «Скифской войны» Публия Герения Дексиппа (III в.), использованных также более поздними авторами; из канонического послания епископа Неокесарии Григория Чудотворца (III в.); биографии Клавдия Готского (268—270 гг.), написанной Требеллием Поллионом — одним из создателей истории Августов; из «Продолжения истории Дексиппа» греческого историка Евнапия (сер. IV — нач. V в.); сохранившихся книг «Истории» Аммиана Марцелина (IV в.); «Истории против язычников» Павла Орозия, оконченной в 417 г.; «Церковной истории» Ерма Состомена, написанной до 444 г.; «Новой истории» византийского писателя Зосима (вторая пол. V в.); сохранившихся фрагментов «Византийской истории и деяний Аттилы» Приска Панийского — участника посольства 448 г. от императора Феодосия II в ставку Аттилы; известного труда готского историка VI в. Иордана «Гетика»; «Войны с готами» — сочинения крупнейшего историка и писателя ранней Византии Прокопия Кесарийского (VI в.); «Описания племен» Стефана Византийского — географа и грамматика VI в.; исторических сочинений Агафия Миринейского «О царствовании Юстиниана» (VI в.) и Менандра Протиктора (Византийца) «Продолжение истории Агафиевой» (вторая пол. VI в.); трудов византийского хрониста кон. VIII — нач. IX в. Георгия Синкелла; «Сокращенной истории» Иоанна Зонары, доведенной до 1118 г., и других произведений.

При решении сложных вопросов этнической истории населения раннесредневекового Крыма особое внимание уделяется трудам Прокопия Кесарийского: трактату «О постройках», «Истории войн Юстиниана с персами, вандалами и готами», «Тайной истории». Используется сообщение о Дори в руководстве для изучения латинского языка, написанном известным грамматиком кон. V — нач. VI в. Присцианом, и в анонимном труде Равеннского Географа (VII в.). Ценные сведения по истории Таврики VII—X вв. предостав-

ляют нам разнообразные по характеру источники: письма папы Мартина I, сосланного в Херсонес в VII в.; «Хронография» Феофана Исповедника (760—818 гг.); «Бревиарий» патриарха Никифора (758—829 гг.); «Жития» Иоанна Готского (первая пол. IX в.) и Константина Философа (вторая пол. IX в.); трактат Константина Багрянородного «Об управлении государством» (905—959 гг.); анонимная «Записка греческого топарха» (X в.). Для более полного освещения этногенеза раннесредневекового Крыма необходимы и позднесредневековые источники: «Аланское послание» епископа Феодора к Константинопольскому патриарху Герману II (1222—1240 гг.); «Путешествие в восточные страны» монаха Рубрука — посла французского короля Людовика IX к монгольскому хану, посетившего Крым в 1253 г.; «Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год» Иоанна Шильтбергера — пленного баварского солдата; «Путешествие в Тану» (1431—1452 гг.) венецианского дипломата Иосафата Барбаро и другие произведения.

Лингвистическим источником, свидетельствующим о пребывании в Крыму готов-германцев, является сообщение Бусбека — посла германского императора Фердинанда I в Турцию (около 1560 г.). Среди эпиграфических материалов особого внимания заслуживают т. н. строительная надпись императора Юстиниана I, обнаруженная Р. Х. Лепером при раскопках на Мангупе, а также плита с надписью 1427 г. из раскопок храма Петра и Павла в Партените, проведенных Д. М. Струковым.

Обширный археологический материал получен в результате многолетних исследований крымских могильников III—IX вв. К поздне римскому времени (сер. III — первая пол. V в.) относятся некрополи на территории совхоза «Севастопольский» (совхоз № 10), Чернореченский, Инкерманский, Бельбек I, Озерное III, Мангуш, Ай-Тодорский, Чатырдагский, Заморское и др. Раннесредневековым временем датируются следующие могильники: Скалистинский, Лучистинский, у высоты «Сахарная головка», Чуфут-Кале, Эски-Керменский, Ароматинский, Баштановский, Большое Садовое, у подножья Мангупа, Узень-Баш, Суук-Су, Артек и др. Материалы исследований опубликованы в работах Н. М. Печенкина, Е. В. Веймарна, В. П. Бабенчикова, В. Д. Блаватского, С. Ф. Стржелецкого, В. В. Борисовой, В. В. Кропоткина, Т. Н. Высотской, И. И. Лободы, В. Н. Корпусовой, А. И. Айбабина, В. Л. Мыца и других авторов, представлены в научных отчетах, которые находятся в архивах Института археологии АН СССР, Института археологии АН УССР, Отдела археологии Крыма, Херсонесско-

го историко-археологического заповедника, Бахчисарайского и Крымского краеведческих музеев. Антропологические материалы из могильников изучены и опубликованы Г. Ф. Дебецем, К. Ф. Соколовой, Г. П. Зиневич, Е. П. Алексеевой. В распоряжении исследователей имеются также нумизматические коллекции, которые происходят из раскопок крымских могильников и монетных кладов длительного (Биэль, Чукурча, Неаполь скифский, городá Боспорского царства) и кратковременного (Керченский, с. Долинное Бахчисарайского р-на, Ай-Тодорский) накоплений. Кроме того, продолжительным археологическим исследованиям в дореволюционное и советское время подвергались крепости и укрепления исторической Крымской Готии. Раскопки «пещерных городов» во многом проливают свет на характер и дату этих памятников, позволяют уточнить роль Византии в истории средневековой Таврики.

1 НАСЕЛЕНИЕ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО (КОНЦЕПЦИИ СУЩЕСТВОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТАВРОВ, СКИФОВ И РАННИХ СЛАВЯН В КРЫМУ)

Среди древних народов, населявших Северное Причерноморье, тавры и скифы пользовались у античных авторов особой популярностью. Вместе с тем, несмотря на кажущееся обилие письменных источников, многие вопросы, связанные с историей этих народов, до сих пор еще далеки от своего окончательного решения. Одним из них является вопрос о времени исчезновения тавров и крымских скифов с исторической арены. В литературе неоднократно высказывалось мнение, что тавры и скифы (или, по крайней мере, их прямые потомки) будто бы продолжали обитать в Крыму в период раннего средневековья [399, с. 38; 502, с. 257—258; 157, с. 580—584; 158, с. 45, 52; 160, с. 71—79; 164, с. 294; 165, с. 255—258; 167, с. 454; 427, с. 153—157; 225, с. 110; 226, с. 519].

Рассматривая данную проблему, необходимо в первую очередь проанализировать сообщения позднеантичных и раннесредневековых авторов о таврах, «скифотаврах» и «тавроскифах». Сопоставляя эти сообщения с результатами археологических исследований, мы можем определить степень достоверности того или иного письменного источника по этнической истории Крыма интересующего нас периода [359, с. 75—80].

Как сообщает в «Сборнике достопримечательностей» писатель первой пол. III в. Гай Юлий Солин, «скифотавра режут пришельцев для жертвоприношения» [56, с. 277]. Однако следует иметь в виду, что этот труд представляет собой лишь сокращенный пересказ более раннего произведения — «Естественной истории» Плиния Старшего (I в.). Кстати, Г. Юлий Солин, так же как и Плиний Старший [42, с. 173], называет тавров «скифотаврами». Следовательно, сведения, которые содержатся в этом пересказе, не имеют отношения к III в. Более того, сообщения о человеческих жертвоприношениях у тавров восходят, как известно, еще к Геродоту (V в. до н. э.): «У тавров существуют такие обычаи: они приносят в жертву Деве потерпевших крушение мореходов и всех эллинов, кого захватят в открытом море» [10, с. 213]. Почти дословный пересказ Геродота содержится в полемическом сочинении «Речи против эллинов» архиепископа IV в. Афанасия Александрийского: «Скифы,

называемые Тавриями, приносят так называемой у них „Деве“ в жертву потерпевших кораблекрушение и вообще всех эллинов, которых захватят...» [7, с. 682].

В связи с этим вряд ли можно согласиться с В. С. Ольховским, включившим сообщение Афанасия Александрийского в число самостоятельных источников по этнической истории населения Крыма [347, с. 64]. В равной степени это может относиться и к отмеченному В. С. Ольховским свидетельству Синесия (около 370—463 гг.) в письме «Против Андроника»: «...какие Тавроскифы, какие Лакедемоняне настолько почтили свою Артемиду кровью от бичевания?» [53, с. 738]. В данном отрывке отражен лишь древний обычай бичевания юношей на алтаре этой богини в Спарте, мифологически слившийся с особенностями отправления культа таврского божества. Многие греческие, а позже — римские авторы пересказывали или просто упоминали миф о человеческих жертвоприношениях у тавров Артемиде (или римской Диане). Он использован в «Истории» Геродота при описании тавров, положен в основу известной трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» (около 414 г. до н. э.)* и затем встречается в трудах древних авторов с III в. до н. э. до XII в. н. э.: в «Гимне к Артемиде» Каллимаха (310—235 гг. до н. э.), «Превращении» Никандра (II в. до н. э.), «Мифологической библиотеке» Аполлодора (II в. до н. э.), трактате «О государстве» М. Тулия Цицерона (106—43 гг. до н. э.), «Библиотеке» Диодора Сицилийского (вторая пол. I в. до н. э.), послании «К Котте Максиму» Овидия (43 г. до н. э.—17/18 г. н. э.), схолиях к Лукану (39—65 гг. н. э.), диалоге «Токсарид или дружба» Лукиана Самосатского (II в. н. э.), «Сатирах» Д. Юния Ювенала (вторая пол. I — первая пол. II в. н. э.) и схолиях к Ювеналу, в диалоге «Октавий» М. Минуция Феликса (II в. н. э.?), «Пирроновских очерках» Секста Эмпирика (кон. II в. н. э.), «Увещательной речи к эллинам» Климента Александрийского (вторая пол. II — нач. III в. н. э.), полемическом сочинении «Против Маркиона» Кв. Септилия Флорента Тертуллиана (около 160—230 гг. н. э.), «Жизни Аполлония Тианского» Флавия Филострата (около 170—244/249 гг. н. э.), сочинении Оригена «Против Цельса», написанном в 249 г. н. э., в божественном наставлении «О ложной религии» Л. Цецилия Фир-

* Миф об Ифигении, место действия которого Еврипид перенес в горный Крым, изложен еще в VII—VI вв. до н. э. в послегомеровской поэме «Киприи». Имя Фоанта — мифического царя крымских горцев (называемых Геродотом таврами), могло быть позаимствовано из «Илиады», где под этим именем фигурирует царь острова Лемнос, а сам этот остров называется Таврикой [225, с. 40—41].

миана Лактанция (III—IV вв. н. э.), «Собрании рассказов» Григория Богослова (330—390 гг. н. э.), «Истории» Аммиана Марцеллина, «Истории против язычников» Павла Орозия, «Лексиконе» Исихийя Александрийского (V в. н. э.?), «Войне с готами» Прокопия Кесарийского, «Комментариях к землеописанию Дионисия» фессалоникского митрополита Евстафия (вторая пол. XII в.) и других произведений [24, с. 392; 35, с. 445; 6, с. 83, 92; 69, с. 59; 14, с. 454; 39, с. 127—128; 60, с. 153, 158; 30, с. 548; 72, с. 254; 32, с. 262; 52, с. 599; 25, с. 596; 62, с. 269; 68, с. 132—133; 40, с. 647; 28, с. 290; 11, с. 715; 3, с. 118; 41, с. 400; 23, с. 855; 48, с. 388; 16, с. 195—196].

Следовательно, доживший до средневековья миф не может быть самостоятельным историческим источником. Показателен в этом отношении труд Аммиана Марцеллина. Описывая события 353—378 гг., он рассказывает, что «не в далеком расстоянии от них (греческих колоний.— И. П.) за различными царствами живут тавры: между ними арихи, синхи и напей, страшны своей дикостью, а так как продолжительная безнаказанность усиливала их свирепость, то от того и пошло имя морю „Негостеприимное“» [3, с. 118]. Далее следует описание жертвоприношения Диане, «которая у них зовется Орсилохой» [3, с. 118]. Перечисленные Аммианом Марцеллином арихи, синхи и напей вообще никакого отношения к таврам или даже к населению Крыма не имеют. Арихи (аррехи, аррихи Страбона и Стефана Византийского), так же как и синды (синхи Аммиана Марцеллина) — это племена меотов [59, с. 470; 58, с. 225, 265]. И, наконец, напей, по сообщению Плиния Старшего, были поголовно истреблены вместе с танантами вторгшимися скифскими племенами [42, с. 181]. По мнению М. В. Скржинской, из всех авторов, черпавших сведения из «Естественной истории», перечень племен у Аммиана Марцеллина наиболее близок к указанному источнику [408, с. 48]. Что же касается имени «Орсилоха», то, по варианту мифа, изложенного Никандром еще за 500 лет до написания Аммианом Марцеллином «Истории», так стали именовать Ифигению после ее переселения из Тавриды к Ахиллу на Белый остров [35, с. 445], но вовсе не Артемиду-Диану.

Не меньшими архаизмами наделен перипл Псевдо-Арриана «Объезд Эвксинского Понта» (V в.), в котором наряду с такими пунктами, как Керкинитида, Прекрасная Гавань и т. п., упомянута «пустынная гавань Афинеона или гавань скифо-тавров» [49, с. 283]. Однако ко времени написания указанного перипла города и поселения Северо-Западного Крыма, в том числе Керкинитида и Прекрасная

Гавань, уже не существовали [341, с. 58]. Затем, у Псевдо-Арриана после ссылок на древнюю легенду о прибытии в Таврику похищенной из Авлиды Ифигении упоминаются «тавры, народ многочисленный, ведут они образ жизни горцев и кочевников, по свирепости — варвары и убийцы, умиловливающие своих богов злодеяниями. Так называемый Таврический Херсонес пограничен с ними...» [49, с. 283]. Весь этот отрывок о таврах Псевдо-Арриан полностью позаимствовал из «Землеописания» начала I в. до н. э., приписываемого Скимну Хиосскому [50, с. 88—89; 228, с. 78]. По наблюдениям В. В. Латышева, почти весь перипл Псевдо-Арриана — это пересказ более ранних источников. От себя безымянный автор добавил перевод греческих мер длины на римские и несколько современных ему названий местностей [49, с. 271].

Сквозь призму всех этих компиляций воспринимаются и некоторые, ставшие традиционными, сведения более поздних авторов. Прокопий Кесарийский в «Войне с готами» пишет, что за гуннами-кутригурами * «всю страну занимают скифы и тавры, часть которой еще и ныне называется Таврикой; там, говорят, был храм Артемиды, главной жрицей которого была Ифигения, дочь Агамемнона... А скифами в то время назывались все тамошние народы» [48, с. 388]. Можно ли поверить в современных Прокопию скифов и тавров, если в этой же главе он пишет, что «если идти из города Боспора в город Херсон... то всю область между ними занимают варвары из племени гуннов» [48, с. 388]? Правда, термин «гунны» в данном случае, так же, как и «скифы», очевидно, имеет обобщающий характер. В труде «О постройках» Прокопий рассказывает о восстановлении стен «Боспора и Херсона, которые являются приморскими городами на том же берегу [Эвксинского Понта] за Меотидским болотом, за таврами и тавроскифами, и находятся на краю пределов римской державы» [47, с. 249]. В этом отрывке упоминание о таврах и тавроскифах введено Прокопием скорее всего для разъяснения местоположения Боспора и Херсона, а не как современная ему локализация племен. Во всяком случае, данное им в этой же главе описание «области Дори» [47, с. 249—250] по характеру отличается от приведенного свидетельства о «таврах» и «тавроскифах». Подобное переплетение старых и новых сведений (по тем временам — признак большой учености) характерно для позднеантичных и средневековых авторов.

* Гунны-кутригуры, участники современных Прокопию событий, в отличие от тавров и скифов неоднократно упоминаются в его книге [48, с. 385—387, 434—435, 467].

В период раннего средневековья термин «тавроскифы» имел географический и условный этнический характер. В «Житии Иоанна Готского», в котором описываются события, разыгравшиеся в Крыму в конце VIII в., сообщается, что Иоанн «происходил из расположенной на той стороне земли тавроскифов, подчиненной власти готов, именно из торжища, называемого Партениты» [153, с. 396]. В ранних редакциях «Жития св. епископов Херсонских», созданных, по мнению В. В. Латышева, не ранее VII и IX вв. [302, с. 13—18], повествуется о событиях IV в., в частности, упоминается «Херсон тавроскифской епархии», «Херсонитский град тавроскифской страны» и т. п. [302, с. 7, 58, 68]. В более поздних (XII в.) редакциях этого «Жития» говорится об отправке проповедников в страну тавроскифов: Ефрема в Скифию, а Василия — в Херсон [302, с. 24, 63]. Интересно, что страна тавроскифов выступает здесь как нечто более широкое, чем Скифия.

Анонимный автор X в., составивший сокращенное извлечение из «Географии» Страбона, называет Тавроскифией полуостров, расположенный между устьем р. Днепр и Каркинитским заливом [153, с. 405], т. е. за пределами Крымского полуострова.

Таким образом, некоторые средневековые авторы, исходя, вероятно, из страбовского понимания Малой Скифии («вся эта страна, а также почти вся область за перешейком до Борисфена» [59, с. 284]), называют Тавроскифией не только Крым, но и прочие места Северного Причерноморья, т. е. употребляют это название в качестве условного географического термина. Употребление условных географических и этнических терминов очень характерно для средневековых византийских авторов. Причем наряду с традиционным обобщающим наименованием «скифы», которым обозначались различные народы, живущие к северу от империи [20, с. 163, 220, примеч. 8], с X в. появляются термины «тавры», «тавроскифы» и «Тавроскифия», под которыми византийские авторы понимали росов-русов, территорию их расселения и государство Русь. Этими терминами в указанном выше смысле (росы-русы, Русь) пользуются: в X в. — Лев Диакон [29, с. 47—49, 65—67, 79, 83, 89], в XI в. — Михаил Пселл [33, с. 61, 141, 145], в XI—XII вв. — Анна Комнина [5, с. 394], в XII в. — Иоанн Киннам [21, с. 102, 125, 257, 260—261, 268, 277, 289], в XII—XIII вв. — Никита Хониат [36, с. 437; 37, с. 246]. Использование поздневизантийскими авторами древних, античных названий народов, давно сошедших с исторической сцены, рассматривается М. В. Бибиковым как архаизация в византийской

этноними и этнографических представлениях XI—XIII вв. [131, с. 5—151; 132, с. 30—36].

Одним из наиболее поздних архаизмов, основанных на античных традициях, является разъяснение термина «тавроскифы» Евстафием, который в комментариях к «Землеописанию» Дионисия говорит, что «живущие здесь скифы называются тавроскифами от тамошней горы Тавра, которую знает и Геродот» [16, с. 193]. Здесь же Евстафий, кстати, упоминает и о «многочисленных киммерийцах», которые живут «у холодной подошвы Тавра» [16, с. 193].

Таким образом, упоминания о таврах, скифотаврах и тавроскифах в позднеантичных и средневековых трудах не могут, по нашему мнению, служить источником по современной их авторам этнической истории Крыма, так как эти термины либо являются архаизмами, либо утратили свое первоначальное содержание и могут быть отнесены к географическим указателям и условным этническим терминам*.

Иной точки зрения придерживается Э. И. Соломоник, которая, анализируя только письменные источники, пришла к выводу, что в эпоху раннего средневековья тавроскифы, под которыми она понимает в основном тавров, продолжают существовать и даже увеличивают свое народонаселение [427, с. 153—157]. Однако, не подкрепленный бесспорными археологическими данными, этот вывод представляется несколько преждевременным. Убедительных доказательств в пользу существования тавров в этот период истории Крыма никто из исследователей привести пока не смог. Так, очень спорным, на наш взгляд, является мнение о таврской принадлежности небольшой группы погребений из могильников III—первой пол. V в. (Инкерманский, Чернореченский, на территории совхоза «Севастопольский») и раннесредневековых могильников (Суук-Су, у высоты «Сахарная головка»). Основным доказательством П. Н. Шульца [502, с. 255], Е. В. Веймарна [161, с. 63], Т. Н. Высотской [183, с. 93, 182], Н. В. Пятышевой [369, с. 183], К. Ф. Соколовой [424, с. 127] в пользу указанного мнения является положение костяков в этих могилах — скорченное на боку или на спине с подогнутыми ногами, как правило, упавшими в сторону. Однако такая поза погребенных встречается в могильниках различных сарматских племен наряду с преобладающими в них вытянутыми

* Как отметил в 1971 г. П. Н. Шульц, термин «тавроскифы» у позднеантичных и средневековых авторов удерживался лишь «по инерции» [504, с. 143].

на спине трупоположениями. Причем в ряде сарматских кладбищ, например в Нижнем Поволжье [78, с. 55], процент погребенных на боку или на спине с подогнутыми ногами выше, чем в могильниках Юго-Западного Крыма. Преобладание же сармато-аланских черт в погребениях с трупоположениями из этих могильников (см. главу 4 нашей работы) позволяет, на наш взгляд, отнести и эту очень небольшую группу могил к сармато-аланскому кругу памятников. Кстати, скорченные трупоположения в простых грунтовых могилах известны также в разноэтнических могильниках черняховской культуры, таких, как Малаешты [473, с. 273—274, 287, 293, рис. 9,3], Будешты [382, с. 66—68], Привольное [295, с. 132—133, рис. 3,1] и др. Отмечены они и в Дмитровском могильнике салтовской культуры (как в катакомбных, так и в простых грунтовых могилах) [365, с. 80, 92—93, рис. 21, 4—5, 24, 2, 4].

Вызывает возражение также вывод В. Д. Блаватского об этнической принадлежности Ай-Тодорского могильника. По его мнению, в этом некрополе, хоть он и не связан хронологически с римским кастелем Харакс, погребались потомки романизованного туземного населения, проживавшего в каком-то ремесленном поселке — «канабе» и воспринявшего от римлян обычай сжигания покойников [133, с. 328, 335; 134, с. 274]. К точке зрения В. Д. Блаватского присоединились А. И. Тюменев [475, с. 84], Т. Н. Высотская [183, с. 99, 182] и К. К. Орлов [348, с. 106—133]. Однако обряд трупосожжения был присущ не только римлянам. Будучи распространенным в большинстве европейских провинций империи, он тем не менее несмотря на т. н. «римскую вуаль», поглощавшую в результате развития элементов товарного производства многие этнические признаки в материальной культуре варваров, вовсе не свидетельствует о влиянии римлян на погребальный обряд. Ритуал захоронения — это одно из наиболее устойчивых этнокультурных явлений, которое сохраняет древние традиции даже при полном стирании этнических признаков в материальной культуре, в частности в погребальном инвентаре. Так, изучение особенностей погребального обряда в Ай-Тодорском, Чернореченском, на территории совхоза «Севастопольский» и других могильников III — первой пол. V в. позволяет сделать предположение о сходстве значительной части трупосожжений в этих могильниках с погребениями черняховской, вельбаркской и пшеворской культур (см. главу 3 нашей работы). Причем если эллинизация и романизация варваров и отражались на особенностях обряда захоронения части погребений (могильник на территории сов-

хоза «Севастопольский»), то такого полного изменения древних традиций под влиянием римского обряда, как предполагал В. Д. Блаватской, мы не наблюдаем.

Отчетливых этнических признаков не содержит ялтинское лесное святилище, отнесенное П. Н. Шульцем [502, с. 254—255] и А. И. Тюменевым [475, с. 85] к таврским древностям. По описанию А. Л. Бертъе-Делагарда [128, протоколы, с. 19—27], у селения Верхняя Аутка близ Ялты обнаружено скопление монет I—IV вв., терракотовых статуэток (в отдельном углублении), костей животных и прочих находок, среди которых преобладали предметы женского обихода. Сходное по характеру античное святилище открыто на восточной окраине Гурзуфской яйлы, недалеко от древнего перевала Гурзуфское седло [345, с. 307—308; 346, с. 327—328]. На его территории сосредоточены различные античные вещи (статуэтки богов, фигурки животных, инструменты, украшения), монеты и кости жертвенных животных. Подобные (по разнообразию состава) скопления монет на местах античных святилищ обнаружены также на о. Левка (Белый остров) и Тендровской косе (Ахиллов бег), которые связаны с древним культом Ахилла Понтарха, а также в Викарелло (к северу от Рима), близ озера Браччиано и в других пунктах [236, с. 152—160]. Разнообразие монет свидетельствует о популярности и продолжительности существования святилищ, но нет оснований связывать их с какими-то определенными этносами. Если же предположить, что святилище на Гурзуфском седле оставлено таврами и найденные здесь античные вещи были захвачены ими во время разбойничьих нападений (такое предположение согласуется с сообщениями древних авторов об образе жизни тавров), то период наиболее активного функционирования святилища, судя по вещам, относится к I в. до н. э.—сер. I в. н. э. [346, с. 327], т. е. до начала активной экспансии римлян в Юго-Западном Крыму и предполагаемого массового уничтожения тавров (см. ниже).

Не очень выразительны опубликованные описания и иллюстрации остатков позднеантичных поселений на Южном берегу Крыма (на северо-восточной окраине пос. Фрунзенское и в урочище Осман, на склонах горы Аю-Даг), на которых, кроме фрагментов кружалной керамики, найдены обломки лепных сосудов [327, с. 150—151; 221, с. 41; 225, с. 51—62, 110—111], позволивших крымским археологам связать эти поселения с таврами. При этом на основании собранного гурзуфскими краеведами подъемного материала они даже передвигают верхнюю дату поселения на склоне Аю-Дага в V в., а найденную здесь лепную керамику со-

поставляют с лепной же керамикой из средневекового Артекского поселения [225, с. 110]. Однако столь скудные сообщения, приведенные без единой иллюстрации этого материала, без хорошо обоснованной датировки жилищ, обнаруженных на искусственно террасированном склоне Аю-Дага, без доказательств синхронности части этих жилищ с близлежащими погребениями в каменных ящиках на Тоха-Дахыре, вряд ли могут убедить исследователей в существовании т. н. «поздних» (в том числе средневековых) тавров. Такого же рода возражения вызывают попытки крымских археологов связать именно с тавроскифами небольшие и немногочисленные поселения IV—V вв., разведенные в центральной части горного массива Таврики: на западных отрогах Долгоруковой яйлы, в пещерах Кизил-Коба, Ман, Зменная и Орта-Кая [122, с. 235]. Ведь в столь бурные для истории Крыма времена, каковыми являлись IV—V вв., в труднодоступных горных районах могли селиться не только потомки тавроскифов.

По вопросу о существовании средневековых тавров в Крыму, к сожалению, было высказано очень много совершенно необоснованных мнений. К древностям средневековых тавров пытались отнести даже плитовые могилы, появившиеся в Крыму в VIII—IX вв. [502, с. 258; 414, с. 277]. Таврам необоснованно приписывали сооружение средневековых крепостей на Южном берегу Крыма [502, с. 257; 399, с. 38; 342, с. 330—332; 308, с. 41—42, 132]. Древние таврские традиции умудрялись находить в строительных приемах сооружений оборонительных комплексов Эски-Кермена — первоклассной византийской крепости [158, с. 24—28]. Высказанное в литературе мнение о таврской принадлежности средневековых укреплений уже подвергалось основательной критике [480, с. 214—227; 481, с. 73; 523, с. 289; 459, с. 92—93]. Более того, предположение П. Н. Шульца о существовании таврских оборонительных сооружений даже в IV—II вв. до н. э. (на месте римского кастеля на мысе Ай-Тодор) [502, с. 248] совершенно не подтвердилось последними исследованиями [482, с. 94—101].

Отсутствие каких бы то ни было достоверных таврских

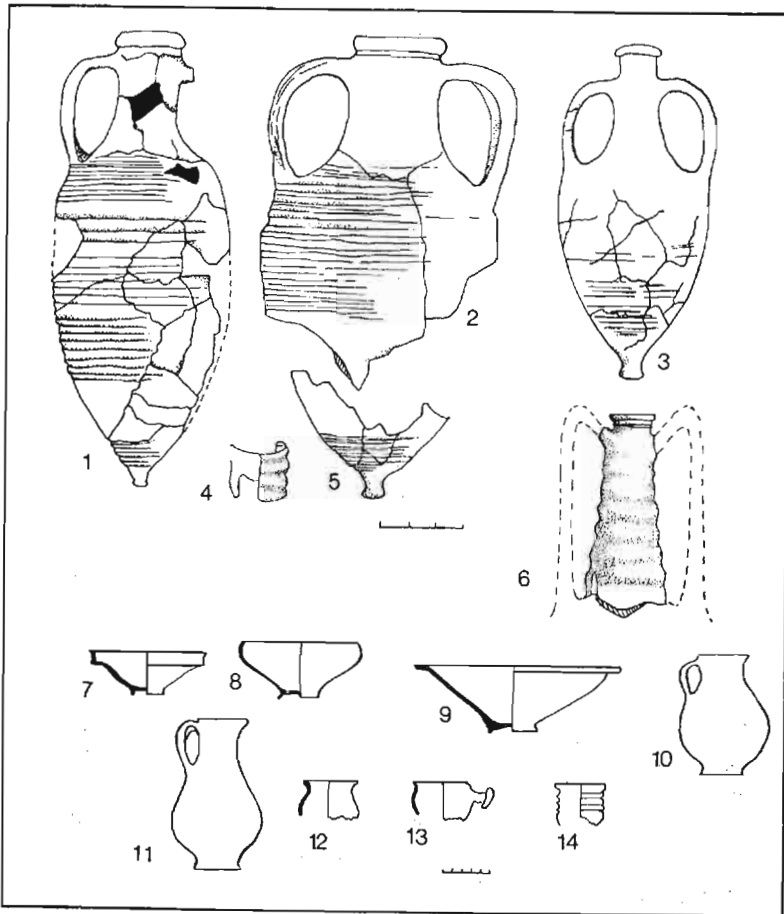
традиций в культуре средневекового Крыма ставит под сомнение предположения антропологов [423, с. 74; 235, с. 15, 155, 240] о наличии таврских черепов в краниологических сериях из Эски-Кермена, Мангула, средневекового Херсонеса и Коктебеля, тем более что их выводы носят явно гипотетический характер.

Верхнюю дату культуры древних тавров исследователи относят к IV—III вв. до н. э. [243, с. 174]. Причем самые поздние погребальные сооружения тавров — каменные ящики — датируются V в. до н. э. Находки же предметов эллинистического и римского времени в потревоженных захоронениях рассматриваются как случайные, попавшие в погребальные комплексы во время их ограбления [262, с. 38, 51]. Например, обнаруженная в каменном ящике 9 у с. Родниковое (быв. Скеля) одночленная лучковая фибула второй пол. I — нач. II в. [375, с. 134, рис. 28—29; 98, с. 49, табл. 9, 6, 22, 3] находилась здесь вместе с бронзовыми украшениями сер. I тыс. до н. э. (рис. 1). Если же принять гипотезу, что тавры существовали в Крыму до первых веков н. э., то наиболее вероятная причина их исчезновения — результат политики Рима в Крыму. Эта точка зрения высказывалась и аргументировалась в работах В. Н. Дьякова [229, с. 96]. Отношение тавров к пришельцам, их непокорность римлянам известны по письменным источникам. Характерно свидетельство Корнелия Тацита о судьбе одного римского отряда, возвращавшегося после победы над Митридатом VII Боспорским в сер. I в.: «...несколько кораблей (ибо войско возвращалось морем) выбросило к берегу тавров, и их окружили варвары, убившие префекта когорты и множество воинов из вспомогательного отряда» [27, т. 1, с. 203]. Кстати, исследования святилища у Гурзуфского седла позволили выявить вещи и монеты, которые могли принадлежать римским солдатам, участвовавшим в войне с Митридатом [242, с. 23].

Военная экспедиция Плавтия Сильвана против крымских скифов, проведенная, по мнению В. М. Зубаря, между 63 и 66 гг. силами Равеннской эскадры и военной пехоты по просьбе Херсонеса [242, с. 19—24], оккупация Южного берега Крыма, сооружение кастеля на Ай-Тодоре [134, с. 250—262, 274, 276—291], а возможно, и в других местах [498, с. 191; 380, с. 199], вероятно, послужили базой для систематического истребления непокорного населения, что являлось обычным актом агрессивной римской политики. На-

Рис. 1. Находки из таврского каменного ящика у с. Родниковое (по Н. И. Репникову)

пример, подобную картину уничтожения местного населения во время римских военных операций в Британии (подавление восстания Боудики в 61 г.) описывает Корнелий Тацит [27, т. 1, с. 268]. По сообщению же Иосифа Флавия (вторая пол. I в.), тавры и другие народы, живущие «вокруг Понта и Меотиды... держатся в подчинении тремя тысячами гоплитов, и сорок военных кораблей поддерживают мир на несудоходном прежде и суровом море...» [67, с. 483]. Скорее всего, самые жестокие меры в Крыму принимались против тавров, которые, по свидетельству древних авторов, жили войной и разбоем [10, с. 213; 59, с. 282; 61, с. 256]. В труде Полиена «Военные хитрости» (162 г.) сохранилось свидетельство о мужестве, свободолюбии тавров, борющихся за свою независимость вплоть до самопожертвования:

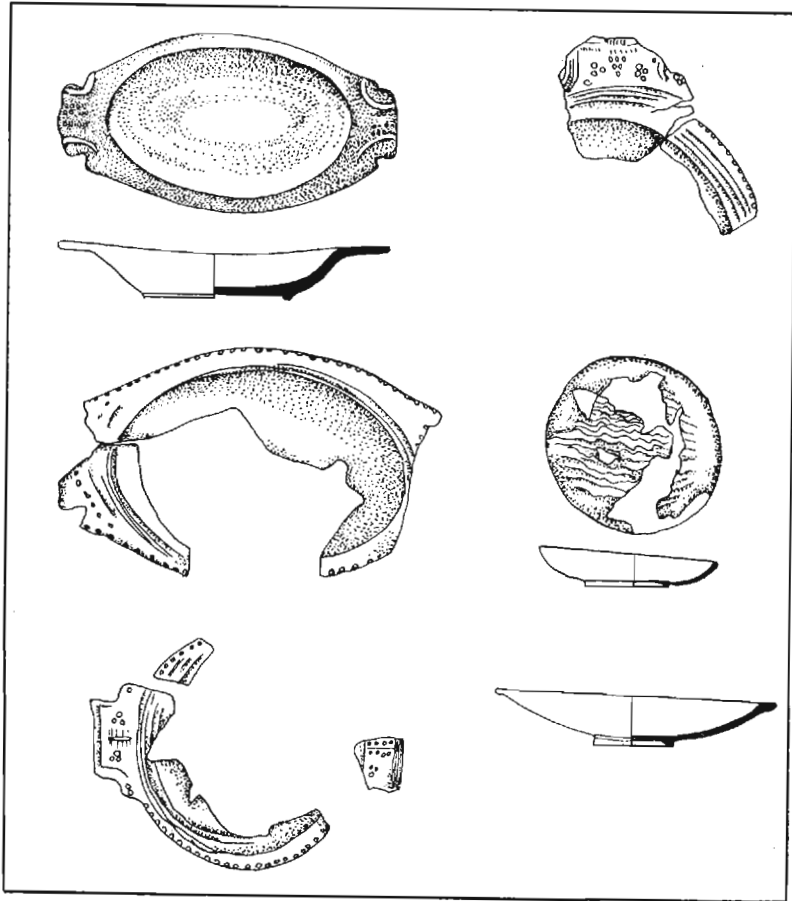
ния: «...тавры, предпринимая войну, всегда перекапывают дороги в тылу и, сделав их непроходимыми, вступают в бой; делают они это для того, чтобы, не имея возможности бежать, необходимо было победить или умереть» [43, с. 566].

Сложнее обстоит дело с решением поставленного в литературе вопроса о средневековых скифах в Крыму. Наиболее последовательно эта проблема рассматривается в работах Е. В. Веймарна [158, с. 45, 52; 160, с. 71—79; 157, с. 580—584; 164, с. 294; 165, с. 255—258; 167, с. 454]. «Поздние скифы», по его мнению, вместе с сарматами, которые интенсивно проникли на полуостров в первые века нашей эры, были вытеснены гуннами в район второй гряды Крымских гор, где они смешались с таврами и, таким образом, составили основу населения средневекового Юго-Западного Крыма. Население позднескифского рабовладельческого государства, оказавшись, по мнению Е. В. Веймарна, в новых условиях, также создает классовое, но уже феодальное (с V—VI вв.) общество с такими необходимыми для него атрибутами, как феодальные замки и города. Этой функцией Е. В. Веймарн наделяет часть «пещерных городов», возникших, как он полагает, в результате местного социально-экономического развития (лишь при участии в их строительстве византийских мастеров) для защиты и эксплуатации рядового населения, на торговых путях и одновременно в местах необходимого территориального господства над горными долинами.

Однако стройная на первый взгляд концепция имеет ряд слабых мест. В первую очередь обращают на себя внимание недостаточно аргументированные положения о рабовладельческом строе у «поздних скифов» Юго-Западного предгорного Крыма и о столь раннем сложении феодальных отношений в горном Крыму. Представления Е. В. Веймарна о социально-экономическом уровне развития населения Юго-Западного Крыма в V—VII вв. не подтверждаются данными источников и совершенно не согласуются с новейшими исследованиями по вопросу о процессе и времени сложения феодальных отношений в Византии и Западной Европе [447, с. 3—41]. Недостаточно аргументирована также точка зрения Е. В. Веймарна о том, что позднескифские городища и селища Юго-Западного Крыма были разрушены во время гуннского нашествия, т. е. в последней

Рис. 2. Керамика из закрытого комплекса внезапно разрушенного помещения с фресками в Алма-Кермене (по Т. Н. Высотской)

четв. IV в. Приведенное же в качестве доказательства погребение аланского воина на площади у центральных ворот Неаполя скифского [163, с. 65] не относится к гуннскому времени. Могила аланского военачальника с четырьмя конями и богатым конским убором, а также захоронение мужчины с конем в зерновой яме, хоть и связаны с разрушением центральных ворот, мавзолея и других сооружений, но следы разыгравшихся здесь событий датируются кон. II в. [500, с. 42; 501, с. 76] и связываются с победой Савромата II над скифами [256, с. 728—730]. На местах отмеченных разрушений появляются небольшие постройки и хозяйственные ямы [244, с. 186—187]. Жизнь в Неаполе скифском и соседних городищах и селищах продолжалась до последующих роковых событий.

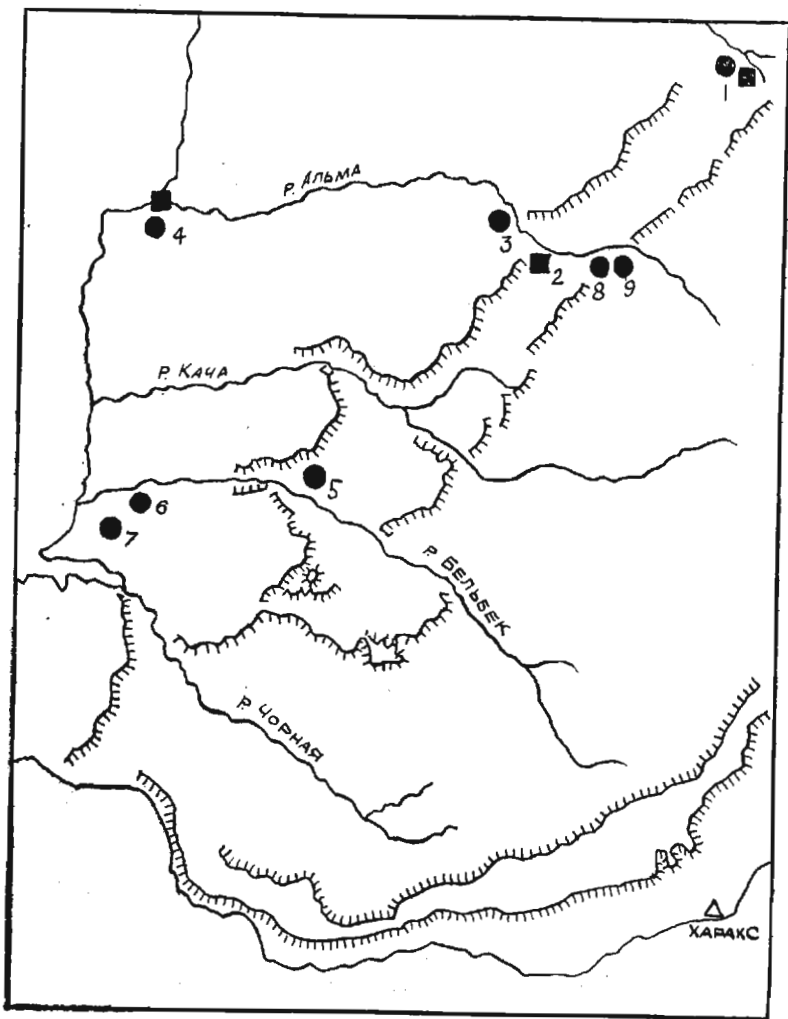

Большинство исследователей, которые занимались этим вопросом [265, с. 12; 277, с. 94; 182, с. 159—160; 183, с. 186—187; 185, с. 86—88; 371, с. 105], связывают разгром позднескифских городищ и селищ с походами племен готского союза в сер. III в. Именно этим временем датируются т. н. закрытые комплексы археологических находок из помещений внезапно разрушенных сооружений во время гибели позднескифских городищ Юго-Западного Крыма. Так, при исследовании городища Алма-Кермен обнаружен дом с фресками, построенный в период существования на Алма-Кермене римского военного лагеря, а затем используемый местными жителями для хозяйственных целей до последних дней существования городища. В комплексе вещей, найденных на полу помещения с фресками, кроме различных железных орудий, жерновов, лепных сосудов, присутствуют античные амфоры нескольких типов, датированных не позднее чем III в.: относительно большие красноглиняные амфоры с ребристым туловом и резко профилированными ручками (рис. 2, 1—3); небольшие амфоры из светлой глины с темными вкраплениями, расширяющимся горлом и слабым рифлением тулова (рис. 2, 4); фрагменты красноглиняных амфор с высоким суживающимся желобчатым горлом и приподнятыми вверх резко изогнутыми ручками (рис. 2, 5—6) [181, с. 187—188, рис. 7]. Здесь же обнаружены фрагментированные и целые краснолаковые сосуды, распространенные в III в.: четыре миски на кольцевом поддоне с резко профилированными, рельефными, загнутыми внутрь или наружу краями (рис. 2, 7—9); кувшинчики, фрагменты кубков (рис. 2, 10—14) [181, с. 189, рис. 8]. Ни одной находки, твердо датируемой IV в., в этом помещении не обнаружено. При исследовании Алма-Кермена в верхних слоях городища отмечены следы пожара, свидетельствующие об одновременной гибели большинства построек. На улицах найдены скелеты погибших жителей, которых уже некому было хоронить.

Дом, погибший от пожара в III в. (судя по находкам на полу), открыт также на Усть-Альминском городище [184, с. 360; 185, с. 68]. Интересный керамический комплекс обнаружен в Неаполе скифском. В открытом в 1960 г. помещении, которое относится к последнему периоду жизни города, на полу, непосредственно под завалами черепицы, найдено множество обломков разнотипных краснолаковых

Рис. 3. Комплекс краснолаковой керамики из помещения в Неаполе скифском, разрушенного во время готского нашествия (по Д. С. Раевскому)

блюд II—III вв. (рис. 3). В слое, содержащем эту керамику, а также в яме, вырытой в полу в последний строительный период, отмечено много фрагментов амфор, датируемых не позднее чем III в. На самом дне ямы обнаружен денарий Геты (211—212 гг.), который позволяет установить нижнюю дату разрушения здания [371, с. 91—105; 270, с. 110]. В верхних слоях всех позднескифских городищ и селищ Юго-Западного Крыма, к которым относятся Неаполь скифский, Алма-Кермен, Балта-Чокрак, Усть-Альминское, Краснозоринское, Заячьё, Карагач, на горе Чабов-

кого и другие памятники (рис. 4), основная масса находок датируется не позднее чем III в. [183, с. 187; 185, с. 87].

Таким образом, т. н. закрытые комплексы и массовые находки из верхних слоев позднескифских городищ и селищ дают основание полагать, что они погибли в III в. от нашествия племен разнотничного готского союза. Одним из доказательств предложенной точки зрения могут быть клады длительного накопления, состоящие из римских серебряных монет, зарытых не ранее первой четв. III в. Они обнаружены близ Симферополя в дер. Биэль (ныне с. Дорожное Бахчисарайского р-на) — 69—222 гг., дер. Чукурча (ныне с. Луговое Симферопольского р-на) — 54—218 гг. и на территории Неаполя скифского — 54—218 гг. [270, с. 63—65]. Подобные клады относительно часто встречаются в Северном Причерноморье. Зарытие их в нач. III в., по мнению исследователей, следует связывать с угрозой появления готских дружин в Северном Причерноморье [264, с. 249; 383, с. 101; 477, с. 81; 182, с. 160].

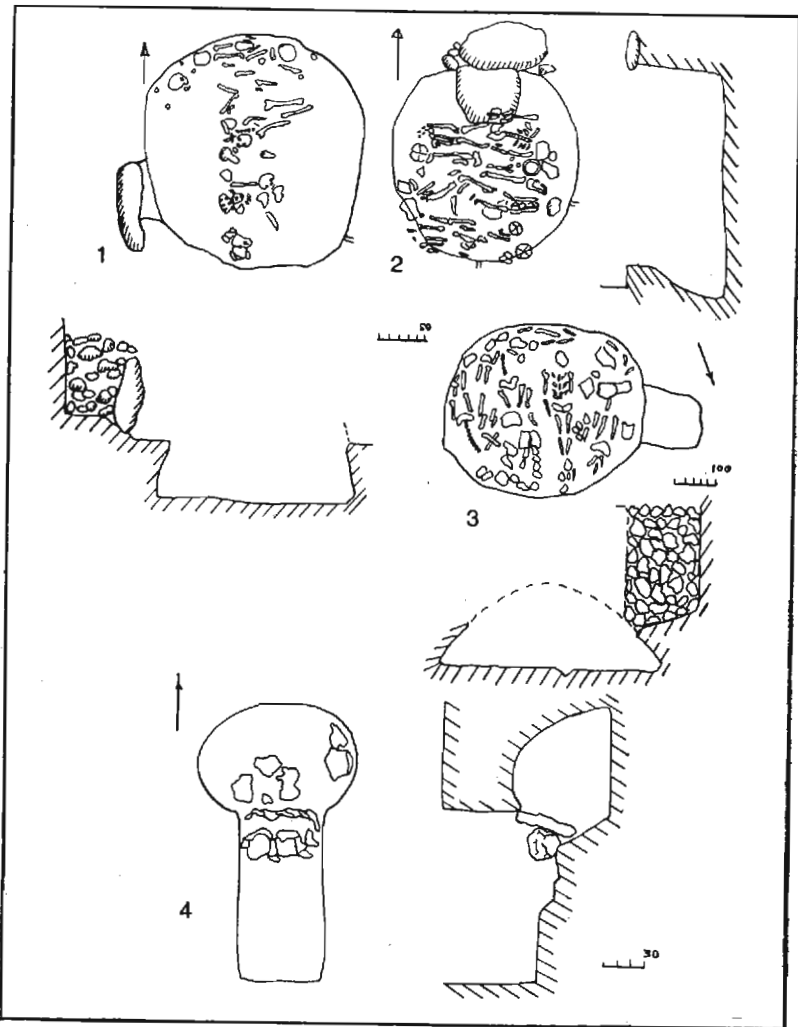
Вместе с городищами и селищами в III в. прекращает функционирование и целый ряд могильников Юго-Западного Крыма: некрополь Неаполя скифского, у с. Заветное (Усть-Альминский), Бельбек II, III, IV, Озерное I, II (Скалистое II, III) и др. (рис. 4) [183, с. 69—85, рис. 20; 180, с. 91—99, рис. 1; 334, с. 113—119; 114, с. 94—141; 136, с. 95—109; 137, с. 324—330; 138, с. 132—139; 139, с. 121—152; 206, с. 94—99; 207, с. 39—47; 208, с. 32—64, 127—145, рис. 1—19]. Эпизодически продолжали хоронить лишь в Заветнинском и, вероятно, Усть-Альминском могильниках. Единственный в Заветнинском могильнике склеп датируется IV в. и, по мнению Т. Н. Высотской, является исключением [186, с. 51]. Вместе с тем в III—IV вв. в Юго-Западном Крыму появляются новые поселения и могильники. Так, поселение этого времени — Камышловское городище — разведано О. Я. Савели в Бельбекской долине. В III—IV вв. возникает Баклинское городище [450, с. 58, 62]. Керамика позднеримского и раннесредневекового времени часто встречается на плато Мангупа (см. главу 3 нашей работы).

Этническую принадлежность населения Юго-Западного Крыма III — первой пол. V и последующих веков можно определить на основании изучения крымских могильников

Рис. 4. Картограмма памятников позднескифского царства в Юго-Западном Крыму:

■ — городище; ● — могильник; 1 — Неаполь скифский (городище и могильник); 2 — Алма-Кермен; 3 — Заветное; 4 — Усть-Альминское (городище и могильник); 5 — Бельбек II; 6 — Бельбек III; 7 — Бельбек IV; 8 — Озерное I (Скалистое II); 9 — Озерное II (Скалистое III)

этого времени (Инкерманский, Озерное III, Мангуш, Бельбек I, Чернореченский, основная часть погребений могильника на территории совхоза «Севастопольский»), наиболее ранних погребений Скалистинского могильника и др. Некоторые исследователи [164, с. 294; 183, с. 188; 114, с. 140—141; 257, с. 82—83] генетически связывали все эти могильники позднееримского времени, а также раннесредневековые с памятниками т. н. позднескифского периода в истории Крыма. Основанием для такого вывода, очевидно, послужило сходство части погребальных сооружений и осо-

бенностей обряда захоронения у погребений с труположениями из могильников I — первой пол. III и IV—IX вв. Однако перечисленные выше могильники сер. III — первой пол. V в. Юго-Западного Крыма никакого отношения к т. н. позднескифскому царству не имеют, так как с сер. III в. оно уже не существовало. Близость же материальной культуры и особенностей погребального обряда у сильно сарматизированных и сарматских могильников первых веков н. э. (до вторжения готов) и наиболее ранних погребений из могильников III — первой пол. V в. (в особенности могильников на территории совхоза «Севастопольский» и Чернореченского) можно объяснить, во-первых, сильной сарматизацией т. н. позднескифской культуры, связанной с интенсивным проникновением в Крым сарматов, которое особенно усилилось во II—III вв., а во-вторых — активным участием различных сармато-аланских племен в походах сер. III в., возглавленных готами.

Но, несмотря на этническую близость значительной части погребенных, отраженную в сарматских особенностях обряда погребения и элементах материальной культуры, сохранивших сарматские этнические признаки, несмотря на сходство и даже вполне понятную идентичность форм часто встречающейся в погребениях кружальной керамики, стеклянных сосудов и других изделий позднеантичных мастерских, указанные группы памятников имеют существенные различия, не позволяющие поставить их в один генетический ряд. Так, в части могильников III — первой пол. V в. (Чернореченский, на территории совхоза «Севастопольский», Бельбек I), кроме труположений, были распространены трупосожжения, аналогичные трупосожжениям из могильников Ай-Тодорского, на южном склоне г. Чатырдаг, на правом берегу р. Черная (могильник, открытый А. Л. Бертье-Делагардом). Значительная часть погребений с трупосожжениями из этих могильников имеет каменные конструкции, а особенности обряда захоронения сближают их с погребениями черняховской, пшеворской и вельбаркской культуры (см. главу 3 нашей работы). Кроме того, среди погребальных конструкций могильников III — первой пол. V в. (Инкерманский, Чернореченский, на территории совхоза «Севастопольский», Озерное III) отмечены только прямоугольные, трапециевидные, подовальные в плане аланские склепы-катакомбы, которые затем господ-

Рис. 5. Позднескифские склепы-катакомбы: 1—2 — Неаполь скифский, склепы 37—38 (по Э. А. Симоновичу); 3 — Усть-Альминское, склеп 1 (по Т. Н. Высотской); 4 — Золотая Балка, склеп 2(3) (по М. В. Вязьмитиной)

ствуют во многих раннесредневековых могильниках Юго-Западного Крыма (см. главу 4 нашей работы), и полностью отсутствуют круглые в плане позднескифские склепы с относительно широкой входной ямой, исследованные в некрополе Неаполя скифского и Усть-Альминском могильнике в Крыму [183, с. 92], в могильниках Золотобалковском и у с. Николаевка-Козацкое на Нижнем Днепре [189, с. 12—90; 441, с. 154—162] (рис. 5).

Таким образом, точка зрения о существовании как средневековых тавров, так и средневековых скифов в Крыму не подтверждается, по нашему мнению, данными ни письменных, ни археологических источников и вряд ли может быть принята как научная гипотеза.

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА О РАННИХ СЛАВЯНАХ В КРЫМУ

В литературе неоднократно предпринимались попытки обосновать раннюю (до IX—X вв.) колонизацию Крыма славянами. Однако первое письменное свидетельство о походе русов на северное побережье Черного моря относится только к первой пол. IX в. В «Житии Стефана Сурожского» описан поход князя Бравлина: «...приде рать велика роусская из Новаграда, князь Бравлин силен зело, плени от Корсуня и до Корча...» [402, с. 11]. 988—989 гг. датируется поход князя Владимира на Корсунь, но ни один из сохранившихся раннесредневековых источников не говорит о славянах или русах как о постоянном населении Крыма. Не убеждает в обратном и «Житие Константина Философа», в котором сообщается, что Константин, будучи в Херсоне, «нашел же здесь евангелие и псалтырь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего на том языке» [17, с. 77]. Большинство исследователей в настоящее время считают, что в этом месте «Жития» речь идет о сурских (т. е. сирийских), а не русских письменах [17, с. 117]. Ввиду же полного отсутствия свидетельств раннесредневековых авторов о каком-либо проникновении славян в Крым до IX в. исследователи, поставившие вопрос о пребывании ранних славян в Крыму, пытались подобрать для его решения памятники материальной культуры, причем некоторые из них необоснованно привлекали для этой цели теорию Н. Я. Марра о стадильности. Автохтонное происхождение славян в Крыму доказывали П. Н. Надинский и П. Н. Шульц, которые относили их к

потомкам скифов и тавроскифов [333, с. 45—48; 499, с. 117, 119, 128; 501, с. 89—93]. На основании изучения археологического материала П. Н. Шульц пришел к выводу, что культура скифов является одним из источников русской культуры. Самый убедительный аргумент, по его мнению,— это мотив богини-прародительницы, очень сходный по своей семантике у скифов, сарматов и славянских народов. Но ничего специфически скифо-сарматского в иконографии ни русского, ни украинского народного творчества нет. Сюжет богини с прибогами (который, кстати, отмечен и на греческих архаических вазах), как и древо жизни, был присущ многим народам [99, с. 68—75]. Тенденциозность точки зрения об автохтонном происхождении славян в Крыму настолько очевидна, что ее не нужно разбирать детально. Отметим лишь, что во времена разгрома теории Н. Я. Марра мнение П. Н. Шульца и П. Н. Надинского подверглось резкой и справедливой критике [394, с. 10—12; 395, с. 6; 414, с. 276].

Совершенно иное решение вопроса о ранних славянах в Крыму предложили Е. В. Веймарн, С. Ф. Стржелецкий и А. П. Смирнов [155, с. 94—99; 413, с. 32—45; 414, с. 277—278]. Изучая особенности Ай-Тодорского, Чернореченского и нескольких других крымских могильников III — первой пол. V в., содержащих трупосожжения и некоторые черняховские вещи, указанные исследователи отнесли их к культуре полей погребений черняховского типа и на основании этого пришли к выводу об их славянской принадлежности, а значит, и о ранней колонизации Крыма славянами. В целом верно определив направление проникновения в Крым — с севера — пришлых племен, оставивших указанные могильники, Е. В. Веймарн, С. Ф. Стржелецкий и А. П. Смирнов примкнули к господствовавшему до середины 50-х годов мнению о славянской принадлежности всех без исключения памятников черняховской культуры. П. Н. Третьяков [472, с. 141], В. В. Мавродин [316, с. 11] и некоторые другие исследователи поддержали точку зрения о ранней колонизации Крыма славянами, поскольку она вполне согласовывалась с намечавшейся в те годы тенденцией повсеместно искать и «находить» славян. Тем не менее многие ученые подвергли эту концепцию резкой критике [306, с. 27—28; 265, с. 13—14; 266, с. 160—161; 269, с. 182—185; 463, с. 322, примеч. 3; 465, с. 178, примеч. 11; 520, с. 487, примеч. 6; 358, с. 102—109].

Некоторые концепции тех лет, в частности точка зрения об этническом единстве черняховской культуры как славянской, уже пересмотрены. Многие советские археоло-

ги (М. И. Артамонов, В. В. Кропоткин, Ю. В. Кухаренко, М. А. Тиханова, П. Н. Третьяков, В. Д. Баран, Г. Б. Федоров, М. Б. Шукин и др.) неоднократно высказывались о разноэтничности ее носителей, в числе которых, кроме славянских, в первую очередь называют германские, фракийские, сарматские, позднескифские племена. Причем в каждом регионе черняховской культуры прослежены различные сочетания этнических признаков. В Северном же Причерноморье отчетливо выделяются вельбарские и сарматаланские черты (см. главу 2 нашей работы).

Среди популярных когда-то доказательств существования раннеславянского населения в Крыму, а именно на Боспоре, чаще всего упоминалась надпись III в., в которой дан перечень главных должностных лиц Боспора [256, с. 38—43]. Среди нескольких десятков имен в ней упоминается Ант, сын Папия (*Ἄντας Παπίου*). Созвучие этого имени с этнонимом «ант» неоднократно использовалось для подтверждения точки зрения о проникновении в Крым ранних славян уже в III в. [399, с. 44; 198, с. 19]. Однако имя «Ἄντας» никакого отношения к славянам не имеет. Это греческое имя [538, с. 360].

Не менее спорной является также высказанная в литературе точка зрения о смешанном славяно-аланском населении Телсеня и других поселений Восточного Крыма VIII—IX вв. [115, с. 95, 101, 127, 135, 138, 145; 413, с. 44—45; 414, с. 278; 111, с. 511; 193, с. 40]. В качестве славянского этнического признака представлена группа серой гончарной керамики — горшки яйцевидной или шарообразной формы с плоским дном и отогнутым венчиком, сплошным рифлением и многорядной врезной волнистой линией в верхней части сосуда. Однако данная керамика сильно отличается от современных ей лепных горшков ромено-боршевской культуры с соседних территорий и принадлежит к кругу признаков салтово-маяцкой культуры. Она в значительном количестве обнаружена на Салтовском, Саркелском и других городищах и степных поселениях в бассейне Дона и Дона [315, с. 107—111, рис. 6; 363, с. 220—222, рис. 9; 364, с. 20—23, рис. 11—12; 365, с. 106—108]. Поводом для неверного определения части салтовских горшков VIII—IX вв. послужило их внешнее сходство со славянской керамикой X—XI вв., распространенной от Новгорода и Смоленска до Чехии. Кроме хронологического разрыва не менее чем в 100 лет, славянские горшки отличаются примесями в тесте (мелкая дресва вместо песка) и, как правило, более отогнутыми венчиками и более конусовидным туловом с округлыми плечиками [364, с. 23; 365, с. 107].

Исследования салтово-маяцкой культуры и синхронных, связанных с ней крымских памятников [520, с. 480—487; 521, с. 116; 523, с. 292—293; 190, с. 96—99; 121, с. 1—23] полностью опровергают концепцию о славянах VIII—X вв. в Крыму, которая в 50-е годы была настолько популярной, что даже отразилась на выводах антропологов. Так, по мнению К. Ф. Соколовой, краниологические серии из Судака (VIII—XII вв.) и Коктебеля (VIII—X вв.) имеют сходство с приднепровскими сериями, относящимися к восточной ветви средиземноморской расы (к так называемому «понтийскому» типу) [423, с. 75—77]. При этом даже не было оговорено, что «понтийский» антропологический тип характерен для многих народов Причерноморья. Более верным представляется нам предположение К. Ф. Соколовой о сходстве краниологических серий из Судака и Коктебеля с долихокранным, узколицым типом черепов из Верхне-Салтовского могильника и Саркела [423, с. 77]. Это наблюдение в сочетании с выводами Ю. Д. Беневоленской о вхождении ранних болгар, обладавших брахикранным типом, в состав населения раннесредневекового Крыма, представляется более правдоподобным, так как оно согласуется с наблюдениями археологов о близости материальной культуры населения Крыма VIII—IX вв. (в особенности его восточной части) салтово-маяцким древностям Таманского п-ва, низовьев Кубани и Дона. В качестве возможных компонентов сложившегося здесь конгломерата могут выступать аланы, болгары и даже хазары [110, с. 235—239; 525, с. 183—193; 527, с. 131—138].

Средневековые топонимы с корнем «рос», отмеченные в Крыму, также не свидетельствуют о проживании здесь славян. В работах Д. Л. Талиса [457, с. 229—234; 458, с. 87—99] приведены вполне убедительные доказательства того, что крымские росы, судя по письменным источникам и массовому археологическому материалу второй пол. I тыс. н.э., этнически близки одновременному им населению Подонья и Приазовья. Выводы Д. Л. Талиса, вероятно, согласуются с предположением Д. Т. Березовца об идентификации носителей салтово-маяцкой культуры с русами арабских географов [125, с. 59—74].

Из всех существующих гипотез о славянах в Крыму наиболее правдоподобно выглядит мнение А. Л. Якобсона [516, с. 35; 521, с. 119—128] и Г. Ф. Корзухиной [255, с. 135—137] об эмиграции каких-то групп населения из древней Руси в XIII в. во время татаро-монгольского нашествия. Это предположение основано на археологических материалах (новгородские гривны, кресты, сосуды) из раскопок Хе-

рсона. Русское население Каффы, Судака и Солхата XIII—XVIII вв. (преимущественно, вероятно, торговый люд), иногда упоминавшееся вместе с кыпчаками и аланами, за-свидетельствовано письменными источниками [437, с. 147—154; 367, с. 50]. Для периода позднего средневековья можно говорить и о невольниках из славянских земель, попадавших в Крым в результате татарских разбойничьих набегов. О ранних же славянах в Крыму нет пока убедительных свидетельств — ни письменных, ни археологических. Все попытки найти их носили тенденциозный, иногда даже псевдонаучный характер. Ведущие советские исследователи уже отказались от большинства предложенных концепций о ранней колонизации Крыма славянами.

2 ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ III-ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ V В. В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ИХ РОЛЬ В ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА

С III в. в Северном Причерноморье происходили сложные этнические процессы. Проникновение на эту территорию различных германских племен, формирование здесь разноэтничного готского союза, сокрушительные грабительские походы варваров, приведшие к гибели многих античных поселений и т. н. позднескифского царства в Крыму, смена большей части населения полуострова явились преддверием грозных событий кон. IV в.— гуннского нашествия, признаваемого историками началом великого переселения народов.

Проникновение германских племен в Северное Причерноморье в позднеримский период тесно связано с общим военным наступлением германцев по всей линии Рейна, римского пограничного вала и Дуная, от Северного до Черного моря,— наступлением, служившим прямым доказательством все большего роста населения, которое стремилось к расширению своих владений [1, с. 146]. Подталкиваемые перенаселением, они продвигаются не только в области обитания родственных племен, но и далеко за их пределы. В период «военной демократии» нарушается принцип совместного проживания членов одного рода или племени на одной территории. «Повсюду были перемешаны роды и племена, повсюду среди свободных граждан жили рабы, лица, находившиеся под покровительством, чужестранцы» [1, с. 168]. Складываются союзы племен, возглавляемые военными вождями. «Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делается необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа. Военный вождь народа... становится необходимым, постоянным должностным лицом» [1, с. 164]. Характерной чертой периода «военной демократии» становятся войны, грабительские походы. «Богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд» [1, с. 164]. В результате частых передвижений племен, грабительских походов, явившихся одной из наиболее ярких форм процесса переселения, пришлые военные вожди, опираясь на свои

дружины, возглавляли целые союзы разноэтничных племен, распространив свой этноним на название всего союза, складывающейся народности и территории [353, с. 115—116].

Отрывочность сведений позднеантичных и раннесредневековых авторов о населении Юго-Восточной Европы, частое употребление обобщающих терминов («скифы», «готы» и т. п.) при упоминании разноэтничных племен, относительная немногочисленность проникавших с Севера и Запада отрядов создают определенные трудности в решении вопроса о древних германцах в Северном Причерноморье. Больше всего сведений сохранилось о готах, которые были наиболее известны среди восточных германцев. Судьбам готов посвящено одно из крупнейших произведений эпохи раннего европейского средневековья — «Гетика» Иордана. Не рассматривая детально этот труд, мы приведем лишь отрывки, в которых повествуется о проникновении готов в Северное Причерноморье.

Описывая продвижение «войска готов вместе с семьями» из низовьев Вислы, Иордан сообщает, что та «часть готов, которая была при Филимере, перейдя через реку, оказалась, говорят, перемещенной в области Ойум и завладела желанной землей. Тотчас же без замедления подступают они к племени спалов и, завязав сражение, добиваются победы. Отсюда уже, как победители, движутся они в крайнюю часть Скифии, соседящую с Понтийским морем...» [22, с. 70]. Далее Иордан уточняет место обитания готов-победителей в Причерноморье, отмечая, что «когда вышеназванные племена... жили на первом месте своего расселения, в Скифии у Мэотиды, то имели, как известно, королем Филимера» [22, с. 72]. О вступлении готов в «скифские земли» при короле Филимере упоминается и в § 121 «Гетики» [22, с. 90], и в других местах этого труда. Так, рассказывая о местах обитания готов в Причерноморье, Иордан пишет, что их «первое расселение было в Скифской земле, около Мэотийского болота, второе — в Мизии, Фракии и Дакии; третье — на Понтийском море, снова в Скифии» [22, с. 72]. Причем «в третьей области на Понтийском море» они стали «более человечными и... более просвещенными» [22, с. 73].

Поселившись в Северном Причерноморье, готы возглавили обширный союз разноэтничных племен. Наибольшего могущества этот союз достиг при короле готов Германарихе, который, по словам Иордана, «властвовал... над всеми племенами Скифии и Германии, как над собственностью» [22, с. 90]. Отголосок тех времен прослеживается в средневековых скандинавских источниках («Херварасага», «Грен-

ландская песнь об Атли», «Речи Хамдира» и «Песнь о Хледе» из «Старшей Эдды»), в которых упоминаются Данпарстад — столица готов на Днепре, Мюрквид (темный лес), «на готской земле могилы священные, камень чудесный в излучинах Данпа» [57, с. 137, 154—157, 174; 143, с. 54]. О проживании готов в Причерноморской Скифии говорят и другие источники. Так, Аммиан Марцеллин в своей «Истории» отмечает, что «гунны, пройдя через земли алан, которые граничат с гревтунгами и обыкновенно называются Танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе. При их содействии они смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Эрменриха...» [4, с. 243]. Из этого отрывка следует, что государство остготов-гревтушгов граничило с землями аланов-танаитов. Племена остготов и грейтунгов (грутунгов, гревтунгов), по наблюдениям исследователей, разделялись некоторыми древними авторами (например, Клавдием Клавдином в его второй книге «На Евтропию»), но их совместные выступления в войнах, вероятно, позволили Аммиану Марцеллину отождествить эти племена [147, с. 170].

О готах в Причерноморье может свидетельствовать и сообщение Стефана Византийского в «Описании племен»: «Готы — народ, живший прежде в области Меотиды; впоследствии они переселились во внешнюю Фракию» [58, с. 258].

Кроме готов, письменные источники сохранили названия других варварских племен северного и западного происхождения, проникавших в Северное Причерноморье. К ним относятся бораны, герулы-гелуры-элуры и уругунды-буругунды. О вторжении боранов из Приазовья в Малую Азию сообщает Зосим, который описывает их походы 255 (или 256) и 257 гг. По его словам, бораны во время первого похода «попытались даже переправиться в Азию и легко устроили это при посредстве жителей Боспора, скорее из страха, чем из расположения давших им суда и показавших путь при переправе... Боясь за себя, они предоставили скифам проход через Боспор в Азию, переправив их на собственных судах, которые они взяли обратно и возвратились домой...» [19, с. 790]. В 257 г. «скифы снова взяли у Воспоранцев суда и переправились в Азию». Овладев штурмом Питиунтом и Трапезунтом и «опустошив всю его область, варвары возвратились на родину с огромным количеством кораблей» [19, с. 790—791]. Этническая принадлежность боранов неясна, но, судя по рассказу Зосима, они переправлялись через Керченский пролив, а следовательно, — пришли с запа-

да, через Крым. Причем перед описанием этих событий Зосим отмечает, что «бораны, готы, карпы и уругунды (племена, живущие по Истру) не оставили не опустошенными ни одной части Италии и Иллирии...» [19, с. 790]. Бораны под именем «ворады», по свидетельству Неокесарийского епископа Григория, совершали свои грабительские походы на восточное побережье Понта совместно с готами [12, с. 60—61].

Вопрос об этнической принадлежности боранов неоднократно привлекал внимание исследователей. Некоторые из них пытались отнести боранов к скифо-сармато-аланским и даже славянским племенам [372, с. 90; 193, с. 17]. С таким же, по нашему мнению, успехом этническим бораны (вораны) можно было бы сопоставить с названием германского племени варнов, известных Прокопию Кесарийскому [48, с. 210, 357, 438—441] и Агафию [2, с. 32, 206, примеч. 27]*. Отряд варнов принимал участие в походе Нарзеса в Италию. Прокопий Кесарийский сообщает, что «варны осели на севере от реки Истра и заняли земли, простирающиеся до Северного Океана и до реки Рейна, отделяющего их от франков и других племен, которые здесь основались» [48, с. 438], причем он размещает их по соседству с данами [48, с. 210], которые, как известно из «Гетики», вытеснили родственных им герулов [22, с. 69]. Герулы-элуры, к стати, так же, как и бораны, дошли до Меотиды (см. ниже). По мнению М. А. Тихановой, бораны — это одно из лугийских племен [463, с. 322, примеч. 1]**. Однако следует признать, что с большей или меньшей вероятностью источники позволяют пока установить лишь западное по отношению к Северному Причерноморью происхождение боранов.

О проникновении западных племен к Меотиде можно судить по упоминанию Зонары, который сообщает, что часть «скифских» племен приблизилась к Боспору, перешла Меотиду и оказалась у Евксинского Понта [22, с. 259, примеч. 339]. Вполне возможно допущение, что эти «скифы», именем которых Зонара и Зосим часто называли различные западные, в том числе и германские племена, включали в свой состав боранов, а также упоминавшихся вместе с ними на Истре уругундов Зосима и уругундов-буругундов Ага-

* Варнов предположительно отождествляют с предками средневековых вагров, западнославянским племенем, населявшим небольшую территорию в Восточной Голштинии [9, с. 119, 192, 258], но между этими этнонимами существует большой хронологический разрыв.

** К. Годловский и некоторые другие польские археологи связывают с племенным союзом лугиев пшеворскую культуру [511, с. 262].

фия, который относит их к гуннским племенам, обитавшим близ Меотиды, «вокруг той части Меотийского озера, которая обращена к востоку... севернее реки Танаиса... Все они назывались гуннами, или скифами. По племенам же в отдельности одни из них назывались котригурами, другие — утигурами, некоторые — ультизурами, прочие — вуругундами» [2, с. 147—148]. Уругунды, буругунды или вуругунды Агафия — это скорее всего уругунды Зосима, которых, как мы уже отмечали, он размещает вместе с готами, боранами и карпами близ Истра. Так же, как и бораны, уругунды, вероятно, проникли на левый берег Меотийского озера, где и остались, оказавшись затем в числе племен разноэтничного гуннского союза, в который, по сообщениям письменных источников, входили не только аланы, но и подчиненные гуннами германские и другие племена. Обобщающее название «гунны» могло распространиться и на уругундов-буругундов Агафия. В. В. Кропоткин, в отличие от Б. А. Рыбакова, А. М. Ременникова, И. М. Гапусенко, относит их к германским племенам [268, с. 315]. Этноним «уругунды-буругунды», безусловно, ближе всего к названию «готского племени буругундов», хотя эти народы и упоминаются Агафием раздельно.

Еще с большим основанием можно считать германцами примеотийских гелуров (элугов) и герулов (эрулов). Знак равенства между ними ставит Иордан: «Славный подчинением столь многих [племен], он [Германарих] не потерпел, чтобы предводительствуемое Аларихом племя герулов, в большей части перебитое, не подчинилось — в остальной своей части — его власти. По сообщению историка Аблавия, вышеуказанное племя жило близ Меотийского болота, в топких местах, которые греки называют „элэ“, и поэтому именовалось элурами... Они также, наряду с остальными племенами, покорились королю готов Германариху» [22, с. 89—90]. Племя герулов, как мы уже указывали, было некогда вытеснено «с их собственных мест» родственными им данами [22, с. 69]. Прокопий Кесарийский, подробно описывая герулов, указывает, что «они жили по ту сторону реки Истра, к северу» [48, с. 205—206]. Герульские отряды участвовали в общем движении германцев на юго-восток. По сообщению Синкелла о морском походе варваров 267 г., флот гелуров и остготов двинулся из Меотиды и, пересекши Понт, вышел в устье Дуная, где остготы и гелуры соединились с вестготами [147, с. 172]. По свидетельству Зосима о походе 269 г., «остальные скифы, ободренные предыдущими удачными набегами, соединившись с герулами, певками и готами и собравшись у реки Тирис, впадающей в Понт, по-

строили 6000 судов и, сев на них в количестве 320000 человек, двинулись по Понту» [19, с. 793—794]. Биограф императора Клавдия Требеллий Поллион отмечает, что в этом походе участвовали «разные скифские народы, именно певки, грутунги, австроготы, тервинги, визы, гипеды, а также кельты и ерулы», причем во главе похода стояли готы, которые «подстрекнули всех своих соплеменников к захвату римской добычи» [63, с. 301]. Синкелл называет одних герулов [372, с. 129].

Таким образом, письменные источники безусловно свидетельствуют о древних германцах в Северном Причерноморье, об их участии в морских грабительских походах III в.

С походами германских дружин многие исследователи связывают разрушение городов и селищ Северного Причерноморья в сер. III в. [336, с. 237; 148, с. 51; 183, с. 63; 186—188; 181, с. 192—193; 273, с. 109; 505, с. 342; 506, с. 24; 492, с. 300—301; 108, с. 89; 192, с. 145; 135, с. 207, 208 и др.], прекращение чеканки монет в Ольвии и Тире [147, с. 170], зарытие кладов длительного накопления [264, с. 249; 383, с. 101; 477, с. 81; 282, с. 6—9; 202, с. 11]. Археологическим отражением проникновения племен готского союза в Северное Причерноморье несомненно является распространение в этом регионе памятников черняховской культуры [278, с. 147—163], участие германцев в сложении которой не вызывает сомнений у многих исследователей [466, с. 89—94; 296, с. 57—58; 298, с. 75—76; 276, с. 197—205; 512, с. 79—91; 473, с. 19 и др.] *. Черняховская культура, скорее всего, была оставлена разноэтничным готским союзом племен [277, с. 94].

В настоящее время в Северном Причерноморье открыто более десятка могильников черняховской культуры: Фурмановка вблизи дельты Дуная, Викторовка, Кobleво, Ранжевое, Каменка, Каборга IV — на берегах Тиллигульского и Березанского лиманов, Городок — в низовьях Южного Буга, Большая Корениха и Чубовка — на правом берегу Бугского лимана и др. [442, с. 196—201; 443, с. 209—235; 445, с. 63—111; 317, с. 89—90; 318, с. 67—74; 319, с. 105—114; 320, с. 24—62; 208, с. 136—149; 194, с. 45—50; 195, с. 35—53]. В указанных могильниках преобладали трупоположения. При общем черняховском облике материальной

* Одним из наиболее ярких свидетельств участия германцев в сложении черняховской культуры на территории Украины и Молдавии и культуры Сынгана де Муреш-Черняхов на территории Румынии являются рунические надписи на пряслицах и глиняных сосудах или их фрагментах, обнаруженных в пределах распространения этой культуры [469, с. 11—17; 470, с. 133—141; 298, с. 69; 385, с. 324; 471, с. 234—236].

культуры, в типах погребальных конструкций этих захоронений и некоторых деталях обряда труположения отчетливо выделяются сарматские погребальные традиции. Могила с заплечиками преобладала в Каменке (28 из 33), Ранжевом (10 из 19), Коблево (27 из 52), Викторовке (6 из 14); они отмечены также в Фурмановке (3 из 25) и Каборге (3 из 27). Подбойные могилы открыты в Фурмановке (8 из 25), Викторовке (9 из 14), Ранжевом (4 из 19), Коблево (9 из 52), Каборге (4 из 27), Каменке (3 из 33), Чубовке (1 из 4). Шесть подпрямоугольных и овальных в плане склепов (из 52 погребений) обнаружены в могильнике Коблево, два из 25 — в Фурмановке. Овальный в плане склеп зафиксирован также в могильнике Большая Корениха. Все перечисленные типы погребальных сооружений, включая прямоугольно-удлиненные и широкие подпрямоугольные ямы, в различных сочетаниях обнаружены в позднесарматских могильниках Нижнего Поволжья, Прикаспия, Волго-Донского Междуречья [416, с. 111; 410, с. 59—72; 336, с. 26—28].

Вместе с тем в большей части перечисленных могильников обнаружены урновые и ямные трупосожжения: Каборга IV (9 из 27), Коблево (8 из 52), Городок (6 из 9), Фурмановка (3 из 25), Викторовка (2 из 14)*. Некоторые особенности обряда трупосожжения — сжигание вместе с покойником всех предметов, сопровождавших его в загробный мир (в том числе вторичный обжиг посуды на погребальных кострищах), преднамеренное разбивание сосудов в захоронениях и т. п.; культовые ямы, заполненные камнями и незначительным количеством древесных угольков (на территории могильника Каборга IV); некоторые предметы погребального инвентаря: чернолощенная трехручная ваза т. н. пшеворского типа и полусферическая миска того же круга из могильника Городок, лепной горшок с загнутым внутрь краем и ошершавленной поверхностью из могильника Чубовка, вазы с X-видными ручками-ушками, ведрообразный сосуд добродзеньского типа, фибулы, украшенные зернеными декоративными кольцами, корзинообразные железные подвески из могильника Каборга IV и т. п., — несомненно свидетельствуют о проникновении в Северное Причерноморье в III—IV вв. германского населения из области распространения вельбаркской и пшеворской

* По наблюдениям Б. В. Магомедова, часть мелкозалегающих трупосожжений на территории могильника Каборга IV могла быть уничтожена при вспашке. Об этом свидетельствует насыщенность пахотного слоя обломками пережженной керамики и кальцинированных костей [320, с. 53].

культуры [318, с. 71—72; 319, с. 113—114; 320, с. 53—55, 57, 59; 321, с. 148—150; 203, с. 146—147] *.

Таким образом, находки в черняховских могильниках Северного Причерноморья свидетельствуют о смешении населения из северо-западных областей (скорее всего, германцев) с сармато-аланами. Этот процесс отразился также в материалах позднеримских биритуальных могильников Юго-Западного Крыма (см. главы 3—4 нашей работы). Именно из Северного Причерноморья совершались морские грабительские походы, в которых, судя по письменным источникам, участвовали разноэтничные дружины, и именно с готскими войнами, очевидно, следует связать проникновение племен готского союза на Крымский полуостров.

Определенный интерес в связи с рассматриваемыми вопросами представляют также находки IV—V вв. из Танаиса и его могильника. Кроме предметов импорта, сарматской лепной керамики и костяных обкладок лука гуннского времени, здесь найдены острореберные лепные миски и другие сосуды черняховского облика, костяные трехчастные гребни, различные фибулы западных типов, известные в черняховской культуре, Средней и Северной Европе, и т. п. [492, с. 307—335]. Появление этих вещей на городище Танаиса уже после гибели этого города в сер. III в. свидетельствует о проживании здесь каких-то западных племен, возможно, выходцев из готского союза, которые после гуннского нашествия продолжали обитать вблизи Меотиды.

НАШЕСТВИЕ ГУННОВ И КРЫМ

С кон. IV в. в истории Северного Причерноморья начинается т. н. гуннский период. Гуннское нашествие, изменившее этническую карту Юга Восточной Европы, явилось одним из самых значительных событий периода великого перенаселения народов. В последней четв. IV в. гунны, подчинив часть аланов, разгромили готский союз племен. Об этом сообщают Аммиан Марцеллин [4, с. 243—245], Евнапий [15, с. 726], Павел Орозий [41, с. 404], Созомен [55, с. 762—763], Зосим [19, с. 800—801], Иордан [22, с. 92], Прокопий Кесарийский [48, с. 385—387], Агафий [2, с. 147—

* Сосуществование трупосожжений (с вельбаркскими и пшеворскими традициями) с труположениями, в которых наблюдаются сарматские черты, отмечено также в некоторых могильниках более северных регионов черняховской культуры, например, у с. Курники в среднем течении Южного Буга [323, с. 146—147].

148] и другие авторы. П. Н. Третьяков, М. А. Тиханова, В. В. Кропоткин, М. Б. Щукин и многие другие исследователи связывают с нашествием гуннов прекращение существования значительной части поселений и могильников черняховской культуры, что согласуется со свидетельством письменных источников о том, что готы (племена готского союза) были прогнаны гуннами. Так, по свидетельству Павла Орозия, «племя гуннов, долгое время отрезанное неприступными горами, возбужденное внезапным неистовством, двинулось против готов и, приведя их повсюду в замешательство, выгнало из старинных мест жительства» [41, с. 404]. Аммиан Марцеллин сообщает, что, «потеряв надежду дать отпор, они [гревтунги] осторожно отступили и перешли на реку Данастию» [4, с. 244]. Прокопий Кесарийский в «Войне с готами» свидетельствует о том, что «гунны, внезапно напав на живших на этих равнинах готов, многих из них перебили, остальных же обратили в бегство. Те, которые могли бежать от них, снявшись с этих мест с детьми и женами, покинули отеческие пределы и, перейдя через реку Истр, оказались в землях римлян» [48, с. 386].

Гунским нашествием был охвачен и Крымский полуостров. Правда, Аммиан Марцеллин и Евнапий, современники тех грозных событий, ничего не говорят о гуннах в Крыму. О движении гуннов через Крым умалчивает и Павел Орозий, написавший свою «Историю против язычников» около 417 г. Зато раннесредневековые авторы, вероятно, вслед за Созоменом, автором написанной приблизительно в 444 г. «Церковной истории», единодушно пересказывают легенду о переходе гуннов через устье Меотийского озера. Этот путь им вроде бы показала лань, или олень, или корова, ужаленная слепнем. Сюжет о животном-проводнике был распространен еще до прихода гуннов в Европу. В фабуле данной легенды можно заметить пережиток античного мифа об Ио, жрице богини Геры, которую Зевс обратил в корову; Гера же наслала на корову слепня, гонимая которым, она обошла много земель [6, с. 24—25]. А в трагедии Эсхила «Прометей прикованный» находим строки, свидетельствующие о переходе Ио через устье Меотиды — «Боспор» («Коровий брод») [71, с. 198]. Важное место в сюжете мифа о дочери царя Агамемнона Ифигении, которую богиня Артемида перенесла в Тавриду, занимает легенда о священной лани или олени. Этот миф был хорошо известен не только античным, но и раннесредневековым авторам. Вероятно, поэтому в созданной легенде корова, ужаленная слепнем, чередуется у них с ланью или оленем [150, с. 20]. Таким образом, в результате перенесения древнего

мифа на исторический факт переход гуннов через Меотиду приобрел легендарную окраску. Но вряд ли этот путь был основным. Главная масса гуннов ринулась прямо из Задонья в украинскую степь и далее на запад. Однако, учитывая многочисленные свидетельства раннесредневековых авторов (Созомена, Зосима, Иордана, Прокопия Кесарийского и др.), можно предположить, что одна из волн гуннских племен прошла через Крымский полуостров [356, с. 92—102].

Наиболее достоверным выглядит свидетельство Прокопия Кесарийского о движении гуннов-утигуров в обратном направлении — через Крым и Меотиду. Утигуры, по словам Прокопия, ранее жили за Меотидой и приняли участие в общем движении различных племен, известных под общим именем «гунны». После распада «державы» Атиллы, «утигуры (в отличие от кутригуров) со своим вождем решили вернуться домой, с тем, чтобы в дальнейшем владеть этой страной одним». В этом движении они увлекли крымских готов-тетракситов, вместе с ними перешли через пролив и поселились за Меотидским озером [48, с. 385—388]. Движение утигуров в обратном направлении свидетельствует о том, что путь через устье Меотиды был им хорошо известен и ранее использован при общем движении гуннов на запад.

Рассматривая вопрос о гуннах в Крыму, необходимо упомянуть и альтиагиров, о которых сообщает Иордан. По его словам, одни из гуннов «зовутся альтиагирами, а другие — савирами, но места их поселений разделены: альтиагиры — около Херсоны, куда жадный купец ввозит богатства Азии; летом они бродят по степям, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота; зимой же переходят к Понтийскому морю» [22, с. 72]. На основании этого отрывка из «Гетики» некоторые исследователи (Е. Ч. Скржинская, В. В. Кропоткин и др.) локализируют альтиагиров в Юго-Западном Крыму, буквально понимая слова Иордана «около Херсоны». Однако, если учесть, куда Иордан помещает другое гуннское племя — акациров (между эстами, с которыми «соседей» акациры, и булгарами «над Понтийским морем» [22, с. 72]), то под выражением «около Херсоны» можно понимать в лучшем случае крымские степи. Вместе с тем необходимо отметить, что в 1982 г. Г. М. Николаенко и Н. И. Тарасенко открыли на Гераклейском полуострове, на заброшенных участках наделов эллинистического времени каменные фундаменты юрт V—VII вв. — округлых в плане, с конусовидными стенами, узким входом и очагом. Эти находки могут служить архео-

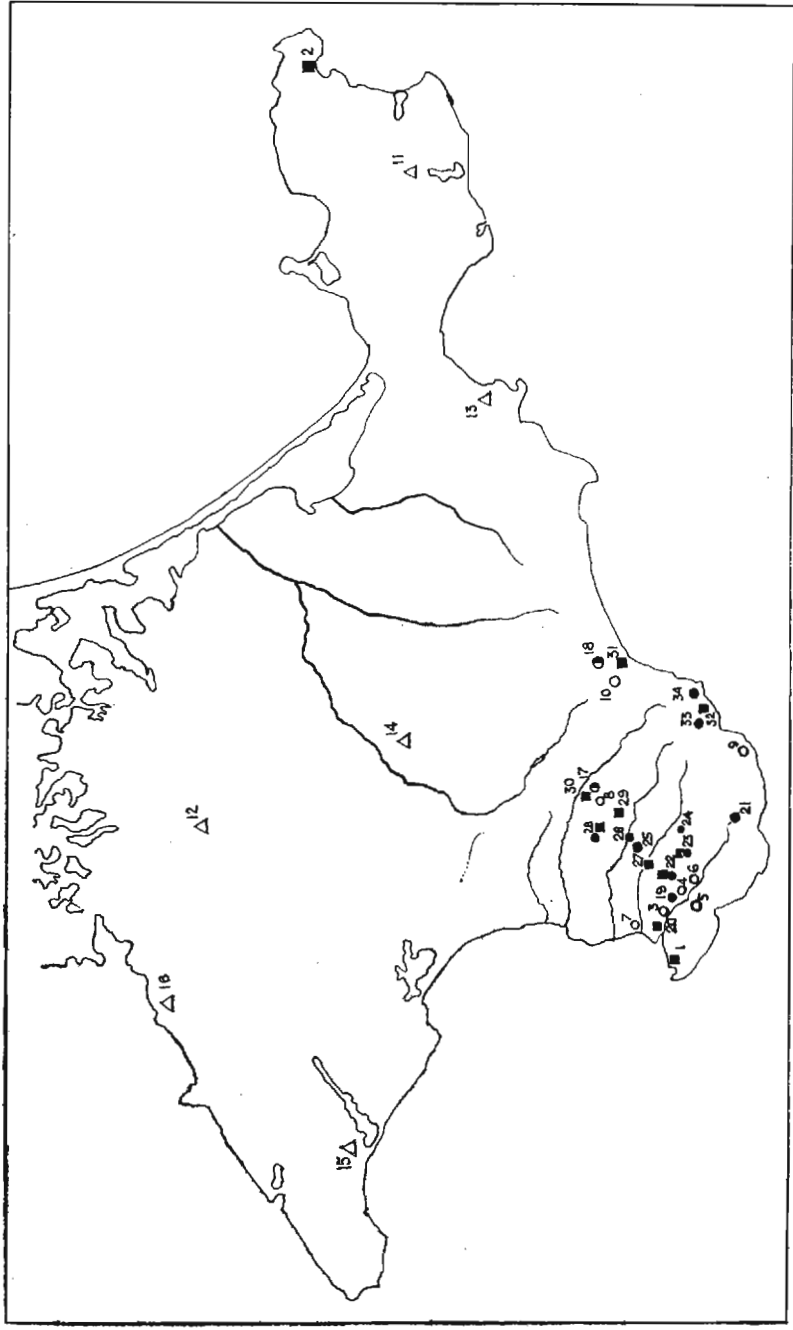

Рис. 6. Картограмма памятников позднеантичного и раннесредневекового времени в Крыму.

○ — могильники IV—IX вв.;
 ● — могильники VI—IX вв.; ■ — раннесредневековые крепости и города; 1 — Херсонес; 2 — Боспор; 3 — Иккерманский; 4 — на территории совхоза «Сенаспольский»; 5 — Чернореченский; 6 — т. н. «могильник Бертге-Делагарда»; 7 — Вельбек I; 8 — Озерное III; 9 — Ай-Тодорский; 10 — Чатырдаг; 11 — Марфонка; 12 — Мирлюбовка; 13 — гора Клементьевка; 14 — Чикаренко; 15 — Велаяс; 16 — Дюртовое; 17 — Скалистинский; 18 — Лучистое; 19 — у высоты «Сахарная головка»; 20 — Катамита; 21 — Узень-Баш; 22 — Эски-Кермен (крепость и могильник); 23 — Мангуп (крепость и могильник); 24 — Аромат; 25 — Большое Садонное; 26 — Вашигановка; 27 — Сюрен; 28 — Чуфут-Кале (крепость и могильник); 29 — Тепе-Кермен; 30 — Бакала; 31 — Алустон; 32 — Горзубиты; 33 — Суук-Су; 34 — Артек I

логическим подтверждением свидетельства Иордана об альтиагирах «около Херсоны».

О гуннах в Крыму неоднократно упоминает Прокопий Кесарийский. По его словам, пришельцы заняли обширную область Северного Причерноморья, включая Пантикапей [47, с. 249]. Император Юстин, пытаясь использовать гуннов в качестве союзников, послал к ним в «Боспор патрикия Прова... с большими деньгами, чтобы склонить гуннское войско идти на помощь к ивирам» [44, с. 142—143]. Однако гунны отказались стать федератами Византии.

Власть гуннов на Боспоре продолжалась до нач. VI в. По сообщению Прокопия, «лежащее между Херсоном и Боспором пространство занято гуннами. Боспориты были в древности независимы, но незадолго перед тем поддались царю Юстину» [44, с. 143—144]. Этот же факт упоминается и в другом произведении Прокопия («Война с готами»): «...город по имени Боспор, не так давно ставший подчиненным римлянам. Если идти из города Боспора в город Херсон, который лежит в приморской области и с давних пор тоже подчинен римлянам, то всю его область между ними занимают варвары из племени гуннов» [48, с. 388]. Но кого мог подразумевать Прокопий под «племенем гуннов»? Ведь термин «гунны» часто употреблялся средневековыми авторами как один из обобщающих терминов для обозначения многих кочевых и полуседлых народов Восточной Европы. Под крымскими гуннами могли понимать соседних с Таврикой утургуров-утигуров, некогда прошедших через Крым. По мнению ряда исследователей, утигуры и утигуры — болгарские племена [110, с. 87; 524, с. 151, примеч. 6]. В первой пол. VI в. болгары неоднократно упоминаются в качестве опасных врагов империи (Феофан, Малала, Марцеллин Комит). Болгарами первоначально именовалась группа угров, присоединившихся к гуннам еще в западной Сибири и Приуралье [110, с. 83—84]. Вероятно, поэтому Прокопий,

Агафий и Менандр называют болгар гуннами. Вместе с тем следует отметить, что в этногенезе праболгар принял участие и сармато-аланский, иранский элемент [130, с. 237—247]. Среди крымских гуннов, возможно, были альтиагиры (если точна их локализация по Иордану) и аланы, которые еще до появления гуннов занимали широкий простор прикавказских и приазовских степей. «...В разбоях и охотах они доходят до Мэотийского моря и Киммерийского Боспора» [4, с. 242].

В период раннего средневековья аланы численно преобладали в Крыму. Прокопий Кесарийский вполне мог отнести аланов к «гуннскому племени». По свидетельству Аммиана Марцеллина, Иордана и других авторов, гунны по пути на запад подчинили аланов. В связи с этим интересно сообщение Аммиана Марцеллина о том, что после смерти Германариха новый царь Витимир «оказывал некоторое время сопротивление аланам, опираясь на другое племя гуннов» [4, с. 243]. Аланы упоминаются Иорданом при перечислении племен, которых Атила держал в своем подчинении [22, с. 118—119]. На аланской основе формирова-

лись многие политические образования на Юге Восточной Европы (правда, ко времени гуннского нашествия аланы уже не представляли собой единой этнической общности. По сообщению Аммиана Марцеллина, аланы «подчинили себе... соседние народы и распространили на них свое имя... Они объединились под одним именем и все зовутся аланами» [4, с. 240—241]).

Немало аланов было и в гуннском союзе племен. По мнению исследователей, некоторые представления о племенах гуннского союза дают могильники IV—V вв. Саратовского Поволжья, где преобладают сармато-аланские признаки и вместе с тем отмечены определенные черты, свидетельствующие о присутствии здесь гуннов: монголоидные черепа, большие, с костяными обкладками луки, появившиеся еще в III—II вв. до н. э. в усуньско-хуннской среде, остатки деревянных седел, тюркские трупосожжения с таким же инвентарем и т. п. [405, с. 88—91; 419, с. 74]. Таким образом, сообщение Прокопия Кесарийского о гуннах, обитавших между Боспором и Херсоном, не следует понимать буквально, так как здесь могли обитать различные племена, лишь суммарно отнесенные к гуннам. На вопрос о том, были ли в Крыму настоящие гунны — потомки северных хунну I в. до н. э. (которых, по мнению исследователей, было совсем немного в Европе [110, с. 40—68]), ответить чрезвычайно трудно.

Вопрос о гуннах в Крыму неоднократно рассматривался в литературе. Наиболее заметные следы нашествия этих кочевников исследователи отмечали на Боспоре, «гуннский период» в истории которого традиционно характеризовался как время общего упадка хозяйства, разрухи и варваризации населения [520, с. 458—466; 524, с. 7; 110, с. 88]. Однако многочисленные следы разрушений и пожаров в боспорских городах (Фанагории, Гермопассе, Кепях, Тиритаке и др.), ранее безоговорочно относимые к кон. IV — нач. V в., на основании исследований 1983—1985 гг. уже связывают с захватом Боспора Византией в 527—534 гг. [397, с. 128—129]. Установлено, что Ильичевское городище на Тамани было уничтожено во второй пол. VI в., во время войн Турксанфа с Византией. Раннесредневековый комплекс этого городища надежно датирован Э. Я. Николаевой (результаты ее исследований опубликованы частично) по наборам

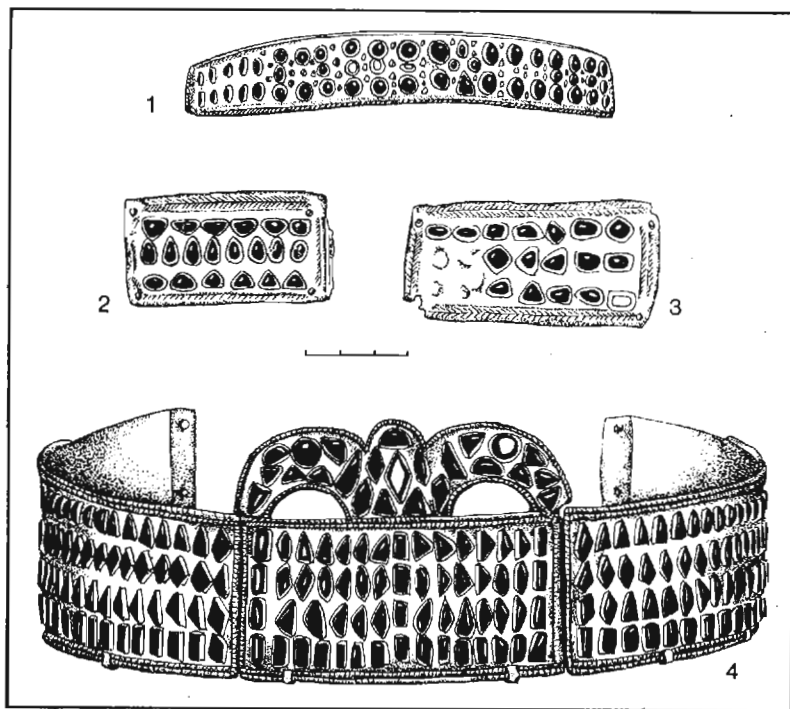

Рис. 7. Инкрустированные диадемы из гуннских погребений в Крыму:

1 — Марфовка (по Ю. Марти); 2—3 — Миролюбовка (по Т. Н. Высотской и Е. А. Черепановой); 4 — Керчь (Римско-германский музей, Кельн, ФРГ)

амфор V—VI вв., краснолаковым тарелкам с клеймами, стеклянным сосудам и бусам, изделиям из бронзы и золотым византийским монетам императора Юстиниана I.

Но, конечно же, было бы совершенно неправомерным ставить под сомнение факт пребывания гуннов в Крыму. В пользу этого факта свидетельствуют археологические памятники (рис. 6, 11—16), в первую очередь — одиночные погребения IV—V вв. с инкрустированными диадемами, которые в гуннское время распространяются от Казахстана до Центральной Европы [467, с. 117—127; 232, с. 38—43]. Больше всего таких погребений найдено в Северном Причерноморье. Известны они и в Крыму: в с. Марфовка близ Керчи (рис. 7, 1) [326, с. 48, рис. 25]; на территории совхоза им. Калинина, у с. Миролобовка Красногвардейского р-на (рис. 7, 2—3) [179, с. 187—195, рис. 2, 1—2]. Есть и случайная находка гуннской диадемы из Керчи (рис. 7, 4) [407, с. 120, рис. 4, 1].

Точно установить этническую принадлежность большинства погребений с диадемами не представляется возможным. Они могут быть и сармато-аланскими, и гуннскими. Многие черты материальной культуры племен гуннского времени можно считать общими для этой эпохи, и трудно выделить какие-то несомненно гуннские признаки [415, с. 325]. Исследователи сходятся на том, что эти памятники оставлены кочевниками гуннского времени. К этой же группе одиночных захоронений относятся впускные погребения с украшениями полихромного стиля и останками коня, обнаруженные в Северо-Восточном Крыму близ пос. Портовое Раздольненского р-на [507, с. 180], у пос. Чикаренко Октябрьского р-на [119, с. 243—245], а также на горе Клементьевка в окрестностях Феодосии [179, с. 195—196], в Черноморском р-не близ Донузлавского озера (вторичное погребение в склепе Беляусского некрополя) [210, с. 52—61]. В инвентаре последнего обнаружен характерный для гуннов предмет — золотая обкладка от деревянной фигурки лошади или осла (по мнению исследователей, появившиеся в Европе деревянные и медные украшения, покрытые золотой фольгой, принадлежали гуннам [415, с. 325]). Череп погребенного был искусственно деформирован еще при жизни и имел монголоидные черты.

Возможно, гуннскими являются литые бронзовые амулеты IV—V вв. в виде стилизованных человеческих фигурок, иногда — с подчеркнута тюркскими признаками лица, прически и одежды. Они известны в Средней Азии, Приазовье [331, с. 95—96], а также в Восточном Крыму [281, с. 254—256] и Херсонесе [369, с. 186—187]. К гуннским

древностям Н. В. Пяташева относил и некоторые памятники херсонесской скульптуры IV—V вв., на которых появляется характерная особенность прически — коса. Обычай ношения кос известен у различных кочевников Средней Азии, в том числе у гуннов.

В раннесредневековых могильниках этой части полуострова («Сахарная головка», Скалистинский) иногда встречаются черепа с монголоидными признаками [424, с. 127—128]*. Они датируются не ранее чем VI—VII вв. и могли принадлежать как гуннам, так и выходцам из Тюркютского каганата (сер. VI — сер. VII в.), сложившегося в каспийско-приазовских степях [110, с. 137]. По сообщению византийского историка Менандра, в 576 г. один из подчиненных кагану вождей по имени Турксанф двинул многочисленное войско под предводительством Бохана на завоевание Боспора, возле которого уже стоял отряд подчиненных тюркам утигуров во главе с Анагеем. Тюркюты взяли Боспор, заняли степной Крым и в 580 г. подступили к Херсону. Но в период междоусобной борьбы в Тюркютском каганате (581—587 гг.) Византия отвоевала у кочевников Боспор [31, с. 422—432, 462]. Возможно, во время этих событий какая-то группа тюрков просочилась в состав населения Юго-Западного Крыма. Правда, черепов с монголоидными признаками здесь найдено очень мало и почти все они женские, что скорее всего свидетельствует об эпизодических смешанных браках крымских горцев с тюрками (тем более, что основная масса этих черепов происходит из Скалистинского могильника, расположенного недалеко от степи).

Таким образом, гуннское нашествие, столь трагическое для значительной части населения Юга Восточной Европы и заметно повлиявшее на историю Восточного Крыма, не изменило кардинально этнический состав обитателей Юго-Западного Крыма.

ГОТЫ-ТЕТРАКСИТЫ, ИЛИ ГОТЫ-ТРАПЕЗИТЫ

Готы-тетракситы (отдельная группа крымских готов) упоминаются только Прокопием Кесарийским. До возвращения гуннов-утигуров они жили где-то в Восточном Крыму. «По ту сторону Меотийского Болота и его впадения в

* Антропологический материал из Скалистинского могильника обработан Г. П. Зипевич.

Эвксинский Понт, как раз на этом берегу,— пишет Прокопий,— и живут с древнейших времен так называемые готы-тетракситы... Значительно в стороне от них осели готы-везиготы, вандалы и все остальные племена готов» [48, с. 385—386]. Указывая, что готы-тетракситы жили «по ту сторону Меотийского Болота и его впадения в Эвксинский Понт», Прокопий Кесарийский имеет в виду западный берег Керченского пролива, т. е. восточное побережье Крыма. Это ясно из предыдущего параграфа «Войны с готами»: до перехода через Меотиду утигуры и кутригуры не имели «общения с людьми, которые обитали по ту сторону Болота и его устья» [48, с. 385].

Более точная локализация готов-тетракситов дана Прокопием при описании возвращения гуннов-утигуров через Крымский полуостров и Керченский пролив после общего движения гуннских племен на запад: «Недалеко от Меотийского Болота они [гунны-утигуры] встретили так называемых готов-тетракситов. И сначала готы, устроив преграду из своих щитов против наступающих на них готов [следует понимать гуннов], решились отражать их нападения, полагаясь на свою силу и на крепость своих позиций; они ведь были самыми сильными из всех тамошних варваров. Кроме того, начало устья Меотийского Болота, где в то время обосновались готы-тетракситы, образует залив в виде полумесяца, окружая их почти со всех сторон, и поэтому дает для наступающих против них один, и при этом не очень широкий путь. Но потом (так как ни гунны не хотели тратить здесь на них время, ни готы никак не могли надеяться с достаточным успехом сопротивляться такой массе врагов) они вступили друг с другом в переговоры, с тем, чтобы, соединив свои силы вместе, совершить переход; они решили, что готы поселятся на противоположном материке у самого берега пролива, там, где они живут и теперь, и став на дальнейшее время друзьями и союзниками утигуров, будут жить там все время, пользуясь с ними равными и одинаковыми правами. Вот таким образом обосновались здесь готы...» [48, с. 387].

Мнения исследователей по вопросу о месте встречи гуннов-утигуров и готов-тетракситов разделились. С. П. Кондратьев при переводе «Войны с готами» неизвестно на каком основании указывает Перекопский перешеек. Его ошибку исправляет Е. В. Веймарн, локализуя готов-тетракситов на выступающей в море северо-восточной части Керченского полуострова [163, с. 64]. Именно в этом месте «начало устья Меотийского Болота образует залив в виде полумеся-

ца». Кстати, Керченский пролив здесь наиболее узкий и удобный для перехода. Таким образом, Прокопий относительно точно указывает место обитания готов-тетракситов в Восточном Крыму, где они жили «с древнейших времен» (вероятно, с III в.), до возвращения гуннов-утигуров (скорее всего, до V в.). В дальнейшем готы-тетракситы известны Прокопию на левом берегу Керченского пролива (на Тамани): «Рядом с теми местами, откуда начинается устье Болота, живут так называемые готы-тетракситы; они многочисленны и тем не менее не хуже многих других с благоговением соблюдают христианский закон» [48, с. 384]. Готы-тетракситы были союзниками гуннов-утигуров, которые, выступая против кутригуров на стороне Византии, пригласили «себе на помощь из живших рядом с ними готов... две тысячи воинов...» [48, с. 435].

В. Саханев [398, с. 168—174], А. А. Васильев [150, с. 333], М. А. Тиханова [463, с. 323] и другие исследователи в качестве подкрепления свидетельства Прокопия приводят сообщение Псевдо-Арриана о том, что «от Синдской гавани до гавани Пагры прежде жили народы, называвшиеся керкеты или ториты, а ныне живут так называемые эвдусианы, говорящие на готском или таврском языке» [49, с. 279]. Возможно, речь идет о готах из Таврики, поэтому упоминается язык «готский или таврский». Под эвдусианами, вероятно, следует понимать жителей отмеченной Прокопием Эвлисии, которую, по его словам, «занимают варвары вплоть до так называемого „Меотийского Болота“ и до реки Танаиса... Народы, которые тут живут... зовутся утигурами» [48, с. 384]. Однако новое место обитания готов-тетракситов Прокопий локализует у начала устья Меотиды, а Псевдо-Арриан («Объезд Эвксинского Понта») помещает эвдусиан «от Синдской гавани до гавани Пагры», т. е. от современной Анапы до Геленджика. Отмеченное несоответствие ставит под сомнение правильность отождествления готов-тетракситов с эвдусианами. Скорее всего, в источниках упомянуты две разные группы готских племен.

Вопрос об этимологии названия «тетракситы» неоднократно разбирался в работах отечественных и зарубежных исследователей [150, с. 335—338]. Наиболее распространенным является мнение, что в основе слова тетракситы (*tetraξिताι*) лежит числительное «четыре» (по-гречески — *tetra*). Такое название они получили вроде бы из-за деления на какие-то четыре группы, племени или общины. Это мнение подкрепляется свидетельством Прокопия Кесарийского о том, что на двадцать первом году правления императора Юстиниана I готы-тетракситы «прислали в Визан-

тию четырех послов, прося дать им кого-либо в епископы...» [48, с. 385]. Возможно, от каждой из четырех групп был выделен посол. Деление готов-тетракситов на группы или общины могло соответствовать их этнической неоднородности. В таком случае понятно уточнение «тетракситы» к общему названию «готы» (т. е. племена разноэтничного готского союза). Однако серьезные возражения против рукописной традиции употребления названия «тетракситы» высказал А. А. Васильев, сопоставивший различные издания Прокопия [150, с. 338—344]. Особый интерес представляет то, что в целом ряде рукописей вместо «тетракситы» употреблено название «трапезиты» (τραπεζῖται). Причем «трапезиты» встречаются в гораздо большем количестве рукописей, так что, по мнению А. А. Васильева, это название вполне могло бы попасть в текст вместо разноточения «тетракситы».

Происхождение названия «трапезиты» обычно связывают с упомянутой Страбоном горой Трапезунт, которую отождествляют с Чатырдагом [59, с. 283]. По сообщению Иордана, в Северном Причерноморье существовал город Трапезунт: «С той своей стороны, которой Скифия достигает Понтийского побережья, она охвачена неизвестными городами: это — Борисфенида, Ольвия, Каллиполида, Херсона, Феодосия, Карсон, Мирмекий и Трапезунта, основать которые позволили грекам некоторые скифские племена, с тем, чтобы греки поддерживали с ними торговлю» [22, с. 71]. Этот же перечень городов (без Мирмекия) дважды повторен Равеннским Анонимом [150, с. 240—241]. Данные сведения позволили А. А. Васильеву предположить, что город Трапезунт существовал в Крыму на горе Чатырдаг. Здесь же, по его мнению, было первоначальное расселение готов-трапезитов.

Но это предположение противоречит сообщению Прокопия Кесарийского. Город Трапезунт у Иордана и Равеннского Географа стоит на последнем месте в списке. Комментируя цитированный выше отрывок из «Гетики», Е. Ч. Скржинская полагает, что Трапезунт не случайно поставлен восточнее Мирмекия, так как речь идет о каком-то прибрежном пункте готов-трапезитов. Однако Иордан указывает, что перечисленные им города основаны греками, причем многие из них погибают именно в период грабительских походов племен готского союза. Вместе с тем совершенно неизвестно, какой именно Трапезунт он упоминает. Не исключено, что этот список городов заимствован у какого-нибудь более раннего автора и вряд ли может играть решающую роль при локализации готов-трапезитов. Это название груп-

пы готов, по нашему мнению, следует сопоставить с известным походом варваров на малоазийский Трапезунт, совершенным в 257 г. на боспорских судах [357, с. 66—74]. По сообщению Зосима, это были бораны или вораны [19, с. 790—791], а по свидетельству епископа Неокесарии Понтийской Григория — готы и ворады [12, 60—61] *. Большое значение для успеха варваров имела поддержка народных масс, переходивших на сторону готов и боранов. Этот факт отражен в послании епископа Неокесарии Понтийской Григория епископу Трапезунта: «А тем, которые в плену присоединились к варварам и вместе с ними нападали, забыв, что были понтийцами и христианами, и ожесточились до того, что убивали своих единоплеменников или палками, или через повешение, а также указывали дороги и дома незнакомым с местностью варварам — таковым должно преградить вступление в число верующих» [372, с. 95].

Взяв Трапезунт, сообщает Зосим, «варвары овладели бесчисленным множеством сокровищ и пленных; ибо почти все окрестные жители собрались в этот город, как в безопасное убежище. Истребив храмы и жилища и вообще все, что служило к украшению или увеличению города, а затем опустошив и всю его область, варвары возвратились на родину с огромным количеством кораблей» [19, с. 791]. Вполне возможно, что, как и после первого похода (256 г.), они вернулись к Боспору, где и поселились, получив прозвище «трапезиты» за столь успешное нападение на Трапезунт — крупный и широко известный малоазийский центр. Это название могло закрепиться за ними и по той причине, что к готам и боранам, по свидетельству епископа Неокесарийского, присоединились местные жители, помогавшие варварам. Кроме того, в Трапезунте было захвачено много пленных. А слово «τραπεζῖται», собственно, и означает «жители Трапезунта» или «выходцы из Трапезунта». В пользу нашего предположения может свидетельствовать и сообщение Прокопия Кесарийского о том, что готы-тетракситы (трапезиты) «не хуже многих других с благоговением соблюдают христианский закон». А ведь присоединившиеся к готам и боранам малоазийцы, участвовавшие вместе с ними в грабежах, «были понтийцами и христианами». Христианами были и пленники, захваченные варварами в Трапезунте.

Вопрос о начале распространения христианства среди готов рассматривается именно в связи с готскими нашествиями III в. и захватом христианских пленников, о чем со-

* Причем Зосим в других разделах своего сочинения, как и епископ Григорий, упоминает боранов (воранов) вместе с готами, добавляя к ним карпов и уругундов [19, с. 789—790].

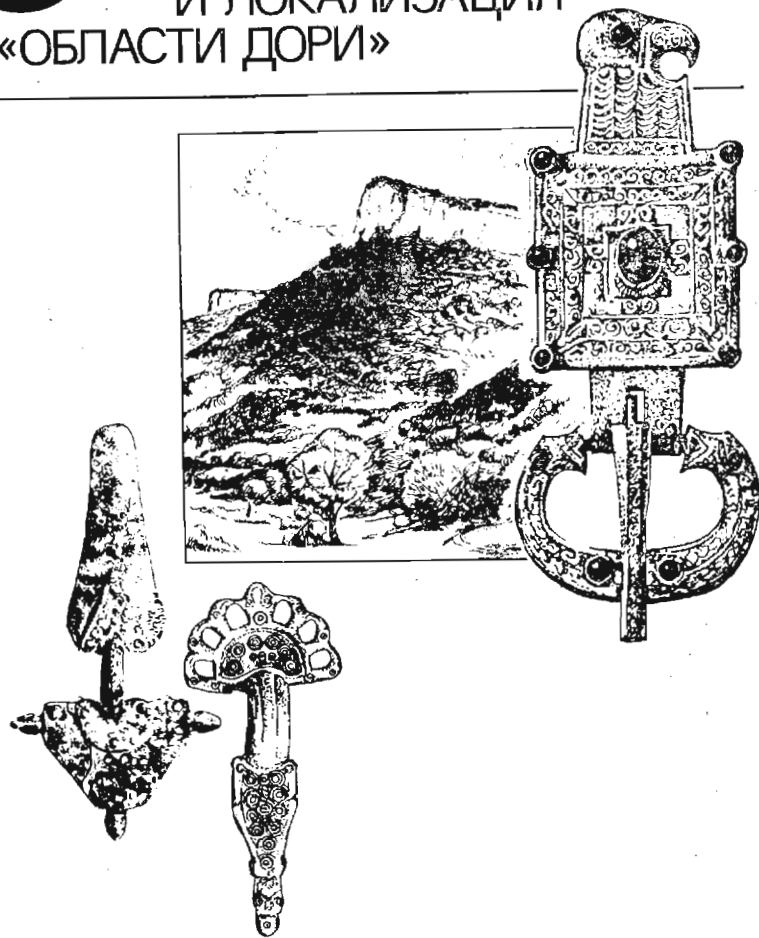
общают источники [153, с. 365—370; 150, с. 266—287]. На первом Вселенском соборе в Никее в 325 г. присутствовали и оставили свои подписи несколько епископов из Крыма: Филипп Херсонский, митрополит Готии Феофил и Кадм Боспорский [150, с. 275—287]. Среди 318 подписей имя готского митрополита Феофила занимает предпоследнее место перед именем боспорского епископа Кадма, следовательно, указанная Готия должна находиться где-то около Боспора, в Восточном Крыму. Не исключено, что Готию можно связать с готами-трапезитами.

О том, что у готов-тетракситов (трапезитов) был епископ, а следовательно — епископия, хорошо известно из ранее приведенного сообщения Прокопия [48, с. 385]. Вероятно, именно здесь, в Восточном Крыму, или на Тамани мог существовать какой-то населенный пункт, известный Иордану и Равеннскому Анониму под названием Трапезунт.

Таким образом, письменные источники дают некоторое представление о готах восточной части Крыма и Тамани. Об этом свидетельствуют и археологические находки. В первую очередь следует назвать черняховскую керамику, хранящуюся в Керченском историко-археологическом музее (гончарные лощеные и нелощеные миски открытого и закрытого типов, из которых особенно типичны большая миска-ваза, украшенная в верхней части пролощенным орнаментом в виде сетки; характерный чернолощенный кувшин с биконическим туловом, верхняя часть которого граненая и орнаментирована штрихами в местах соединения плоскостей; сероглиняные горшки и т. п. [444, с. 81, рис. 1, 5—9, 11—15; 273, с. 109], а также черняховские фибулы (двучленные прогнутые подвязные с узкой ножкой и вертикальной пластинкой для удерживания пружины и небольшие двупластинчатые, в основном — из погребений Боспора [98, с. 64, 66, 71; 259, с. 40, рис. 12, 14—19]), умбоны т. н. пшеворского типа и рукоятки от деревянных щитов, отнесенные Н. И. Сокольским к группе защитного вооружения боспорского войска [425, с. 22, рис. 1, 1—2, 4, 2—3]. Эти вещи появляются в Крыму только со времени известных грабительских походов племен готского союза и дают основание предполагать, что какая-то часть черняховских племен в III—IV вв. проникает в Таврику [273, с. 109; 98, с. 61—62, 82]. К раннесредневековым готским древностям Боспора можно отнести большие ромбические и орлиноголовые пряжки — характерные детали женского германского костюма [100, с. 10—23]. Не исключена возможность, что со временем отыщутся более явные следы обитания готов в Восточном Крыму и на Тамани.

З

ГОТЫ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ И ЛОКАЛИЗАЦИЯ «ОБЛАСТИ ДОРИ»

О крымских готах сообщает хорошо известный источник — небольшое сочинение Прокопия Кесарийского «О постройках»: «Сверх того, что касается городов Боспора и Херсона, которые являются приморскими городами на том же берегу [Евксинского Понта] за Меотидским болотом, за таврами и тавроскифами, и находятся на краю пределов римской державы, то, застав их стены в совершенно разрушенном состоянии, он [император Юстиниан I] сделал их замечательно красивыми и крепкими. Он воздвиг там и два укрепления, так называемое Алушта и в Горзубитах. Особенно он укрепил стенами Боспор: с давних времен этот город стал варварским и находился под властью гуннов: император вернул его под власть римлян. Здесь же, на этом побережье, есть страна по имени Дори, где с древних времен живут готы, которые не последовали за Теодорихом, направлявшимся в Италию. Они добровольно остались здесь и в мое еще время были в союзе с римлянами, отправлялись вместе с ними в поход, когда римляне шли на своих врагов... когда императору было это угодно. Они достигают численностью населения до трех тысяч бойцов, в военном деле они превосходны, и в земледелии, которым они занимаются собственными руками, они достаточно искусны; гостеприимны они больше всех людей. Сама область Дори лежит на возвышенности, но она не камениста и не суха напротив, земля очень хороша и приносит самые лучшие плоды. В этой стране император не построил нигде ни города, ни крепости, так как эти люди не терпят быть заключенными в каких бы то ни было стенах, но больше всего любили они жить всегда в полях. Так как казалось, что их местность легко доступна для нападения врагов, то император укрепил все места, где можно врагам вступить, длинными стенами и таким образом отстранил от готов беспокойство о вторжении в их страну врагов. Таковы были его дела здесь» [47, с. 249—250].

Вопрос о локализации «области Дори», а следовательно — и крымских готов Прокопия, издавна привлекал внимание исследователей, но и поныне не решен окончательно. В литературе наметилось в основном два противоречащих друг другу решения этого вопроса. Одни исследователи локализируют «область Дори» на территории всего Юго-Западного горного Крыма [150, с. 309—317; 151, с. 180—254; 378, с. 138; 463, с. 319—328; 518, с. 148—163; 522, с. 20—27; 524, с. 9—12, 153—154, примеч. 41; 526, с. 298—301; 110, с. 193], другие отводят крымским готам только узкую полосу Южного берега [247, с. 45, 61, 141; 428, с. 11—44; 220, с. 155—167; 221, с. 25—32; 165, с. 256—257; 163, с. 62—63;

171, с. 19—33; 120, с. 152—153, 157]. Главным аргументом сторонников второй точки зрения являются остатки заградительных сооружений на перевалах первой гряды Крымских гор. Однако эти «большие каменные заборы», не превышавшие, по словам О. И. Домбровского, человеческого роста [428, с. 35—36] и примыкавшие к скалистым уступам, сложены из рваного бутового камня, в основном насухо, без связующего раствора (за исключением стен под Анчар-Богазом в урочище Бурлюк), т. е. самым примитивным образом, и совершенно не похожи на византийские оборонительные сооружения времени правления императора Юстиниана I, описанные Прокопием Кесарийским и воздвигнутые по византийским канонам [218, с. 230—254, рис. 81, 84—93; 305, с. 169—186]. И если даже предположить, что преграды, воздвигнутые на горных перевалах — это укрепления горных проходов — Клисуров, то они не могут быть «длинными стенами».

Горные проходы действительно иногда укреплялись Византией. Например, Юстиниан, по сообщению Прокопия, укрепил ущелья в Лазике (Западная Грузия), в Армении, по пути из Италии в Элладу, где близко сходятся две горы [47, с. 244, 249, 254]. Но при описании этих укреплений Прокопий ни разу не употребил термин «длинные стены». Сообщая о строительстве времен Юстиниана I в Грузии, указанный автор пишет, что «в Лазике он [император] построил укрепление по имени Лосорион и укрепил стенами все ущелья в этой стране — их обыкновенно называют Клейсурами („Замками“), чтобы таким образом перед врагами были закрыты все пути в Лазик» [47, с. 249], но слова «стены», появившегося в русском переводе, в греческом тексте нет — речь идет только об укреплении ущелий вообще, что отражено в других переводах трактата Прокопия [305, с. 169]. Кстати, монументальная Келасурская (Великая Абхазская) стена, которую ранее связывали с «Клейсурами» Прокопия, по данным новых исследований датируется не VI, а первой пол. XVII в. [178, с. 393—396]. А в сочинении Агафия уточняется характер укрепления самого важного в Лазике горного прохода, Тефелиса, где византийцы преграждали проход «бревнами и камнем» [2, с. 54]. Так что в данном случае речь может идти не о монументальных заградительных сооружениях, а всего лишь о каких-то засеках, завалах и т. п.

Таким образом, письменные источники не позволяют утверждать, что горные проходы укреплялись «длинными стенами». Следовательно, перечисленные Э. И. Соломоник и О. И. Домбровским примеры укреплений горных ущелий не

могут служить доказательством для локализации «длинных стен» на перевалах первой гряды Крымских гор, так как ни в одном из указанных случаев термин «длинные стены» Прокопием не был употреблен. К тому же немногочисленный разновременный археологический материал, полученный в результате исследований различных горных перевалов первой гряды (а именно обломки сосудов с волнообразным гребенчатым орнаментом, обломки пифосов IX—X и XII—XIII вв., фрагменты горшков не ранее IX—X вв.), не позволяет датировать эти укрепления временем правления императора Юстиниана I [526, с. 300]. Не исключено также, что сходные по своей бытовой кладке стены (как прямые, так и дугообразные в плане, иногда — с большим радиусом кривизны) являются одновременными и разнотипными сооружениями [483, с. 111]. Так, по наблюдениям Л. В. Фирсова, на перевале Мачук на Тессели точно такой же бытовой стенкой огорожен овальный загон для скота, а невысокие стены на перевалах, ведущих из Байдарской долины в Ласпи, представляют собой всего-навсего заграждения для скота, препятствовавшие его проникновению на южный берег Крыма (в частности, в Ласпи). Правда, такое назначение было, вероятно, далеко не у всех стен. Однако в результате археологических разведок, проведенных Л. В. Фирсовым, оказалось, что двупанцирные стены на яйлах (у Байдарских ворот, у Эклези-буруна, на Таш-Хабах-Богазе и Чигенитра-Богазе) обращены лицевым панцирем к Южному берегу Крыма и, следовательно, защищали Юго-Западный, а не Южный Крым. Более того, некоторые стены расположены по краю круглого южного склона (Гурзуфское седло, Эклези-бурун, Демирджи, Таш-Хабах-Богаз) или прямо на краю южных обрывов (Байдарские ворота, Чигенитра-Богаз). Иногда стены сооружались по южному склону ниже седловин для перегораживания доступных с юга балок (Ласпи, Чигенитра-Богаз). Другими словами, преимущества рельефа использовались для защиты с севера, а не с юга [483, с. 112—113]. Возможно, часть указанных стен сооружена населением средневекового княжества Феодоро против генуэзцев, претендовавших на побережье Крыма и частично подчинивших своему влиянию южнобережную часть Готии (Капитанство Готия).

По мнению О. И. Домбровского, памятники, оставленные жителями «области Дори» (готы Прокопия) — это ранне-средневековые могильники Суук-Су, Артек и др. [221, с. 32, 52—53]. Не оспаривая мнение об этнической принадлежности части погребенных в южнобережных могильниках, мы лишь отметим, что, во-первых, подобные раннесредневеко-

вые памятники (кстати, как и предшествовавшие им могильники позднеримского времени) в гораздо большем количестве распространены в районе второй гряды Крымских гор, во-вторых, гурзуфские могильники Суук-Су и Артек расположены недалеко от одновременной им византийской крепости в Горзувитах. По сообщению же Прокопия Кесарийского, Юстиниан I в области Дори «не построил нигде ни города, ни крепости» [47, с. 249; 449, с. 255, примеч. 70]. Более того, внимательно читая отрывок из сочинений Прокопия, можно заметить, что § 11 (гл. 7, кн. 3), в котором сообщается о сооружении укреплений Алустон и в Горзувитах, является какой-то информационной вставкой в последовательный, хоть и лаконичный рассказ Прокопия об оборонительных стенах Херсона и Боспора (гл. 7, кн. 3, §§ 10 и 12). Следовательно, содержание § 13, где речь идет об «области Дори», расположенной «здесь же, на этом побережье», скорее связано с рассказом о Херсоне и Боспоре, т. е. с Таврикой вообще, чем с сообщением о сооружении крепостей Алустон и в Горзувитах. Вероятно, Крымский полуостров для Прокопия являлся лишь частью «этого побережья». Уточняя перевод этого отрывка, Э. И. Соломоник слишком, по нашему мнению, ограничила понятие „*παράλια*“, подразумевая под этим термином только берег моря. Но слова „*κατα την παράλιαν*“ означают «на этом побережье», т. е. там же, где Херсон и Боспор. Так их перевел С. П. Кондратьев [47, с. 249]. Причем термин „*παράλια*“ неоднократно употреблялся древними авторами и, судя по всему, в более широком смысле, чем его трактует Э. И. Соломоник. Например, в 7-й книге «Истории» Геродота это слово употреблено по отношению к побережью всей Фракии и народов, населяющих ее на больших расстояниях вглубь хинтерланда [73, т. 3, с. 162]. Особенно часто этот термин использовался для обозначения обширной территории Аттики между Гиметтом, Бравроном и Сунием [73, т. 3, с. 77; 77, с. 98].

Краткость сообщения об «области Дори» в сочинении Прокопия по сравнению с другими более подробными описаниями вряд ли позволяет предполагать личное знакомство Прокопия с деяниями Юстиниана в этой части Таврики. Прокопий называет Дори „*τις χώρα*“ (некая область). По мнению Э. И. Соломоник, с которым нельзя не согласиться, слово „*τις*“ показывает, что в отношении этой области Прокопию не все представлялось ясным и точным [428, с. 15]. Скорее всего, в данном случае сведения Прокопия почерпнуты из рассказов очевидцев, ведь, по словам самого писателя, часть сведений для своего трактата он получил, «сам слышав

от тех, кто были очевидцами этих построек» [47, с. 283]. Поэтому предложенный Э. И. Соломоник хотя и скрупулезный, но несколько тенденциозный анализ небольшого отрывка из сочинения Прокопия вряд ли может быть воспринят в качестве надежного аргумента для локализации «области Дори» только на южном побережье Крыма.

Локализовать «область Дори» следует, вероятнее всего, в той части Таврики, в которой находился древний Дорос. Греческие слова „δóρυ” и „δóρος” означают одно и то же, а именно «дерево» и все производные («брус», «шест», «древко», «копье» и т. п.), а также «война», «вооруженные силы», «войско» и пр. Для географического названия, на первый взгляд, наиболее подходит значение «дерево» или возможное производное слово «лес», которое можно было употреблять для названия района второй гряды Крымских гор и северных склонов первой гряды [150, с. 323], в том числе и Мангупа. Но определенное внимание должно быть обращено и на значение «вооруженные силы», «войско», поскольку оно согласуется с приведенным выше сообщением Прокопия Кесарийского. Не исключено, что „χώρα Δόρυ” — это область *вооруженных сил*, союзных с империей, область, выставляющая *войско* в 3 тыс. бойцов. Кстати, возможность выставить «до трех тысяч бойцов» свидетельствует о довольно-таки многочисленном населении. Для сравнения можно привести свидетельство И. Барбаро о крымских татарах: «Татар очень много, и при надобности они могли бы поставить от трех до четырех тысяч конников» [8, с. 154].

В наивысший период развития военной демократии военные вожди со своими дружинами обязательно имели и политические центры (например, Данпарстад — столица готов на Днепре). Был такой центр и у населения Юго-Западного Крыма. Понтийский «орридум Dory» впервые упоминается известным грамматиком кон. V — нач. VI в. Присцианом для иллюстрации правописания греческих названий на латинском языке [74, с. 195, 283]. Причем в некоторых рукописях Приисциана название Дори написано по-гречески — Δόρυ [150, с. 313], т. е. так же, как и у Прокопия, который, по всей видимости, назвал всю готскую область Крыма по наименованию ее политического центра. В X же веке, в «Записке греческого топарха», наоборот, центр области назван Климáтами [151, с. 239]. Многие исследователи считают, что под Климáтами подразумевается центр Крымской Готии [291, с. 61—93; 288, с. 449—459; 173, с. 71—132; 494, с. 79—82; 151, с. 235—248; 448, с. 106—108; 222, с. 38—43; 225, с. 85; 399, с. 112—127]. По мнению большинства этих исследователей, в «Записке» описаны события, происшед-

шие в Юго-Западном Крыму в X в., когда топарху Климáтов пришлось обращаться за помощью к русскому князю Святославу, успешно воевавшему с хазарами. Юго-Западный Крым назывался Климáтами уже в кон. VII — нач. VIII в. Это название впервые встречается в «Хронографии» Феофана [66, с. 63]. Петрона Каматир, назначенный императором Феофилом стратигом Херсона [26, с. 21], в списке должностей при императоре Михаиле III (842—867 гг.) и его матери Феодоре официально именовался «патрищем и стратигом Климатов» [306, с. 321]. В X в. Константин Багрянородный также пользовался этим термином [26, с. 5, 21].

Применительно к горной Таврике название «Климáты» превратилось в имя собственное. В нач. XIII в. в «Житии Евгения Трапезунтского» упоминается Херсон вместе с «крымскими климатами Готии» [325, с. 8]. Правда, кроме отмеченной нами «крымской гипотезы» в трактовке «Записки греческого топарха», существует также мнение о том, что описанные в ней события происходили в низовьях Дуная [152, с. 136—212; 306, с. 323—339; 141, с. 48—131]. Однако факт названия политического центра Климáтами и в этом случае не утрачивает своего значения.

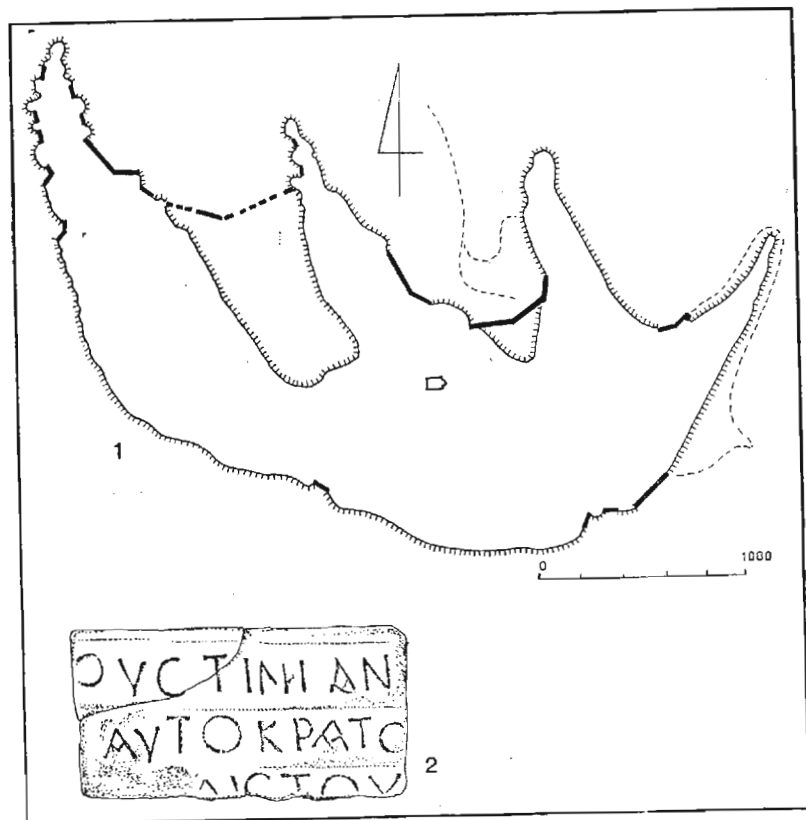
Название «Дори» («Dori») значится в перечне древних городов «Босфоританской страны», составленном Равенским Анонимом в кон. VII в., причем Дори поставлено рядом с Херсоном. Но, по мнению исследователей, это название в тексте Анонима вызывает сомнение, так как в соответствующем месте «Гетики» Иордана [22, с. 71] которая являлась здесь источником для Равеннского Анонима, при перечне древних городов Дори отсутствует [150, с. 312]. Правда, тот же Аноним отмечает область готов (Getho Githogum), за которой упоминаются Сугдея, Фанагория и Меотидское озеро [150, с. 312—313, примеч. 6].

В актах Трульского пятого-шестого собора в Константинополе (692 г.) упоминается Ἱερωριος ἀναξιος ἐπίσκοπος Χερσωνος τῆς Δόραντος [151, с. 189—190], где „Δόραντος” — родительный падеж от слова „Δόρασ”. Хотя по форме родительного падежа слово „Δόρασ” и мужского рода, но стоящий перед ним артикль „τῆς” (артикль женского рода в родительном падеже) указывает, что в данном случае подразумевается хора Дораса (слово „χώρα” женского рода). Таким образом, из упоминания о «Георгии — епископе

Херсона хоры Дораса» следует, что область крымских гот-тов, по крайней мере, непосредственно примыкала к Херсону.

В «Бревиарии» Никифора и «Хронографии» Феофана под 704/705 гг. описано бегство низложенного императора Юстиниана II из Херсона в Дорос (по Никифору — „Дорос“, по Феофану — в искаженной форме — „Дарас“). При этом, по Никифору, сторожевое укрепление Дорос расположено в готской области (το φρούριον το λεγόμεν Δόρος πρὸς τῇ Γοθικήν κείμενον χώρα), а Феофан эту область называет «Климатами» [66, с. 39—40, 62—63, 155, 163].

В 5-й главе «Жития Иоанна Готского», при описании антихазарского восстания, поднятого в 787 г. владетелем Готии и населением этой хоры (τῆς χώρας), речь идет

о крепости под названием Дорос (το χαστρον... το γόμενον Δόρος), которая была захвачена хазарами. В 9-й же главе при упоминании этих событий называется «крепость Готии» (το χαστρον της Γοθίας), переданная хазарскому хакану [18, с. 29, 32—33; 153, с. 397—398, 417, 425]. В связи с этим отрывать Дорос от Готии (или от «хоры Дори» Прокопия), как это пытались сделать некоторые исследователи [222, с. 31—32; 223, с. 17; 120, с. 151—162], совершенно невозможно.

С VIII до XVIII в. в Крыму существовала т. н. Готская епархия [129, с. 40—66, 131—133]. Дорос (Δόρος), как центр епархии Готии (επαρχία Γοθίας), значится в списке епархий Константинопольского престола VIII в., составленном де Боором на основании рукописи XIV в. [151, с. 210—216]. Нотиция кон. XII или нач. XIII в. отмечает главный

центр архиепископии Готии — Кодрос (ἡ Κόδρος), в котором, по мнению А. А. Васильева, легко узнать испорченное название «Дорос» [151, с. 266—267]. На основании эпиграфических и письменных источников многие исследователи локализируют древний Дорос на Мангупе [301, с. 48—50; 150, с. 314—317; 151, с. 180—181; 463, с. 319—333; 522, с. 25; 514, с. 219; 524, с. 11; 525, с. 18; 528, с. 11; 222, с. 31—32; 199, с. 13].

При раскопках храма в Партените в 1871 г. была обнаружена плита с надписью 1427 г., в которой сообщается, что «этот всечестный и божественный храм святых славных, всехвальных и первоверховных апостолов Петра и Павла был построен с основания в давние времена иже во святых отцом нашим архиепископом города Феодоро и всей Готии Иоанном Исповедником, ныне же возобновлен, как он зрится, митрополитом города Феодоро и всей Готии кир Дамианом в лето 6936, индикта 6-го, в десятый день сентября» [153, с. 421—422; 300, с. 64, примеч. 1; 301, с. 77—79]. Свидетельство найденной в Партените надписи о центре Готии — городе Феодоро и архиепископе Готии Иоанне, построившем храм св. апостолов, в сочетании с сообщением упомянутого выше «Жития Иоанна Готского» о Доросе, главном городе Готии (гл. 5 и 9) и епископе Готии Иоанне, воздвигнувшем

Рис. 8. Оборонительная линия Мангупа, VI в.:

1 — план (по А. Г. Герцену); 2 — строительная надпись Юстиниана I

храм св. апостолов в Партенитах (гл. 6), наряду с указаниями других источников о том, что политическим и религиозным центром Готии был Дорос, а сама область готов примыкала к Херсону, т. е. находилась в Юго-Западном Крыму, — позволяет нам присоединиться к точке зрения о том, что Дорос (а следовательно, и «*oppidum Dogu*») были на том же месте, где и город Феодоро, т. е. на Мангупе [358, с. 162—163; 362, с. 140—141].

Одноименность «*оппидума Дори*» Присциана и «*хоры Дори*» Прокопия, относительная лаконичность сообщения о ней Прокопия позволяют поставить вопрос о том, что Дори-Дорос и «длинные стены» нужно искать там, где сохранились хоть какие-нибудь следы строительной деятельности Юстиниана I. Единственная в Крыму строительная надпись с именем этого императора найдена на Мангупе (рис. 8, 2; 9) [304, с. 18—19, рис. 1]. Правда, неизвестно, к какой именно постройке она первоначально относилась. Однако вряд ли можно предположить, что плита из обыкновенного местного известняка с частично стесанной надписью могла быть привезена откуда-то издалека. Сам факт ее обнаружения именно на Мангупе представляет особый интерес, так как подобные строительные надписи встречаются в местах пограничных построек Юстиниана I [172, с. 187].

Исследователь оборонительных сооружений Мангупа А. Г. Герцен на основании материалов археологических раскопок отмечает, что самая ранняя линия стен, обеспечивавшая оборону всего плато площадью около 90 га, была построена в VI в., при императоре Юстиниане I [199, с. 12—13] (рис. 8, 1). Стены, сложенные из крупных квадров и сооруженные по римско-византийским строительным кано-

нам, пересекали широкие балки и все легкодоступные места, «где можно врагам вступить». Длина этих отрезков стен в совокупности составляла около 1,5 км [199, с. 12]. Строились они, несомненно, по единому плану в системе государственных мероприятий.

Балка Табана-дере была перегорожена длинной (около 500 м) крупноблочной стеной, примыкавшей флангами к мысам Чамны-бурун и Чуфут-чearган-бурун. Остатки этой стены в виде развала бутового камня и изредка встречающихся квадров больших размеров хорошо заметны на всем ее протяжении. Квадры от этой стены, вероятно, были использованы для строительства линии обороны позднесредневекового времени, сооруженной в 100 м вверх по балке. Максимальные размеры квадров из Табана-дере — $130 \times 65 \times 50$ см.

Стена с двупанцирной кладкой и забутовкой длиной свыше 200 м пересекала Лагерную балку и укрепляла пологий северо-восточный склон мыса Чуфут-чearган-бурун (рис. 10, 1). Ее северная куртина сохранилась в первоначальном, непереложенном виде на подтесанной скале (т. н. «постелях»). Максимальные размеры каменных блоков — $100 \times 50 \times 40$ см. При строительстве этой стены был частично разрушен могильник позднеримского и раннесредневекового времени. У подножия участка стены на склоне мыса Чуфут-чearган-бурун, в нижнем слое, с внешней стороны под строительным мусором обнаружены только фрагменты амфор VI—VII вв. с рифлением [199, с. 8—9]. При исследовании оборонительной стены в верховьях балки Гамам-дере удалось выявить первый раннесредневековый строительный период ее квадратной кладки [199, с. 10].

Непереложенная квадратная кладка сохранилась также на участке стены в верховьях балки Капу-дере, у разрушенных ворот. Максимальные размеры квадров — $105 \times 55 \times 50$ см. Они очень хорошо отесаны и подогнаны по рядам кладки (рис. 10, 2).

Кроме широких балок, каменные стены перекрывали и другие наиболее доступные места — расселины и пологие склоны мысов. На мысе Чамну-бурун зафиксировано девять участков стен [199, с. 7] (рис. 11). Длинная (до 250 м) стена, пересекающая большую расселину, обнаружена на северо-восточном склоне мыса. Кладка здесь квадратная, крупноблочная. Максимальные размеры квадров — $130 \times 65 \times 50$ см. В развалах камней и на переложенном участке встре-

Рис. 9. Дори-Дорос-Феодоро-Мангуп

чаются квадраты с пиронами. Небольшие расселины западного склона этого мыса также были укреплены. Наиболее интересна непереложенная стена высотой до 5,2 м из блоков размерами до 110×50×40 см с пиронами, что безусловно указывает на раннесредневековую дату ее сооружения.

Стенами пересекались и расселины на мысах Чуфут-чарган-бурун, Ели-бурун и на юго-восточном крае Мангупского плато. Некоторые стены на Мангупе были перенесены (скорее всего, в турецкое время) ближе к кромке плато. От

них на первоначальном месте сооружения остались вырубленные в скале «постели» [199, с. 10—11].

Следует отметить, что при сопоставлении размеров (как максимальных, так и минимальных) и форм квадратов перечисленных участков оборонительных стен Мангупа с квадратами хорошо исследованной и датированной временем не позднее VI в. ранней оборонительной стены Баклинской цитадели обнаруживается их несомненное сходство [459, с. 99, 101].

Таким образом, очертания ранней линии обороны Мангупа прослеживаются относительно четко. Перечисленные стены располагались не по краю плато, а на склонах, загораживая легкодоступные места. Сооружение всех стен ниже уровня плато можно в какой-то мере согласовать с сообщением Прокопия Кесарийского о том, что «эти люди не терпят быть заключенными в каких бы то ни было стенах». Ранние стены Мангупа защищали довольно значительную территорию — оппидум Дори (Дорос), который, будучи политическим центром, мог служить также огромным убежищем для населения готской области. Территория его полностью никогда не была заселена. При этом все более поздние оборонительные сооружения не расширяли, а скорее суживали кольцо обороны Мангупа. Не исключено, что Прокопий Кесарийский, лично не присутствуя при укреплении области Дори и получив сведения «от тех, кто были очевидцами этих построек», объединил описание защитных сооружений оппидума Дори, который «лежит на возвышенности», и всей его хоры, которая «ще камениста и не суха».

Термину «длинные стены» в гораздо большей степени может соответствовать оборонительная стена, исследованная А. В. Сидоренко под Мангупом, в балке, по которой проходит дорога между современными селами Залесное и Терновка Бахчисарайского р-на. Двупанцирная стена шириной 2—2,5 м, сложенная из хорошо отесанных квадратов с забутовкой на известковом растворе, перегораживала стратегически важный горный проход в направлении плодородной долины р. Черная, где с «древних времен» жили «готы». По сообщению А. Г. Герцена, остатки подобной стены предположительно разведаны также вблизи Эски-Кермена. Здесь был закрыт проход в сторону Дороса (Мангупа).

Данные же археологических исследований Мангупа не противоречат точке зрения о возможности локализовать

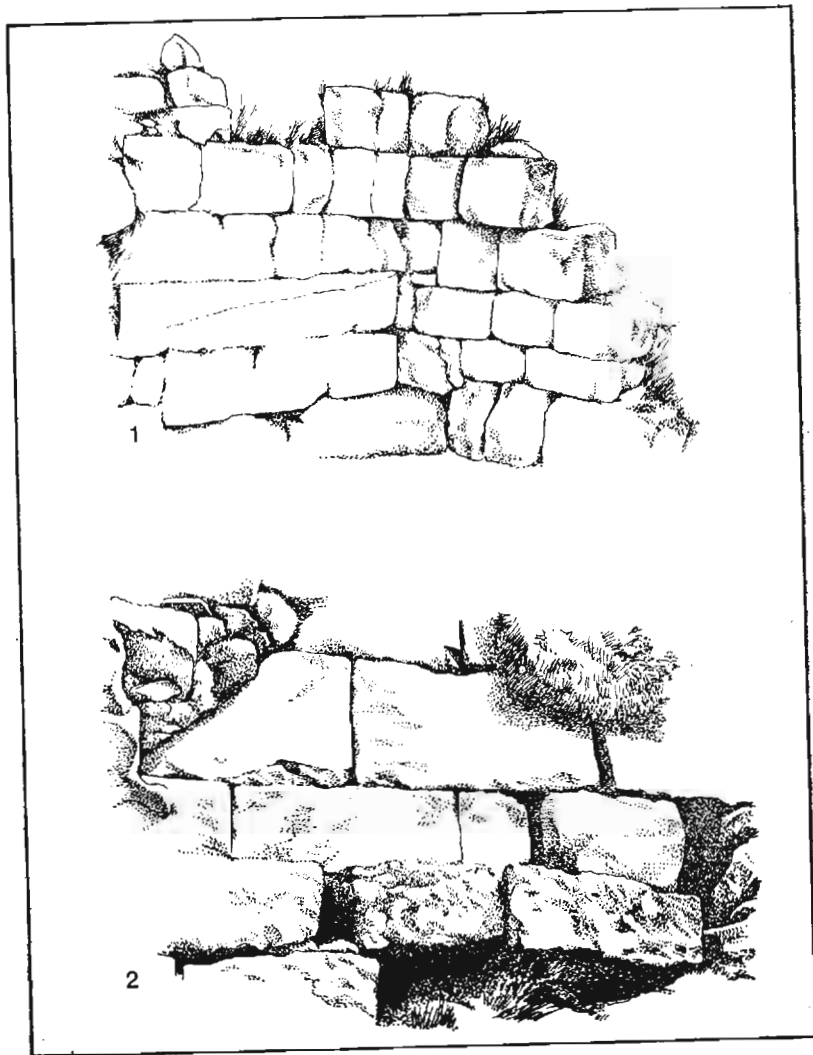
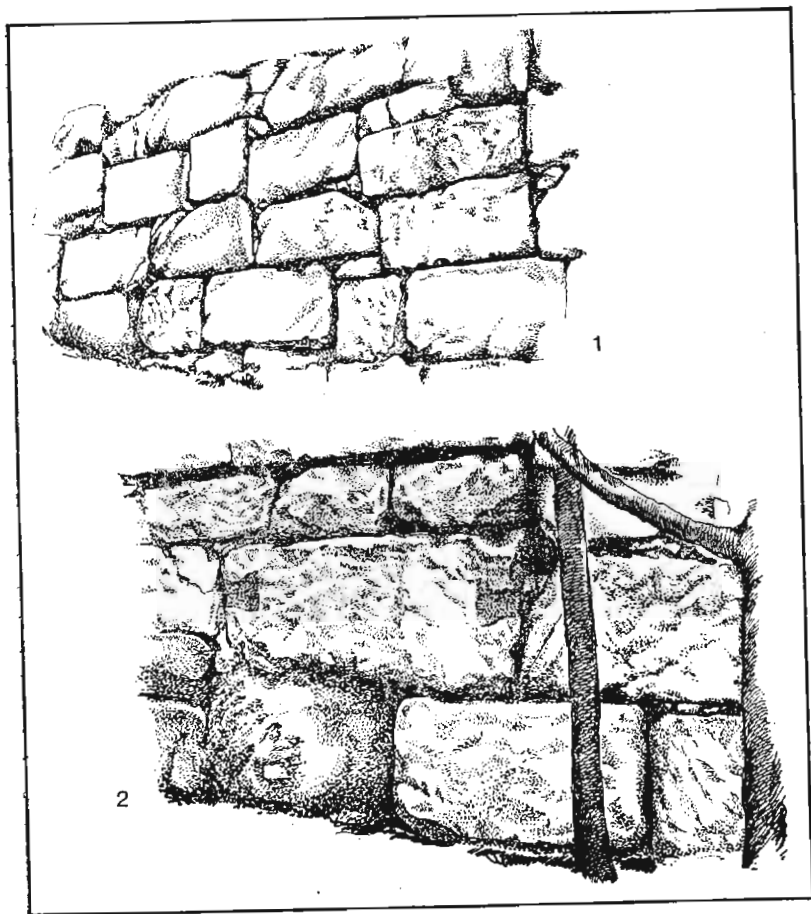

Рис. 10. Участки оборонительных стен Мангупа, VI в.:
1 — северо-восточный склон Чуфут-чарган-буруна (раскопки А. Г. Герцена); 2 — верховья Капу-дере. Кладка у ворот

здесь древний Дори-Дорос. Находки позднееримского и раннесредневекового времени встречаются на Мангупе повсеместно. Так, при изучении оборонительных сооружений в Лагерной балке удалось установить, что ее верховья были заселены с III—IV вв. вплоть до VIII в. Толщина культурного слоя на месте данных раскопок — более 3 м. Среди находок преобладают фрагменты тарной керамики (амфор и пифосов). Найдены три медные монеты: Льва I (457—474 гг.), Анастасия I (491—518 гг.) и Юстиниана I. На этом участке зафиксированы остатки жилых построек V—VIII вв. В устье балки, которое выходит в Гамам-дере, обнаружен могильник позднееримского и раннесредневекового времени, частично разрушенный при строительстве оборонительной стены. Открыты остатки вырубленных в скале склепов, две

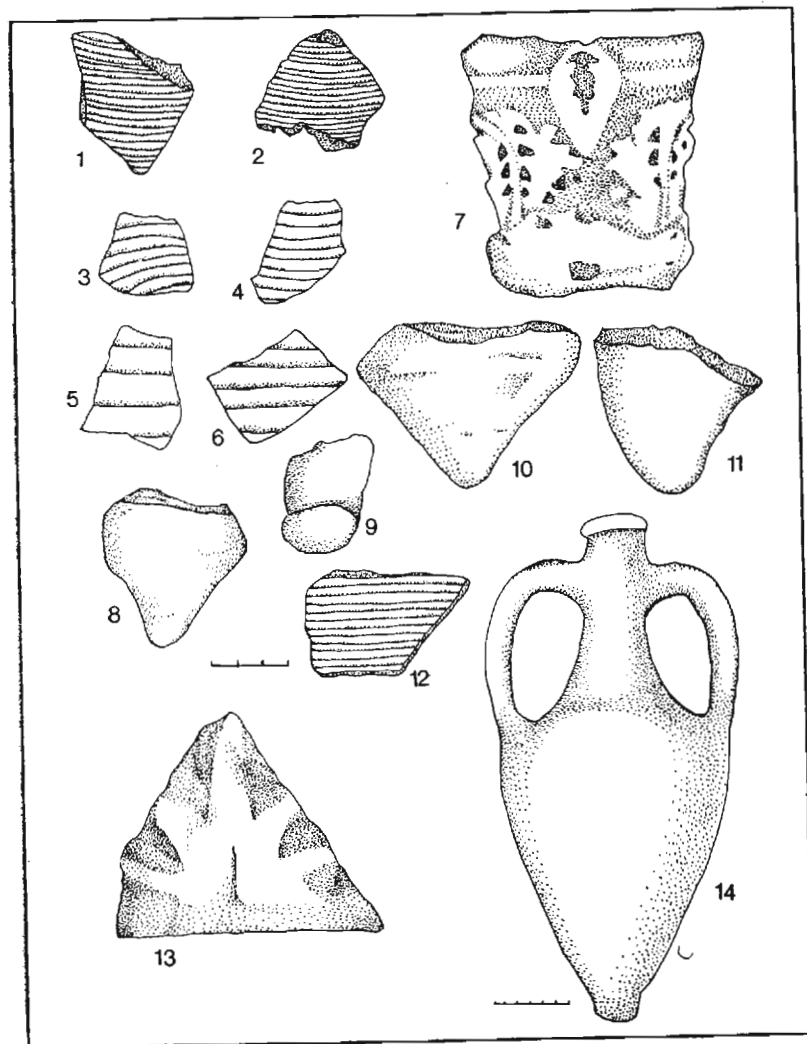
закладные плиты из мергеля, тут же найдены медный денарий Юлии Домны (193—211 гг.), целая светлоглиняная амфора (рис. 12, 14) [196, с. 262; 198, с. 251—252; 199, с. 8—9, 12]. Большое количество находок позднееримского и раннесредневекового времени — римская бронзовая монета императора Феодосия I (379—395 гг.), фрагмент краснолаковой миски, обломки раннесредневековых амфор (рис. 12, 1—6) и т. п. обнаружены в шурфе, заложенном в 1969 г. под юго-восточным обрывом мыса Тешкли-бурун [166, с. 137—139]. На самом краю Тешкли-буруна при исследовании стены цитадели зафиксированы остатки культурных напластований V—VII вв., очевидно, сохранившиеся после зачистки скалы при строительных работах IX—X вв. Кроме того, на Тешкли-буруне найден клад VI—VII вв.: шейное украшение, состоявшее из 15 треугольных трубчатых бляшек-«го-родков», двух каплевидных подвесок из золота, серебра и стекла, двух серебряных круглых застёжек, золотого креста с гранатовой вставкой и двух раковинообразных подвесок [196, с. 262; 197, с. 167]. Подобные вещи часто встречаются в раннесредневековых могильниках Кырма.

Донышко остродонной светлоглиняной амфоры и несколько обломков стенок раннесредневековых (VI—VII вв.) амфор с глубоким и частым рифлением обнаружены при раскопках усадьбы на восточном краю Мангупа [350, с. 113—114].

При исследовании мангупской базилики открыто довольно много раннесредневековых архитектурных деталей из мрамора: фрагменты четырех византийско-коринфских капителей VI в. с изображением мелкозубчатого и широколистного аканфа, обломки профилированных плит (из проконесского мрамора), база с типичным для VI в. профилем, части колонн, карниз, невыразительные обломки со следами обработки, а также фрагменты фризов из белого известняка с резьбой в виде завитков и листьев, обломки фриза из местного известняка с изображением острозубчатого аканфа, камень с рельефным рисунком в виде равнозначного креста с расширяющимися концами, обломки серого известняка (на одном — высеченное изображение острозубчатого аканфа, на другом — сохранившиеся зубы аканфа с одной и надпись унциальным письмом V—VI вв. — с обратной стороны) [464, с. 337—339, 371—372, 386, рис. 39, 42; 307, с. 148, рис. 3]. По мнению М. А. Тихановой, перечисленные архитектурные детали и прочие находки свиде-

Рис. 11. Участки оборонительных стен Мангупа, VI в.:
1 — Чамну-бурун; 2 — «Большая расселина»

тельствуют о том, что первоначальная постройка мангупской базилики датируется VI в. [464, с. 387]. В кладке западного участка северной стены базилики обнаружено позднееримское надгробие: каменный блок с грубым плоскорельефным изображением мужской фигуры [464, с. 366, рис. 37], которое, вероятно, было позамствовано строителями базилики из располагавшегося неподалеку могильника в Лагерной балке. В нижнем ярусе гробницы 16, обнаруженной в северном нефе (но, по мнению исследователей, пред-

шествовавшей строительству базилики), при зачистке четырех костяков найдены фрагменты раннесредневековых амфор с зонами мелкого рифления и обломки позднееримского стекла [123, с. 301—302]. На участке, где расположены остатки базилики, в нижнем слое обнаружены многочисленные находки позднеантичного и раннесредневекового времени: доньшки остродонных амфор (рис. 12, 8—9), несколько фрагментов большой краснолаковой миски, фрагменты желобчатых амфор, большое количество обломков позднееримских стеклянных широкогорлых стаканов на низкой ножке и стаканов с напаянными нитями, ручки тонкостенных стеклянных сосудов зеленоватого цвета, стенки амфор с глубоким и частым рифлением (рис. 12, 11) и т. п. [464, с. 363, 365—366, рис. 28—30].

При раскопках дворца князя Алексея среди архитектурных деталей обнаружен фрагмент круглой колонны, украшенной рельефным четырехконечным «латинским» крестом с расширяющимися концами. По форме креста колонна относится к VI—VII вв. Как полагает А. Л. Якобсон, при строительстве дворца в 1425 г. такие круглые колонны и другой строительный материал могли быть взяты из базилики [517, с. 406, рис. 23]. На участке строительства дворца, в нижнем слое под дворцом и на соседних контрольных квадратах найдено много фрагментов позднеантичной и раннесредневековой керамики: днище небольшой остродонной амфоры, овальные в сечении ручки высокогорлых позднееримских амфор, массивная ручка с продольной выпуклостью от большой амфоры IV—V вв., фрагмент ручки с глубоким вдавливанием, обломок стенок амфор с глубоким и частым рифлением, а также монета императора Аркадия (395—408 гг.) и монета Фофорса или Рескупорида (341 г.) [517, с. 391, 406, рис. 24; 149, с. 435; 174, с. 264].

У юго-восточного подножия Мангупского плато, в балке Алмалык находится большой раннесредневековый катакомбный могильник, площадь которого превышала 2 га. Обнаруженные в зачищенных склепах вещи (бронзовые пряжки типа «Сиракузы», серебряный перстень с монограммой, плоский серебряный наконечник ремня и т. п.) находят многочисленные аналогии в погребальном инвентаре ран-

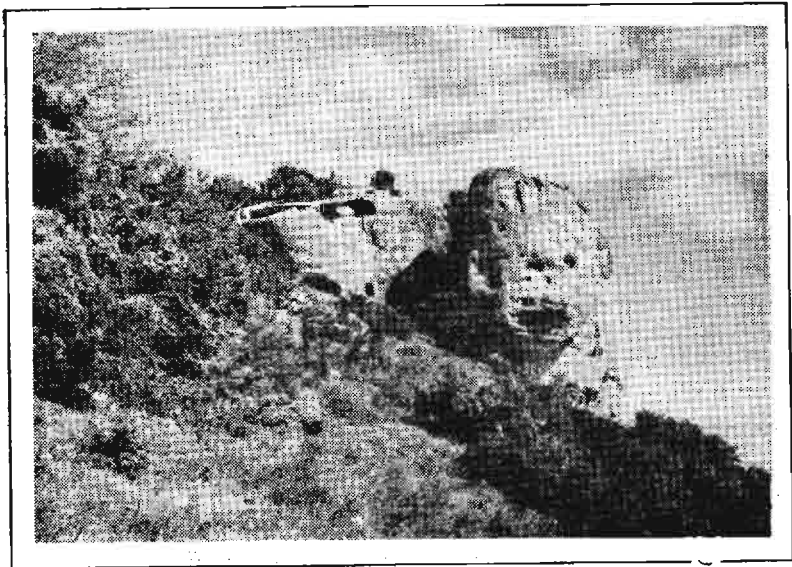
Рис. 12. Находки позднееримского и раннесредневекового времени из Мангупа:

1—6 — из шурфа под мысом Тешкли-бурун (по И. И. Лободу); 7—13 — из раскопок базилики (по М. А. Тихановой); 14 — из раскопок стены на северо-восточном склоне Чуфут-чарган-буруна (по А. Г. Герцену)

несредневековых могильников Юго-Западного Крыма [403, с. 329—330].

Таким образом, приведенные данные убедительно свидетельствуют о существовании поселения на Мангупе в поздне-римское и раннесредневековое время. По всей вероятности, именно это поселение, защищенное стенами во времена Юстиниана I, было политическим центром Крымской Готии под названием Дори-Дорос.

Кроме раннесредневековых оборонительных стен Мангупа, приблизительно к этому же времени (не позднее VI в.) может быть отнесено сооружение крепости Эски-Кермен (рис. 13) [378, с. 116—117, 130, 141, 150; 379, с. 153—180; 496, с. 213—254]. По мнению Ф. И. Шмита, Эски-Кермен — типично византийская крепость. Ее ближайшая аналогия — крепость Рум-Кале в византийской провинции Коммагена [496, с. 240—241]. Как и Эски-Кермен, она сооружена на такой же продолговатой «столовой» известняковой скале. Оборонительные сооружения Рум-Кале — пещерные казематы в сочетании со стенами, поставленными на «постелях» на самом краю обрыва — очень похожи на эски-керменские. В скале, на которой стоит крепость Эски-Кермен, вырублен колодец с шестью маршами ступеней, спускающихся вглубь и заканчивающихся галереей, которая в старину постоянно наполнялась водой из каменной породы и, вероятно, из перехваченного у подножия скалы источника [377, с. 47].

Подобные колодцы известны и в других византийских крепостях: в Рум-Кале, Амазии, Кале-Кею и Туркхале. Прорубленный сквозь толщу скалы колодец для перехвата источника обнаружен на мысе Тешкли-бурун на Мангупе. О таком же использовании источника для обеспечения водой жителей византийской крепости Барас на границе с Персией сообщает Прокопий [47, с. 231—232].

Культурный слой и могильник раннесредневекового времени убедительно свидетельствуют о постоянном местном населении крепости Эски-Кермен, скорее всего, уже с VI в. Жители таких больших крепостей нередко выполняли функции византийских гарнизонов [75, с. 509—510].

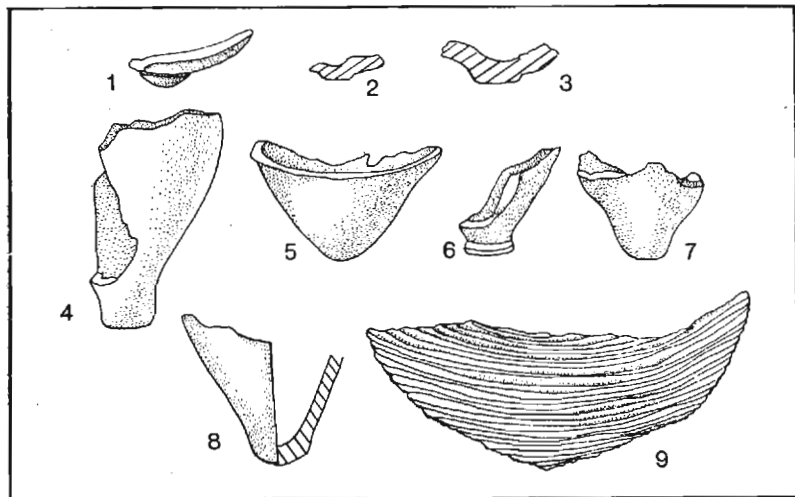
Поселение на Бакле возникло в III—IV вв. Его основание синхронно с приходом в Юго-Западный Крым нового населения, оставившего могильники типа Озерное III, Инкерманский и др. Причем, по наблюдениям Д. Л. Талиса, керамика с налепным валиком (в том числе рассеченным) из нижнего слоя Баклы может быть сопоставлена с черняховской [461, с. 56]. Не позже чем в VI в. на Бакле была воздвигнута первая оборонительная стена [450, с. 58—59; 451, с. 137—138; 459, с. 104—105]. V—VII вв. датируются многочисленные фрагменты амфор (рис. 14, 1—9) [466, с. 57—58, рис. 1, 17—21, 4, 1—6]. Д. Л. Талис рассматривает строительство этой линии обороны на Бакле как сооружение убежища для местного населения [451, с. 138—139; 459, с. 102]. К этой же группе памятников отнесена и раннесредневековая линия обороны крепости Каламита в Инкермане. В результате археологических исследований, проведенных Е. В. Веймарном, здесь выявлена двупанцирная оборонительная стена первого строительного периода, сооруженная в технике крупноблочной квадратной кладки и датированная приблизительно VI в. [161, с. 78—79; 159, с. 61—62].

Археологические раскопки Чуфут-Кале, Тепе-Кермена и Сюреньского укрепления [162, с. 45—77; 460, с. 98—104; 452, с. 293—294; 455, с. 218—229; 118, с. 88—91], по мнению исследователей, еще не представили достаточно материала для датировки их временем Юстиниана I. Правда, отдельные факты, на которые неоднократно обращал внимание А. Л. Якобсон, не позволяют категорически отрицать раннюю дату первого строительного периода этих укреплений. В первую очередь могут быть упомянуты сохранившиеся нижние ярусы юго-западной оконечности Средней оборонительной стены Чуфут-Кале, которые выложены из больших, монументальных квадров на крепком известковом

Рис. 13. Эски-Кермен. Пещерные казематы

растворе. Они резко отличаются от кладки всей остальной части стены, что указывает на значительный хронологический разрыв между строительными периодами [529, с. 110—114, рис. 1]. Кроме того, на плато Чуфут-Кале и у его подножия найдены три византийско-коринфские мраморные капители VI в. (рис. 15, 1—2) [140, с. 175—177, рис. 4—5; 162, с. 60—61, рис. 14]. У подножия северного обрыва скалы, на участке под Средней стеной, в тонком слое на древней поверхности (под мощным напластованием строительного отеса, образовавшегося при сооружении стены) обнаружено 28 обломков лепных сосудов и фрагмент острого дна ранне-средневековой амфоры V—VII вв. (рис. 15, 3) [162, с. 65, рис. 16]. Фрагмент такого же дна и обломки стенок амфор с глубоким и частым рифлением (VI—VII вв.) найдены на поверхности мыса Бурунчак (рис. 15, 4—7) [162, с. 69—70, рис. 21, 3—7]. В 1973 г. на Бурунчаке была найдена монета Юстиниана I, а у Малых ворот — ранневизантийская широкопластинчатая фибула VI в. типа «Сучидава» (разведки М. Я. Чорефа) (рис. 15, 8). На юго-западном склоне Чуфут-Кале исследован большой ранне-средневековый катакомбный могильник VI—IX вв. [271, с. 108—115].

Культурные слои ранне-средневекового времени на плато Тепе-Кермен также пока не обнаружены (рис. 16). Однако при раскопках Тепе-Кермена найдены разрозненные фрагменты керамики V—VI вв., в том числе амфор с глубоким и частым рифлением [451, с. 135; 460, с. 103, рис. 4, 3; 456, с. 129], которые позволяют предполагать, что уцелевшие участки культурного слоя этого времени еще могут

быть выявлены. Кроме того, на Тепе-Кермене обнаружен высеченный в скале храм. По своей композиции и ориентировке он близок к сирийско-месопотамским христианским храмам IV—VI вв. [524, с. 51—52, рис. 17, табл. 13, 1; 451, с. 135; 459, с. 107]. Вырубленные же в скале казематы Тепе-Кермена напоминают оборонительные сооружения крепости Эски-Кермен и мыса Тешкли-бурун на Мангупе.

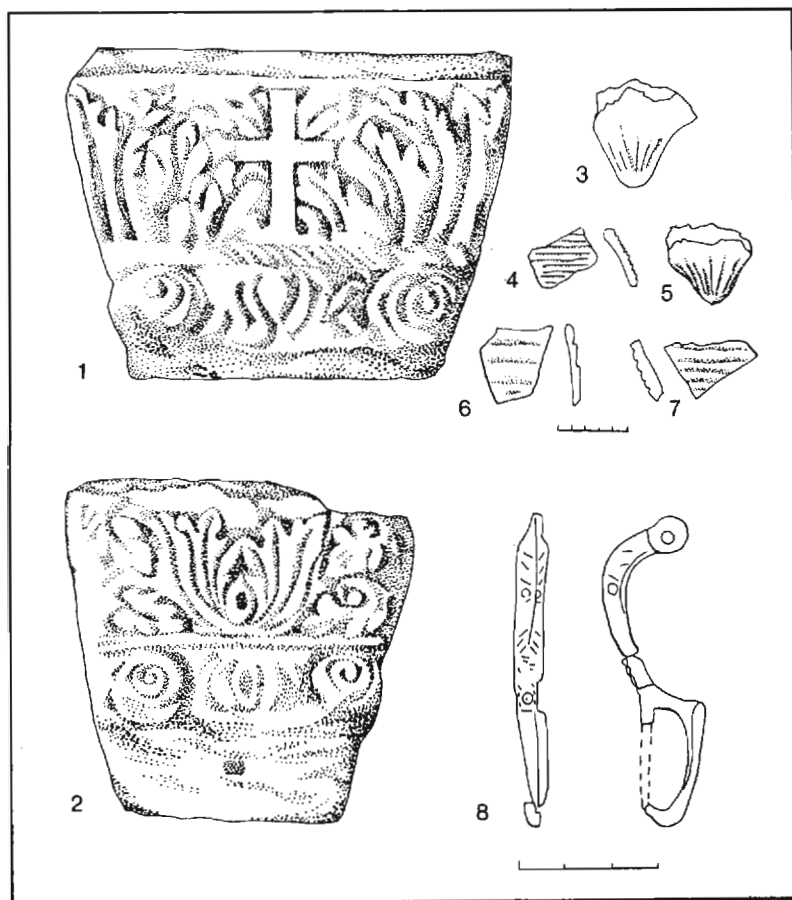
На территории Сюреньского укрепления находки VI—VII вв. не обнаружены. Однако двупанцирные стены с забутовкой, выложенные из больших, хорошо отесанных блоков на вырубленных в скале «постелях», позволили А. Л. Якобсону датировать это укрепление ранне-средневековым временем — VI в. [525, с. 17—18; 529, с. 114]. Против датировки Сюреньского укрепления только по технике кладки неоднократно высказывался Д. Л. Талис [451, с. 136—137; 455, с. 218—229; 459, с. 109—110]. Вместе с тем следует отметить, что при строительстве этих стен использован материал от какой-то более ранней постройки: переотесанные архитектурные детали, отесанный со всех сторон камень с пионом [118, с. 90—91]. Исследователи Сюреньского укрепления отмечали и то, что в кладке внешнего панциря восточной куртины стены использованы крупные блоки нумулитового известняка, отличающиеся от других квадров. Вероятно, они также были взяты из более ранней постройки [154, с. 116—118].

Приведенные факты, по нашему мнению, могут свидетельствовать, что в строительстве оборонительных сооружений византийского времени Чуфут-Кале, Тепе-Кермена и Сюреньского укрепления могли быть, по крайней мере, два строительных периода с большим хронологическим разрывом между ними. Первый период, вероятно, совпадает по времени со строительством ранних стен Мангупа (Дори-Дороса), крепости Эски-Кермен, убежищ Бакла и Каламита. Отличия в формировании культурного слоя этих памятников, очевидно, связаны с тем, что стены Дори-Дороса и Баклы были построены там, где с III—IV вв. существовали поселения. Крепость же Эски-Кермен была заселена постоянным гарнизоном из местных жителей. Иная судьба могла быть у других крепостей или укреплений-убежищ, существовавших длительное время без постоянного населения или гарнизона. Правда, далеко не все исследователи придерживаются такой точки зрения. Так, по мнению Д. Л. Талиса, крепости и убежища Юго-Западного Крыма вообще

Рис. 14. Фрагменты амфор V—VII вв. из Баклы (по Д. Л. Талису)

не могли быть построены при императоре Юстиниане I, так как, во-первых, об их сооружении не упоминает Прокопий Кесарийский и, во-вторых, убежища типа Бакла и Каламита не могли входить в оборонительный лимес по границе империи [451, с. 132—140; 464, с. 105—106]. Однако следует напомнить слова самого Прокопия Кесарийского: «Я хорошо знаю, что многое я пропустил в своем рассказе, или незамеченное вследствие огромного количества его [Юстиниана I] построек, или просто оставшееся мне неизвестным» [47, с. 283]. Не будем исключать и того, что строительство крепостей и укреплений могло быть завершено уже после написания Прокопием трактата «О постройках».

Строительная надпись 488 г. императора Зенона, найденная в Херсонесе, повествует о восстановлении стен и башни

только этого города [150, с. 317—320; 522, с. 21—22; 209, с. 45—50] и не может быть использована для датировки крепостей и укреплений Юго-Западного Крыма. В равной степени это относится и к строительной, по предположению В. В. Латышева, надписи из Херсонеса времен Юстиниана II (565—578 гг.), и к Таманской надписи 590 г. о восстановлении Дуксом Херсона Евпатерием «Кесарского здания» на Боспоре [303, с. 122—123; 522, с. 34—35]. Кроме трактата Прокопия, не сохранилось ни одного источника раннесредневекового времени, который бы свидетельствовал о сооружении по всем границам империи (включая Крымский полуостров) столь же мощной по своей протяженности линии обороны, состоявшей из цепи различных крепостей и укреплений [218, с. 230—254].

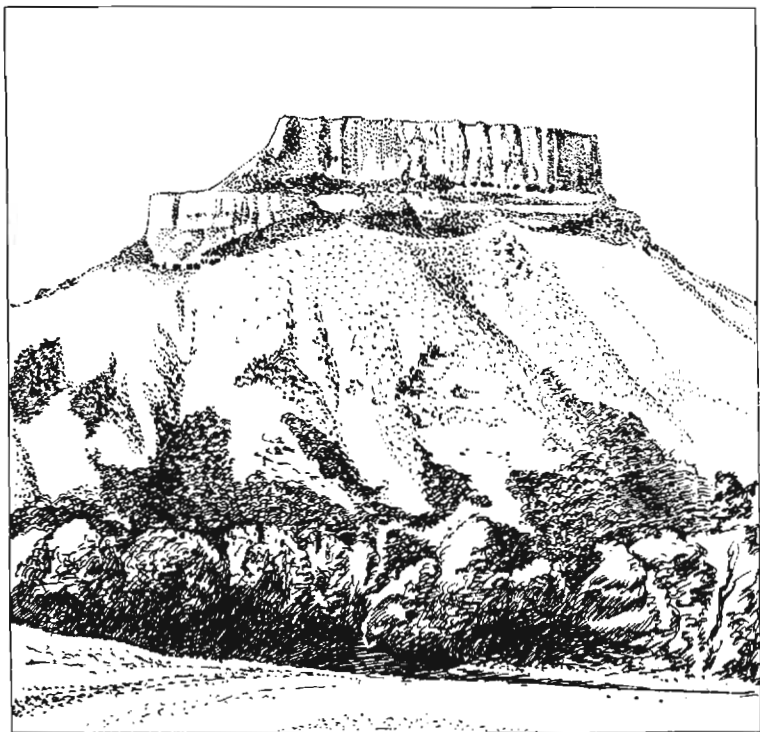
Что же касается убежищ в системе пограничной обороны, то описание подобных сооружений неоднократно встречается у Прокопия. Перечисленные им крепости, укрепления были разнотипными и разнохарактерными. Малые крепости и сторожевые пункты сочетались с большими крепостями-городками. Например, по границе Месопотамии, кроме больших укреплений Дара и Амида, Прокопий перечисляет ряд маленьких крепостей-кастелей, расположенных на горах [47, с. 231]. Укрепленные городки и сторожевые пункты упоминаются Прокопием на краю границ Евфратерии и в Сирии [47, с. 237, 241]. Перед городом-крепостью Киркесий, у слияния рек Аборры и Евфрата, было построено небольшое передовое укрепление [47, с. 233]. Около большого Фаишурия, у р. Аборра, император Юстиниан I выстроил отдельно стоящую сторожевую башню и поместил там значительный гарнизон [47, с. 233—234]. Частыми укреплениями был усеян берег р. Истра [47, с. 252]. Кроме того, в каждом округе пограничных с Истром областей Юстиниан I «выстроил частые крепостцы, так, чтобы каждый участок имел свое заботливо сооруженное укрепление или был по соседству с местом, обнесенным стенами» [47, с. 260]. Некоторые местечки на берегу Истра «император окружил... непреодолимыми укреплениями» [47, с. 260]. На границе Месопотамии, в районе, где располагались многочисленные деревни земледельцев, Юстиниан I выстроил крепость на вершине горы для защиты местных жителей. «При нападении врагов,— пишет Прокопий,— они уносили сюда свои

Рис. 15. Находки VI—VII вв. из Чуфут-Кале:

1—2 — у подножия плато (по У. А. Боданинскому и Б. Н. Засыпкину); 3 — из шурфа под северным обрывом плато; 4—7 — Бурунчак, подъемный материал (по Е. В. Веймарну); 8 — у Малых ворот (разведки М. Я. Чорефа)

самые ценные вещи, убежали и спасались сами» [47, с. 231]. Таким образом, византийские крепости и укрепления, сооруженные по границам империи, были разнохарактерными и различными по своим размерам. Но даже при их беглом обзоре становится понятным разнообразие крепостей и укреплений Юго-Западного Крыма. Здесь так же, как и в других пограничных, подвластных Византии землях сочетались большие крепости-городки, малые крепости, укрепления и убежища.

Гарнизоны крепостей составляли пограничные войска, которые набирались главным образом из пограничного населения. В мирное время они должны были жить в укреплениях и обрабатывать занятые ими земли, а также следить за всеми проходами и дорогами, пересекающими границы. Кроме пограничных войск, в состав римского военного учреждения входили федераты, включавшие в свой состав «народцы», жившие в соседстве с империей. В ответ на ежегодные субсидии, выплачиваемые их вождям, а также уступки земель на территории подвластных империи областей

(клима́тов), варвары обязаны были предоставлять своих воинов в распоряжение императорских властей, под командой своих вождей содействовать пограничным гарнизонам в защите границ империи и участвовать в военных походах. О федератах в Византии сообщают письменные источники [48, с. 90—91, 342, 350, 387, 477; 22, с. 104]. Федератами империи, исходя из сообщения Прокопия, были и крымские готы, которые «собственными руками» занимались земледелием [47, с. 249].

К слову сказать, одна и та же пограничная крепость или укрепление в разное время могли выполнять различные функции. От этого зависят толщина и характер их культурного слоя.

В подобных укреплениях, выстроенных Византией, в связи с их многочисленностью (а в ряде случаев — отдаленностью) содержались, как правило, очень небольшие отряды. Гарнизоны часто были настолько слабы, что оказывались неспособными не только защищать вверенную им область, но даже наблюдать за приближением неприятеля [75, с. 509—510]. О бедственном положении византийских гарнизонов, о ликвидации пограничных отрядов Прокопий сообщает также в «Тайной истории» [46, с. 338—339]. О состоянии пограничных укреплений можно судить по сообщению Агафия о походе котригуров на империю: «...они [котригуры] легко преодолели длинные стены и подошли к укреплениям, расположенным внутри. Вследствие старости и заброшенности великое укрепление во многих местах рухнуло и распалось... Не было никого, кто бы сопротивлялся им [котригурам]. Не было там никакого военного гарнизона, никаких орудий для отражения врагов. Не было и тех, кто использовал бы и привел в действие эти орудия. Не слышно было даже лая собак...» [2, с. 150]. Вполне возможно, что точно так же запустели и разрушились предполагаемые укрепления VI в. на Чуфут-Кале, Тепе-Кермене и Сюрени. В таком случае, вряд ли можно обнаружить здесь массовый материал раннесредневекового времени, а тем более выявить культурный слой этого периода.

Таким образом, наиболее вероятное время первого этапа строительной деятельности Византии в Юго-Западном Крыму — это все-таки период сооружения пограничных укреплений при Юстиниане I. Тем более, что в последние годы его царствования строительство оборонительных систем

Рис. 16. Тепе-Кермен

по границам империи не только угасает, но и многие укрепления перестают функционировать [218, с. 427] *.

Однако часть таких укреплений, выстроенных первоначально в порядке государственного мероприятия на землях соседних, зависящих от Византии народов, часто переходила в полную собственность местных жителей, если пограничный «народец» освобождался от протектората Византии. Так, вероятно, было и в Юго-Западном Крыму уже с сер. VII в. По сообщению сосланного в 655 г. в Херсон папы Мартина I, этот город уже был изолирован от сельскохозяйственной округи — Юго-Западного Крыма. «Хлеб,— по словам Мартина,— здесь известен разве по названию... Поэтому если не пришлют нам потребного оттуда [из Италии] или из области Понта, жить нам здесь никакой возможности...» [522, с. 37]. Кстати, в сочинении Анастасия Библиотекаря, кратком житии соратников папы Мартина — братьев Федора и Евпрепия, сосланных в Херсон в сер. VII в., сообщается, что они были там часто «разлучаемы насильно» и отсылались в укрепления соседних племен — «castris gentium» [151, с. 188, примеч. 1; 522, с. 39, примеч. 3], которые, очевидно, следует отождествить с крепостями и укреплениями Юго-Западного горного Крыма.

Об их независимости от Византии во времена хазарского влияния красноречиво свидетельствует описанный Феофаном и Никифором случай с Юстинианом II, сосланным в 695 г. в Херсон. Желая вернуть себе византийский престол, но опасаясь херсонеситов, которые решили выдать его императору Аспимарпу Тиверию, Юстиниан бежал и скрылся в крепости Дорос, откуда обратился к хазарскому хагану с просьбой принять его [66, с. 39, 62; 38, с. 155, 163]. Затем, при описании расправы Юстиниана II над херсонеситами (711—712 гг.) после захвата им власти в Византии, у Феофана дважды упоминаются «жители тех крепостей» (των χωτρων), которые были «вынуждены задумать против василевса, послали к хагану в Хазарию просить войско для своей охраны» [66, с. 40—41, 64]. У Никифора в этом же месте названы «архонты тех областей» [38, с. 165]. Под упо-

* Правда, что касается конкретно Юго-Западного Крыма, северной границы Византийской империи, то необходимость в сооружении пограничных крепостей, безусловно, существовала и в последней трети VI в. (после правления Юстиниана I) в связи с нависшей над Таврикой опасностью со стороны тюркского каганата, вплоть до установления хазарского господства. Но письменные источники не сообщают о строительстве укреплений в этой части полуострова в указанный время. Судя же по сочинениям Анастасия Библиотекаря (IX в.) и Феофана, крепости в Юго-Западном Крыму существовали уже в середине VII и в самом начале VIII в. (см. ниже).

мянутыми Феофаном крепостями также следует понимать укрепления Юго-Западного Крыма. Участие же их жителей в политических событиях, разыгравшихся в Херсоне в нач. VIII в.*, свидетельствует о традиционной связи правителей этих крепостей с Херсоном и во времена хазарского протектората. Скорее всего, именно с опорой в первую очередь на Херсон (а также, возможно, и Дорос) строилась византийская система обороны в Юго-Западном Крыму в VI в. Ведь несмотря на большой размах строительства крепостей и укреплений по границам империи при Юстиниане I, крепостное строительство имело лишь дополнительный, вспомогательный характер. Оно было привязано к обороне существующих центров [292, с. 76—77].

Относительная же самостоятельность крепостей, унификация их роли как социальных и политических центров местного населения, заселение постоянными жителями и т. п. осуществлялись в процессе развития феодальных отношений. Некоторые крепости, имевшие особое стратегическое значение, после фемного устройства империи кон. VII в. составляли небольшие управления, называвшиеся клисурами. Они управлялись командирами с титулом клисуарха и даже перерастали в фемы [219, с. 97]. В «Житии Иоанна Готского» при описании антихазарского восстания упоминается освобождение от хазар Дороса и овладение Иоанном («со своими людьми») Клисурами («Елисурами»). После чего «архиерей [был] выдан одним местечком (ενοσ χωριου) и жители Готии подчинились хагану» [18, с. 29]. Если Готия находилась в юго-западной части полуострова и примыкала к Херсону, то вряд ли под Клисурами имелись в виду укрепления горных перевалов первой гряды Крымских гор. Скорее всего, анонимный автор «Жития» мог назвать «Клисурами» крепости и укрепления Юго-Западного Крыма ** (кроме Дороса), построенные еще до хазарского господства для защиты византийских владений в Крыму,

* По сообщению Никифора, при расправе патрикия Стефана над херсонеситами, действовавшего по приказу Юстиниана II, кроме казни семи мужей «из первенствующих Херсона», было утоплено «двадцать мужей, управляющих другими городами», среди которых могли быть и архонты из Юго-Западной Таврики [38, с. 164—165].

** «Житие Иоанна Готского», по мнению исследователей, было написано уже во второй период иконоборческого движения [153, с. 426—427; 151, с. 201], т. е. между 813 и 843 гг. Именно в этот промежуток времени византийским императором Феофилом была создана Херсонская фема [26, с. 20], а с 842 г. Петрона Каматир, как мы уже отмечали, именовался «стратигом Климатов» [306, с. 321]. Другими словами, приблизительно в сер. IX в. в Юго-Западном Крыму, вероятно, уже была создана фема Климатов.

контроля горных проходов между столовыми горами Юго-Западной Таврики.

Пограничные горные теснины еще во время Юстиниана I действительно иногда укреплялись крепостями [45, с. 225—227, 230—231; 48, с. 417]. Роль крепостей в обороне границ Византии (несмотря на их формирующуюся феодальную автономию), равно как и внимание к ним со стороны империи (для Юго-Западного Крыма это могло быть время после хазарского протектората), не ослабевает. В сер. X в. «города Климатов» или «крепости Климатов» (*τα καστρα των κλιματων*) упоминаются Константином Багрянородным наряду с Херсоном и Боспором [26, с. 21]. На рубеже XI—XII вв. строятся новые оборонительные стены Чуфут-Кале и Сюрени. По мнению Д. Л. Талиса, это строительство может быть датировано временем правления Алексея I Комнина — 1081—1118 гг. [459, с. 100—111]. Именно в этот период Византия укрепляет свои позиции в Северном Причерноморье. По сообщению Мануила Страворомана, к империи вновь были присоединены земли «от гетских пределов до Эвксина [Черного моря] и то, что лежит у Киммерийского Боспора» [309, с. 239]. Однако строительство новых оборонительных сооружений могло вестись на месте старых заброшенных укреплений времени императора Юстиниана I.

Кроме крепостей, с VIII—IX вв. в Юго-Западном Крыму сооружается ряд пещерных монастырей (Инкерман, Чильтер, Шулдан, Качи-Кально и др.), возникновение которых связывают с массовым переселением в Крымскую Готию монахов-иконопочитателей во времена иконоборческого движения. Упомянутые монастыри сходны с пещерными монастырями Малой Азии, Западного Черноморья и Южной Италии [524, с. 32—33, 158, примеч. 39—44]. Одновременно на Южном берегу Крыма появляются многочисленные поселения и плитовые могильники [122, с. 240—245].

Бежавшие из Византии иконопочитатели, несомненно, влились в этникон Таврики. О массовости монашеской эмиграции свидетельствует «Житие Стефана Нового», в котором сообщается о переселении иконопочитателей в Южную Италию, на Юг Малой Азии, Кипр, побережье Сирии и Палестины, а также на «северные склоны берегов Евксинского Понта» (вероятно, в Таврику), в область «Боспора, Херсона, Никопсиса, по направлению к низменной Готии» [494, с. 38—39; 525, с. 170]. В «Житии Иосифа Гимнографа», жившего в Херсоне до смерти императора Феофила (829—842 гг.), сказано, что, кроме Иосифа, «многие правоверные были изгнаны в Херсонес и нечестивую Армению» [388, с. 7].

Процесс византинизации, огречивания местного населе-

ния Крымских Климатов, безусловно, был задержан их долгой зависимостью от Хазарского каганата, а также притоком в Таврику в VIII—IX вв. нового населения из Подонья, Приазовья — групп ранних болгар, принесших с собой некоторые элементы салтово-маяцкой культуры [525, с. 182—223; 527, с. 131—138; 528, с. 36—44; 121, с. 1—23; 122, с. 245—248; 82, с. 225—239; 392, с. 117—120].

Исследователи приводят в своих работах свидетельства различных источников о варварском (в основном — негреческом) составе населения раннесредневековой Таврики [388, с. 5—7; 525, с. 194; 527, с. 138]. Так, по свидетельству Феофора Студита, высказанному в одном из его писем (письмо ХСП от 821 г.) — «это чужая [для византийцев] страна» [65, с. 454]. В составленном Епифанием в IX в. описании подвигов апостола Андрея Херсон прямо назван «городом готов... где обитали люди грубые и неверные» [152, с. 268, 282; 146, с. 212]. О враждебном окружении Херсона в нач. IX в., об осаде города хозарами сообщает «Житие Иоанна Психаита», сосланного Львом V [314, с. 235—236]. Упоминания о «народе фульском», об осаде Херсона хозарами и даже о венграх возле Херсона содержатся в «Житии Константина» [17, с. 78, 85]. По рассказам смирнского епископа Митрофана, сосланного в Таврику и жившего где-то около Херсона, это были «толпы язычников», «пришельцы из разных варварских народов» [299, с. 141]. Влдения же хазар (т. е. Хазария), согласно указанию «Слова на перенесение мощей св. Климента», территориально граничили с Херсоном [299, с. 144]. Правда, после ослабления и падения господства хазар в Крыму постепенно восстанавливается власть Византии, что несомненно привело к усилению византийского культурного влияния, активно протекавшего еще во времена переселения иконопочитателей и сильно ослабленного лишь сокрушительным нашествием печенегов на рубеже IX—X вв. Этот процесс, неразрывно связанный с деятельностью византийской христианской церкви, нашел отражение в распространении названия «греческие христиане» или просто «греки» и «гречане», неоднократно употреблявшегося авторами XV—XVII вв. (Иоганн Шильтбергер, Мартин Броневский, священник Иаков, Эмиддио Дортелли д'Асколи) по отношению к части населения горного Крыма [370, с. 10—11].

Вместе с тем на протяжении всего средневековья употреблялись названия «готы» и «Готия». Так, источник XIII в. — описание путешествия монаха Рубрука — сообщает, что «на море, от Керсоны до устья Танаида, находятся высокие мысы, а между Керсоной и Солдайей существует

сорок замков, почти каждый из них имел особый язык; среди них было много готов, язык которых немецкий» [51, с. 68]. О «Стране готов, подданных императору северных татар», сообщается в письме архиепископа Китая Джованни Монтекорвино, адресованном главному викарию францисканского ордена 8 января 1305 г. [486, с. 140]. Правитель Мангула кон. XIV в. даже отнесен к числу татарских ханов. Шлёцер в своей истории Литвы под 1396 г. сообщает о разгроме Витовтом трех татарских ханов: крымского, киркельского и манлопского [247, с. 310; 145, с. 171—173; 325, с. 13, примеч. 3]. Согласно папской булле 1333 г. о назначении херсонского епископа, Херсон находился «в области Готии» [146, с. 212]. В записках И. Шильтбергера 1394—1427 гг. упоминается «городок Киркьер, в хорошей области, именуемой Готфией, но которую язычники называют Тат» [70, с. 45]. Причем по месторасположению, города Киркьер (Чуфут-Кале) «Готия» локализуется в Юго-Западном Крыму.

В генуэзских источниках упоминается в основном только прибрежная, подвластная генуэзцам часть Крымской Готии. По договору, заключенному (с согласия Тохтамыша) владельцем Солхата Черкесс-Беем с консулом Каффы Яноном де Боско, генуэзцы получили 18 селений, которые принадлежали Солдае, и Готию «с селениями и народом» от Чембалло до Солдаи [247, с. 81—85]. «Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе 1449 г. в последний день февраля» [64, с. 726], также упоминает только прибрежную Готию, т. е. местность, где находились генуэзские владения. Иосафат Барбаро в своем «Путешествии в Тану» вслед за «Татарией» и «Аланией» описывает Крым: «...за Каффой, по изгибу берега на великом море, находится Готия, за ней — Алания, которая тянется по острову в направлении Монкастро... Готы говорят по-немецки. Я знаю это потому, что со мной был мой слуга немец; они с ним говорили и вполне понимали друг друга подобно тому, как поняли бы один другого фурланец и флорентиец. Я думаю, что благодаря соседству готов с аланами произошло название готаланы. Первыми в этом месте были аланы, затем пришли готы; они завоевали эти страны и смешали свое имя с именем аланов. Таким образом, ввиду смешения одного имени с другим, они называют себя готаланами. И те, и другие следуют обрядам греческой церкви, также и черкесы» [8, с. 157]. В сочинении И. Барбаро, несомненно, отразилась итальянско-генуэзская традиция локализации Крымской Готии. Вместе с тем большой интерес представляет сообщение о смешении готов и аланов, подтвержда-

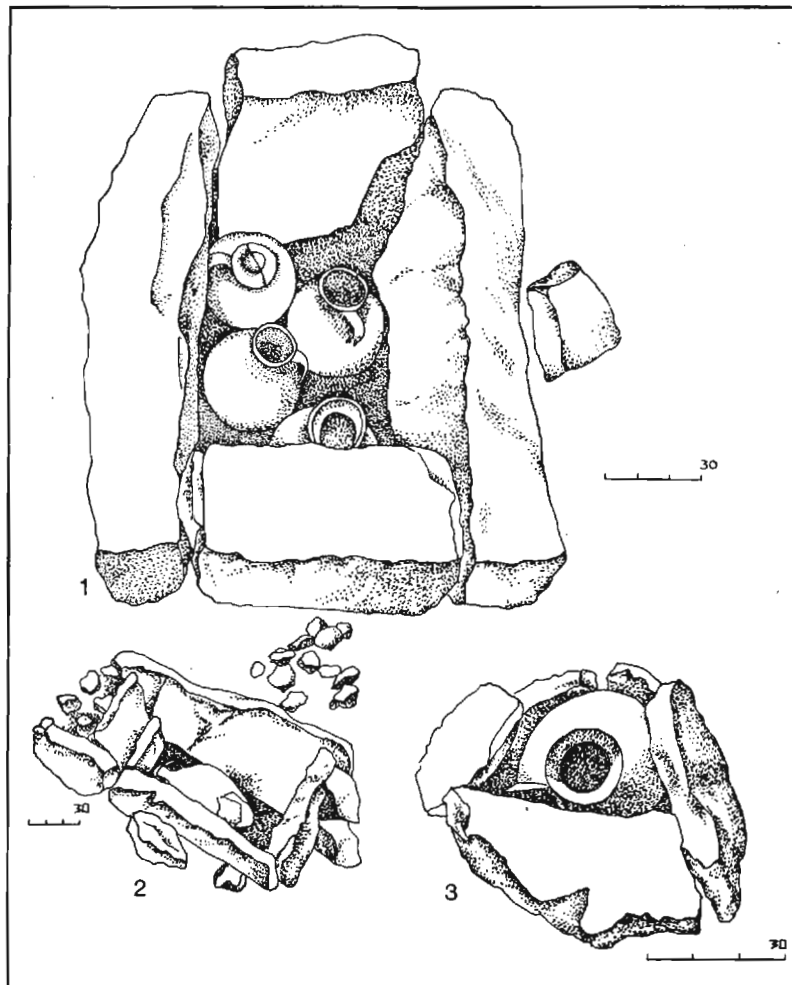
ющееся материалами исследований раннесредневековых могольничков всего Юго-Западного Крыма.

Готия и Феодоро упомянуты в Трапезунтской хронике Михаила Панарета под 1426 г. [325, с. 30]. В генуэзском документе 1475 г. Саик назван господином Феодоро и Готии [325, с. 43], что вполне согласуется с текстом уже упоминавшейся нами надписи 1427 г., в которой Иоанн назван «архиепископом города Феодоро и всея Готфии» [153, с. 421—422]. О последнем мангупском князе как о князе Готии сообщает и Феодор Спандунт (1453—1538 гг.) [325, с. 44].

«Готия» в позднесредневековых источниках безусловно является географическим термином. (Кстати, в «Молдавско-немецкой летописи 1457—1499 гг.» под 1471 г. упоминается жена воеводы Стефана, «княжна из Мангула по имени Мария», которая названа здесь «черкешенкой» [34, с. 49].) Вместе с тем употребление слова «Готия» лишь как географического термина не исключает возможности обитания в позднесредневековом горном Крыму каких-то ассимилированных потомков готов. В связи с этим представляет интерес сообщение каноника Матвея из Мехова, который побывал в Крыму в 1578 г., посетил Мангуп, беседовал с каким-то греческим священником. По его словам, при занятии Крыма татарами в XIII в. Мангуп удерживали его князья, «которые родом были готы и говорили по-готски» [370, с. 10], т. е. были «последними представителями готской крови» [325, с. 44]. Посол германского императора Фердинанда I в Турцию Бусбек в сер. XVI в. сообщал о готах в Крыму, помещая при этом их столицу на Мангупе [370, с. 10—11]. Более того, он записал 68 слов из языка крымских готов, например «broe» — «хлеб», «ada» — «яйцо», «schlipen» — «спать», «mine» — «луна», «mucha» — «меч», «fider» — «четыре», «kompen» — «идти» и др. По мнению В. Н. Топорова, готский характер этих слов (обнаруживающих крымско-готские диалектные особенности по сравнению с языком Библии Вульфила) не вызывает сомнений. Кстати, эти особенности позволяют предполагать, что предки крымских готов еще во время проживания в Скандинавии существовали обособленно от основного массива готов.

Исследователи отмечают также связь языка крымских готов с языком герулов, принимавших совместно с остготами участие в морских грабительских походах (в 267 г. такой поход был совершен по Понту из устья Меотиды к устью Дуная [147, с. 172], т. е. вдоль Крымского побережья), выделяют и некоторые иранские (аланские) заимствования при обозначении числительных «сто» — «sada» (осетинское «sädä») и «тысяча» — «hazer» (персидское «hazār») и т. п.

[471, с. 236—241]. Как полагает Б. А. Куфтин, один из типов жилища горных татар, отмеченный им в Бахчисарайском р-не в Кучук-Узенбаше, Керменчике, Стиля и других горных деревнях, имеет по своим этнографическим параллелям отношение к пребыванию готов в Крыму. Это — дома со срубленными из дерева и скрепленными деревянными же шипами стенами, двускатной крышей, покоящейся на системе седлообразных стропил, которые опираются концами на горизонтальные брусья, связывающие сверху стены дома. Название системы этих брусьев (обрешетки кры-

ши) — «разан» («разна») не имеет аналогий в тюркских языках, зато родственно готскому «газп» — «дом» [293, с. 20, 23, 51; 471, с. 239—240]. Во всяком случае, скрепление стен из горизонтально сложенных бревен способом сруба — северного происхождения. Конструкция этих внушительных деревянных сооружений, безусловно, происходит из богатого строевым лесом края. По словам Б. А. Куфтина, эти дома отличаются от прочих крымских жилищ. Их особенная архитектура, всюду выступающие крупные деревянные стволы придают селению не южный, а скорее какой-то северный отпечаток [293, с. 20—23, 51]. Однако известный знаток этнографии Крыма А. Н. Бернштам, описывая деревянные постройки горного Крыма, ничего не говорит об их северном происхождении. Существование таких домов он скорее склонен объяснить изобилием в горном Крыму строительного леса, в частности дуба. Вместе с тем А. Н. Бернштам отмечает, что эти постройки у горных татар считались древнейшими. Кроме того, в тех же горных деревнях зафиксированы и другие постройки (например, из самана и плетня), отличающиеся от сложных деревянных домов; объяснение этой этнографической пестроты А. Н. Бернштам пытается найти в социально-экономической дифференциации [126, с. 135—144]. Наблюдения А. Н. Бернштама могут и не противоречить выводам Б. А. Куфтина, ведь сам тип деревянного срубного дома мог быть когда-то принесен в Крым с севера.

Таким образом, приведенные письменные, эпиграфические, в определенной степени даже этнографические источники позволяют, по нашему мнению, локализовать Крымскую Готию на территории всего Юго-Западного Крыма (как горного, так и южнобережного), а древний политический и церковно-административный центр таврических готов безоговорочно отождествить с Дори-Доросом-Мангупом.

Сведения о времени проникновения в Юго-Западный Крым племен готского союза, известных под общим названием «готы», об их этническом составе и территории расселения могут предоставить могильники позднеримского и раннесредневекового времени, в первую очередь некрополи с трупосожжениями сер. III — первой пол. V в. Для памятников этого времени особенно характерно разнообразие погребальных обрядов.

Рис. 17. Трупосожжения с каменными конструкциями в могильниках Юго-Западного Крыма:

1—2 — на территории совхоза «Севастопольский», каменные ящики 1, 4 (раскопки С. Ф. Стрелецкого); 3 — Чернореченский, погребение 10(21) (раскопки В. П. Бабячкива)

Различные по конструкции захоронения с трупосожжениями исследованы в биритуальных разнотнических могильниках Херсонесской округи: на территории совхоза «Севастопольский», в Чернореченском, Инкерманском (?), Бельбек I, а также вблизи р. Черная (т. н. «могильник Бертье-Делагарда»). На Южном берегу Крыма трупосожжения доминировали на Ай-Тодорском могильнике. В некрополе на склоне г. Чатырдаг они составляли 100 %. В могильнике на территории совхоза «Севастопольский» обнаружены 29 каменных ящиков из плит с поставленными в них урнами (рис. 17, 1—2) и 398 урн в поле. Некоторые из них (14, 16 и др.) имели каменную обкладку (рис. 18). Одна из урн (18) была обложена крупными обломками амфор и лепного кувшина. В качестве погребальных урн использовались лепные горшки и кувшины, амфоры III—IV вв. из Херсонеса, Синопы, Гераклеи, Родоса и других городов (рис. 19, 1—3), краснолаковые кувшины, специальные погребальные урны-сосуды и каменные оссуарии несомненно херсонесского производства [241, с. 56—57] (рис. 20). Горла урн были перекрыты чашками, мисками и обломками больших сосудов.

Вместе с костями в погребальные урны складывались различные вещи (бальзамарии, пряслица, швейные иглы, игольники, шилья, ножи, серьги, кольца, перстни, браслеты,

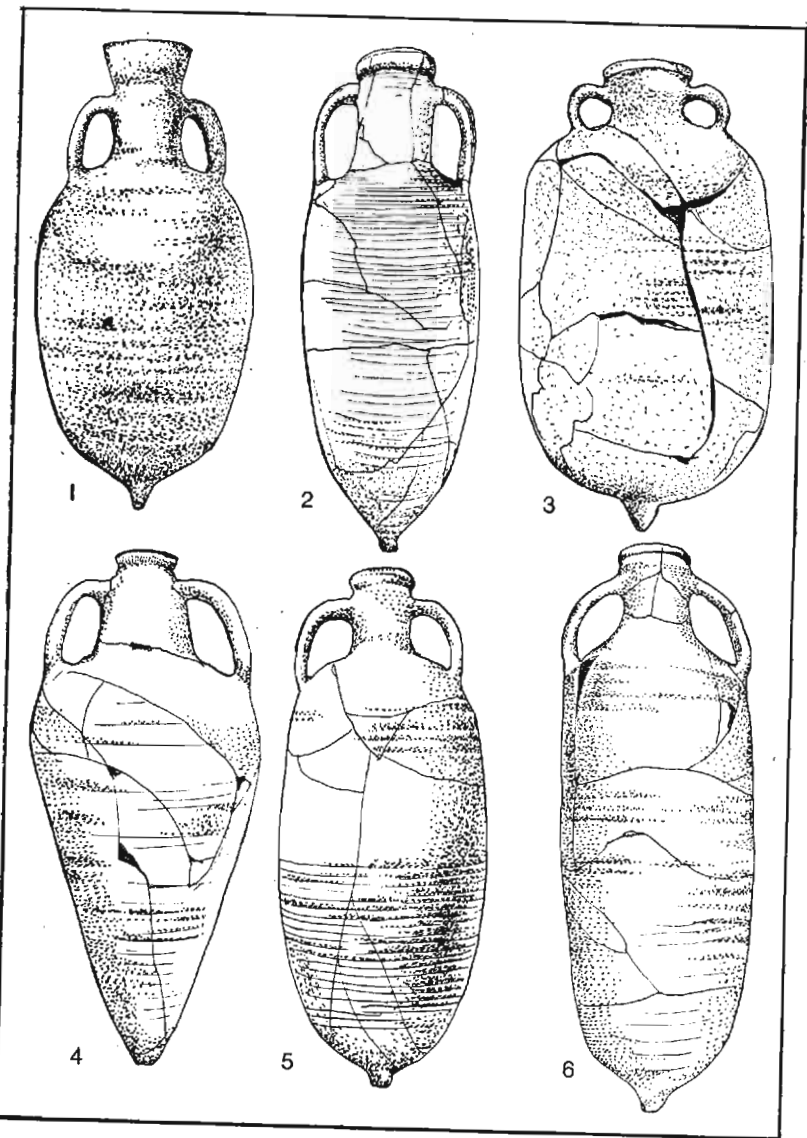
пряжки, фибулы, подвески, бусы и т. п.), которые вместе с останками умерших прошли через кремацию [444, с. 141—142]. В урнах с трупосожжениями обнаружены херсонесские и римские монеты III—IV вв. [104, с. 130—135; 272, с. 87; 439, с. 143]. В одном горизонте с трупосожжениями на территории могильника зачищена яма-тризна — небольшое углубление, заполненное сосудами (некоторые из них были раздавлены землей).

Согласно погребальным традициям биритуальных некрополей погребения с трупосожжениями располагались на относительно небольшой глубине (0,3—0,4 м от современной поверхности), над погребениями с труположениями, в которых господствовали сармато-аланские черты (сармато-аланские захоронения рассматриваются в главе 4 данной монографии). В 48 случаях погребальные урны и каменные ящики с трупосожжениями размещались непосредственно над могилами с труположениями. При этом в шести случаях (биритуальное погребение в подбойной могиле 87; грунтовая могила 161 — урна 350; грунтовая могила 185 — урна 352; грунтовая могила 186 — урна 303; грунтовая могила 187 — урна 161; грунтовая могила 189 — урна 173) зафиксирована одновременность различных погребальных обрядов. В биритуальном парном захоронении 161 урна была помещена над костяком старой женщины с деформированным по сарматским традициям черепом и кистью руки на костях таза. Кроме того, в сарматской по конструкции подбойной могиле 89 было установлено девять урн с прахом (232—240). Трупосожжение открыто также в грунтовой могиле с запличиками 218.

Аналогичное сочетание трупосожжений и труположений прослежено также на близлежащем Чернореченском могильнике [116, с. 119—121], в котором обнаружено 34 трупосожжения в урнах. В качестве урн использовались амфоры и лепные сосуды. Урны — лепные горшки стояли, а амфоры были положены на бок. В урны ссыпались кальцинированные кости вместе с остатками погребального кострища. В девяти из них найдены различные вещи, в основном разбитые красноглиняные сосуды, стеклянные бальзамарии, бронзовый замок, фрагмент бронзовой фибулы и т. п. Урна-амфора 5 (14) лежала на площадке из необработанных камней. Горло урны было перекрыто двумя каменными плитками; вкопанные вокруг камни удерживали ее в

Рис. 18. Амфоры-урны в каменной обкладке в могильнике на территории совхоза «Севастопольский» (раскопки С. Ф. Стржелецкого)

горизонтальном положении. Оградки урн из плитчатых камней обнаружены также в погребениях 1 (9а — 9б), 3 (11), 6 (15), 10 (21), 14 (25). В погребении 10 (21) установленные вертикально плитки образовывали маленький ящик (0,5 × 0,5 м) (рис. 17, 3). Горла урн-амфор 11 (22), 19 (38) были закрыты мисками. В погребении 19 (38) находился также

красноглиняный кувшин (сосуд-приставка) и 10 фрагментов разбитых лепных горшков. Небольшая урна-амфора из погребения 21 (42) стояла вверх дном. Рядом с ней найден обломок стенки пифоса. В некоторых погребениях зафиксировано сочетание урновых трупосожжений и сармато-аланских труположений. В подобной могиле 25 (59) кувшин с кальцинированными костями был поставлен в головах погребенной женщины. В ногах женского погребения, на ступеньке склепа 23 (79) лежала урна-амфора. Урна-кувшин 25 (88) обнаружена среди плит заклада подобной могилы 34 (78).

По сообщению Е. В. Веймарна, целый ряд обломков крупных амфор вместе с пережженными человеческими костями был найден на территории Инкерманского могильника в 1940 и 1941 гг. во время охранных наблюдений Бахчисарайского музея Пещерных городов за земляными строительными работами. Два крупных обломка (верхние части амфор) поступили на хранение в фонды музея. По внешнему облику эти амфоры очень напоминали урны-амфоры, найденные на Черонореченском могильнике, и имели достаточное сходство с амфорами из Ай-Тодорского могильника [Веймарн Е. В., личный архив]. Но эти находки не были зафиксированы по всем правилам в полевой документации, и их, к сожалению, нельзя отнести к числу достоверных источников.

Биритуальный могильник Бельбек I открыт в устье р. Бельбек. Здесь обнаружены три трупосожжения в небольших ямках [349, с. 32]. Найденные в погребениях обломки стеклянных сосудов и бусы подтверждают синхронность трупосожжений с сармато-аланскими плитовыми могилами, которые датируются второй пол. II в. [86, с. 118].

У старой дороги Бахчисарай — Севастополь, на расстоянии 1 км от р. Черная, А. Л. Бертье-Делагард обнаружил три каменных ящика из четырех плит, перекрывавшихся пятой. Размеры ящиков в плане — 1 × 0,7 м. В них найдены кальцинированные человеческие кости вперемешку с большим количеством черепков от разных сосудов [127, с. 247]. По всей вероятности, этот могильник принадлежит к той же группе, что и Чернореченский и на территории совхоза «Севастопольский».

Рис. 19. Амфоры-урны из могильников Юго-Западного Крыма:

1—3 — на территории совхоза «Севастопольский», погребения 77, 75, 45 (раскопки С. Ф. Стржелецкого); 4—6 — Ай-Тодорский, погребения 28, 33, 26 (раскопки В. Д. Блаватского)

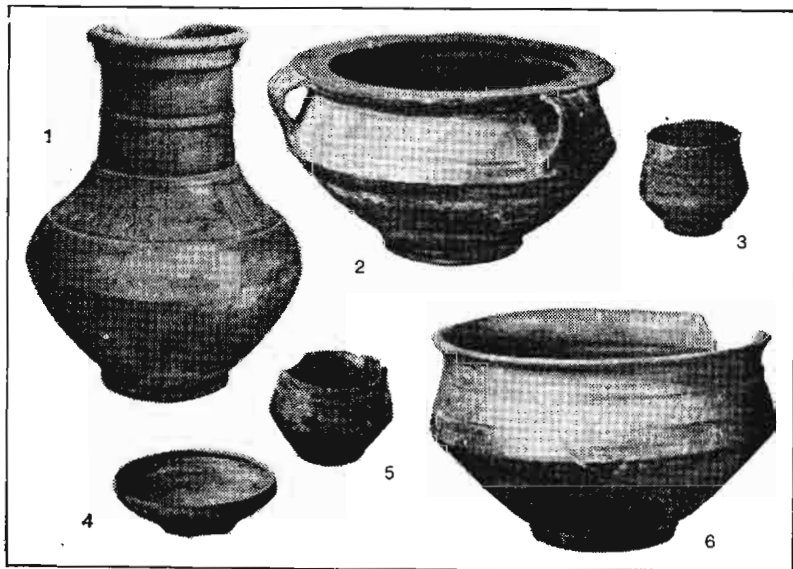
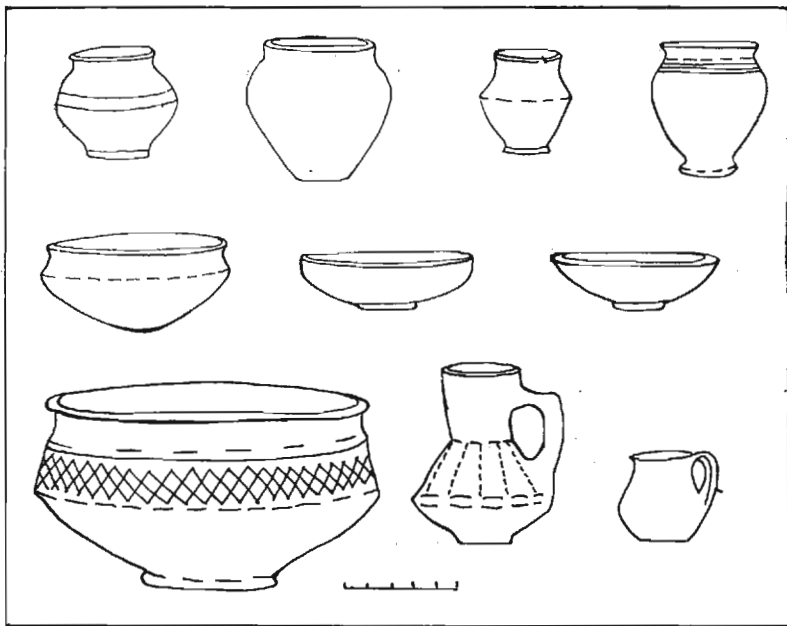
На Южном берегу Крыма исследованы два могильника с трупосожжениями позднеимперского времени. В Ай-Тодорском могильнике, располагавшемся у внешней оборонительной стены римского кастеля Харакс, обнаружены 35 погребений, совершенных по обряду трупосожжения, и два трупоположения [134, с. 212—274; 348, с. 106—133]. Могильник не связан с кастелем. Дата культурных слоев Харакса не выходит за пределы сер. III в. [133, с. 335]. Причем даже самые ранние могилы (34, 36—37), датированные К. К. Орловым сер. III в., появились, по его мнению, вслед за выводом из Харакса римских легионов [348, с. 109—116, 119—126, 131]. Основная масса погребений Ай-Тодорского могильника датируется IV в. Наиболее поздние монеты из большинства могил относятся к первой пол. IV в. [270, с. 63]. Ко времени не ранее IV в. могут быть отнесены и остродонные амфоры-урны (из погребений 12 и 26) с рас-

ширяющимися книзу шейками и короткими петлеобразными ручками [134, с. 266, 270, рис. 8, 4, 13, 1; 233; с. 121, табл. XI, 102б; 106, с. 256]. Красноглиняные амфоры-урны из погребений 3, 15, 29, 33 [134, с. 264, 269, 272, рис. 5, 1, 9, 5—6, 13, 2—3] с яйцевидным или цилиндрическим рифленным по всей поверхности туловом, широкой шейкой, венчиком в виде валика, короткими петлеобразными ручками, конусовидной ножкой или шишечкой по своим признакам также относятся к IV в. и продолжают бытовать в более позднее время [261, с. 23, 29—30, рис. 6, 2б; 86, с. 144; 530, с. 9—10, рис. 1, 5]. Второй пол. IV — первой пол. V в. датируется стеклянный стакан с т. н. сочатым орнаментом из погребения 29 [434, с. 183—184, рис. 1, 4], а также стаканы с каплями синего стекла — целые из погребений 15, 33 и разбитый из могилы 25 [433, с. 87, рис. 2, 4; 434, с. 183, 186, рис. 1, 1—3; 86, с. 113]. Наиболее поздние погребальные комплексы второй пол. IV — первой пол. V в. в Ай-Тодорском могильнике выделены А. И. Айбабиным на основании корреляции содержавшегося в них инвентаря.

В Ай-Тодорском могильнике обнаружено семь групп погребальных сооружений: урновые трупосожжения в небольших открытых ямах (2—3, 7—9, 12—13, 19—21, 24, 26); урновые трупосожжения под каменными закладами в одной (10, 14—15, 22—23) и двух (33) урнах; урновое трупосожжение, обставленное плоскими обработанными камнями (32); безурновые трупосожжения: жженные кости компактно сложенные в небольшую яму (1, 5—6, 11, 16, 18, 27, 30, 34, 36—37); безурновые трупосожжения: жженные кости покрыты миской (28) и большим фрагментом рифленной стенки красноглиняной амфоры (35); трупоположение под каменным закладом (17); коллективное трупоположение со следами ритуального расчленения мертвецов. Кроме того, на территории могильника обнаружены 10 пунктов скопления черепков от различных сосудов, иногда с костями животных и следами действия огня [351, с. 92—99]. Обломки пережженных костей покойников перемешаны с остатками погребального костра, вместе с ними и обгоревшими вещами ссыпаны в урны или уложены на дно ямы. При зачистке некоторых погребений (2, 8—9) зафиксировано, что урны посыпались остатками кострища — угольками и золой. В качестве погребальных урн чаще всего использовались позднеантичные амфоры (2, 3, 6—9, 12—15, 19—20, 22—24, 26, 29, 33) (рис. 19, 4—6), уложенные на бок, горлом на юго-

Рис. 20. Оссуарии в каменном ящике 18 из могильника на территории совхоза «Севастопольский»

восток. В таком же положении в погребении 32 находилась урна — лепной кувшины, обставленная плоскими камнями. Еще две урны-лепных сосуда оказались разбитыми вдребезги, поэтому их положение не установлено (25, 31). В двух погребениях урны стояли — это были сосуд с двумя ручками (21) и небольшой сосуд пифособразной формы (10) под мощной каменной вымосткой (2,25×2,75 м). Горла почти всех урн независимо от формы погребальной конструкции закрывались различными предметами: лепными мисками (2, 3, 9—10, 12—13), краснолаковыми чашками (21, 24, 29), доньшками амфор (15, 22), кусками солена (14, 33), кирпичем (7) и камнями (8, 19). Большинство урн и приставных сосудов разбиты, иногда преднамеренно. Почти в каждом погребении обнаружено множество черепков и обломков стеклянных сосудов, которые так же, как и другие вещи, часто имели следы воздействия огня. В погребении 18 найдена сильно деформированная бронзовая ойнохоя.

В погребениях найдено большое количество железных изделий: разломанный умбон и ручка от щита, наконечник копья и кинжал (11), боевые клинообразные топоры (1, 7, 18—19), длинные ножи (3, 5, 7, 10—12, 20, 24—25, 27—28, 30, 33), серпы (10—11) и т. п. Среди находок следует отметить и большое количество украшений: двучленные прогнутые подвязные фибулы (19, 24, 27—29, 33), браслеты (3, 7, 11, 18—19, 22, 24, 33, 36), пряжки (2—4, 7, 10, 16—17, 19, 27, 29, 30, 35) и т. п. В погребении 28 обнаружена железная ведркообразная подвеска.

В Чатырдагском могильнике исследовано 11 трупосожжений трех типов: четыре урновых в небольших каменных ящиках; пять урновых в поле; два безурновых в больших ямах [337, с. 153—156; 338, с. 144—164]. По типу погребального инвентаря Чатырдагский некрополь аналогичен другим крымским могильникам сер. III — первой пол. V в., содержащим трупосожжения. В качестве погребальных урн использовались амфоры, краснолаковые кувшины и лепные сосуды. Горло амфоры в погребении 1 было закры-

Рис. 21. Керамика черняховского типа из экспозиции Керченского историко-археологического музея (по Э. А. Симоновичу)

Рис. 22. Керамика черняховского типа из могильников Юго-Западного Крыма:

1, 4—5 — Чернореченский, могилы 9(35), 1, склеп 2(7) (раскопки В. П. Бабенчикова); 2, 3, 6 — Инкерманский, подбойная могила 6 (раскопки Е. В. Веймарна и разведки 1941 г. Бахчисарайского музея Пещерных городов)

то чашкой. Почти все урны и сосуды-приставки были разбиты в древности. В урны и ямки ссыпались кальцинированные кости вперемешку с остатками погребального кострища. В могилы клались также фрагменты разбитых и обгоревших сосудов. Особый интерес представляют захоронения воинов (1—3), в которых обнаружены ритуально согнутый длинный двулезвийный меч, умбон и ручка от щита, топор, наконечники копий, ножи и серпы. Кроме согнутого меча, в погребениях могильника отмечены другие предметы со следами преднамеренной порчи: сломанные браслеты (1) и перстень (4), согнутая монета (4).

Таким образом, погребения, совершенные по обряду кремации в крымских могильниках сер. III — первой пол. V в., несомненно, обладают сходными чертами. Причем отмеченные в них погребальные конструкции и детали погребального обряда (обкладка урны камнями; трупосожжение под каменным закладом; размещение урны на каменной вымостке-площадке; покрытие горла урны миской, фрагментом сосуда или камнем; расположение урны вверх дном; наличие сосуда-приставки («приношения»); сжигание всех

вещей погребального инвентаря вместе с покойником; сыпание в урну или ямку кальцинированных костей вместе с остатками погребального кострища и побывавших в костре вещей; посыпание урны остатками кострища и фрагментами разбитых обгоревших сосудов; преднамеренно разбитые в древности урны; ритуальная порча предметов инвентаря; расположение на территории могильника ям-триз, заполненных углями, золой, камнями и фрагментами керамики) характерны для памятников позднеримского времени Скандинавии, вельбаркской, пшеворской и черняховской культур [534, с. 105, 109, 122, рис. 19, 20а, 20в, 25; 531, с. 31, 154, рис. 53; 533, с. 219—450; 332, с. 142—149, 161—162; 298, с. 24—25, 28—29; 400, с. 102—103; 343, с. 81—85; 344, с. 60—77; 320, с. 53, 55; 446, с. 45, 49—51; 401, с. 68, 72—73, рис. 13, 6, 37; 385, с. 267—270].

Каменные конструкции в черняховской культуре встречаются значительно реже, чем в богатой камнем западной части Балтийского региона [344, с. 63—64, 188, табл. 22; 385, с. 281—283]. В Скандинавии до позднеримского времени бытовали каменные ящики с трупосожжениями — как безурновые [333, с. 158—159], так и с установленными в них урнами (наряду с урнами, обложенными камнями) [532, с. 128—130, 135, 137—139, 143, 174, рис. 107—110, 118, 120а, 121, 123, 168]. Правда, следует отметить, что кремация в каменных ящиках, как и трупосожжения в урнах, накрытых мисками и фрагментами сосудов, реже — трупосожжения в ямках были характерны и для гето-даков, входивших вместе с сармато-аланами и другими племенами в готский союз [478, с. 212; 279, с. 139] и принимавших активное участие в готских походах.

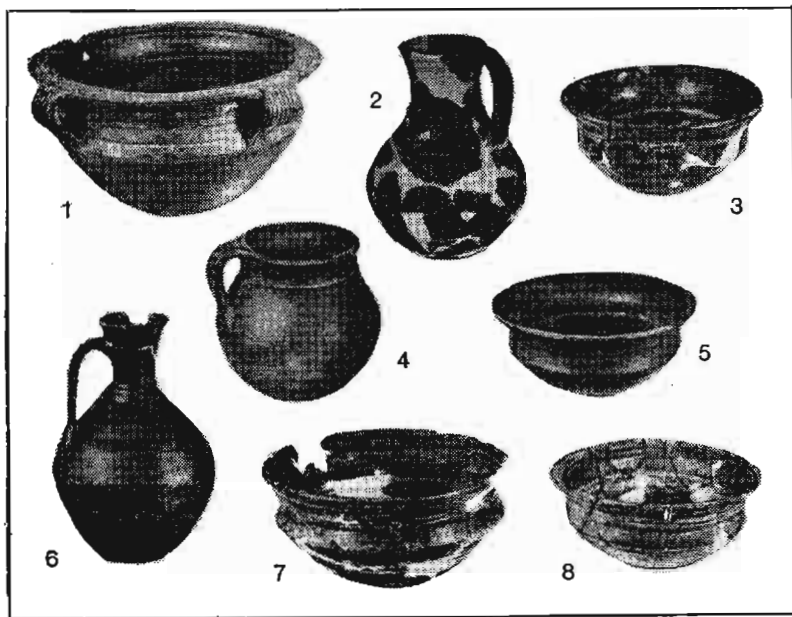
Отражением процесса смешения племен является полиэтничность носителей черняховской культуры [385, с. 302—332; 117, с. 152—162; 477, с. 171—172] и населения Крыма, оставившего могильники сер. III — первой пол. V в. Направление проникновения этого населения позволяют установить находки вещей черняховской культуры в Крыму. Серия гончарной черняховской керамики, как мы уже отмечали в главе 2, хранится в Керченском музее (рис. 21). Различные кружальные сероглиняные сосуды черняховского типа от-

Рис. 23. Керамика черняховского типа из могильника на территории совхоза «Севастопольский» (раскопки С. Ф. Стржелецкого):

1 — погребение 24; 2 — подбойная могила 55(2); 3—4 — подбойная могила 76А; 5 — подбойная могила 55; 6 — могила 296; 7 — плитовая могила 196; 8 — могила 217

крыты в разноэтничных могильниках Юго-Западного Крыма: Инкерманском (трехручная ваза из подбойной могилы 6; биконический кубок и большая биконическая миска из незафиксированных могил, разведанных в 1941 г.), Чернореченском (кувшин из подбойной могилы 9 (35); миска открытого типа из склепа 2 (7)), на территории совхоза «Севастопольский» (биконический узкогорлый кувшин из погребения 24; серолощенная миска открытого типа из подбойной могилы 41; биконические кувшины и ложенный кубок из подбойной могилы 55; биконический и округлобокий ложенные кубки из подбойной могилы 76; биконический кубок из плитовой могилы 196; биконическая миска из плитовой могилы 217; трехручная ваза из могилы 296; трехручная ваза, четыре больших реберчатых миски-вазы, два кувшина из ямы-кенотафа раскопок 1967 г.), Озерное III (трехручная ваза и кувшин из склепа 1), Ай-Тодорском (большие биконические миски из погребений 22, 28) и в Херсонесе [444, с. 80—85; 161, с. 17, 39, рис. 4, 5, 1—2; 116, с. 98, 116, табл. 4, 18, 5, 16, 12, 2, 4; 134, с. 270—271, рис. 14, 1—2; 313, с. 242, 244, рис. 5, 4, 13] (рис. 22—25).

Среди предметов вооружения представляют интерес железные куполообразные умбоны т. н. шеворского типа и рукоятки от щитов из Озерного III (склеп 2), Ай-Тодорского

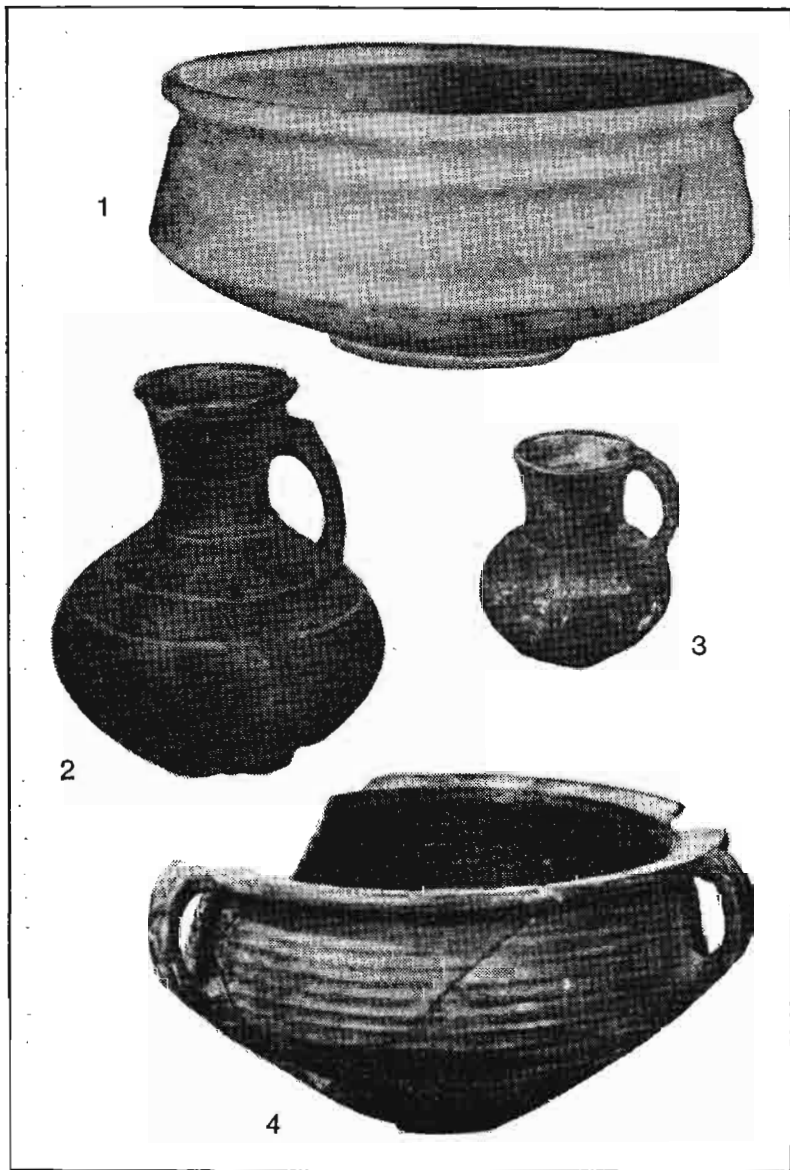

(погребение 11), Чатырдагского (каменный ящик 3) могильников и из Керчи (рис. 26, 1—4); боевые топоры из могильника у совхоза «Севастопольский» (урна 356), Мангуш (Крым. краевед. музей, А-4789, № 4414), Чатырдагского (каменный ящик 4) и Ай-Тодорского (погребения 1, 7, 18—19) могильников (рис. 26, 5—6); ритуально согнутый меч из Чатырдагского (каменный ящик 2) могильника (рис. 26, 7) [278, с. 158—159, 162; 338, с. 152, 153, рис. 5, 11, 6, 4; 134, с. 266, 269, 270, рис. 10, 4, 11, 1; 425, с. 22, рис. 1, 1—2, 4, 2, 3; 180, с. 104—105, рис. 8, 4].

Обломки черняховских костяных многочастных гребней с циркульным орнаментом обнаружены в Терновском и Скалистинском (подбойная могила 37) (рис. 27, 1) могильниках, в Херсонесе и Керчи [278, с. 152—153]. По мнению Г. Ф. Никитиной, положение в могилу гребня или его куска было для черняховцев ритуальным действием [344, с. 79—80]. Типичные для черняховской культуры пирамидальные костяные подвески с кружальным орнаментом открыты в склепе 421 Скалистинского могильника (рис. 27, 2) и катакомбе 177 (178) на Госпитальной улице в Керчи [278, с. 155]. Бронзовые и железные двучленные прогнутые подвязные фибулы разных вариантов найдены в могильнике на территории совхоза «Севастопольский» (подбойные могилы 8а, 55, 253, 269, 273), Чернореченском (подбойная могила 9 (35)), Инкерманском (грунтовая могила 2 (43), подбойные могилы 20 (23), 21 (30)), Ай-Тодорском (погребения 19, 33), Скалистинском (склеп 421), Пантикапее и могильнике Заморское [98, с. 62, 64, 66; 116, с. 99; 161, с. 27, 30, рис. 10, 1, 3; 134, с. 270, 272, рис. 10, 8; 259, с. 39—41, рис. 12, 15, 19] (рис. 27, 3—10, 28а, 4). Большой интерес представляют находки в урне 2 из каменного ящика 9 (могильник на территории совхоза «Севастопольский») двучленной подвязной фибулы, украшенной одинарным зерновым декоративным кольцом (рис. 27, 11), а в склепе 421 Скалистинского некрополя — двучленной подвязной фибулы с декоративной кнопкой на головке (рис. 27, 12, 28а, 3). По мнению А. К. Амброза, такие фибулы относительно редки в Юго-Восточной Европе и появляются здесь с переселенцами из Прибалтики (возможно, гепидами) [98, с. 67]. Двупластинчатые фибулы черняховской культуры (в разных вариантах) обнаружены в подбойной могиле 11 (29) Инкерманского могильника, погребении 22 (2 шт.) у с. Замор-

Рис. 24. Комплекс кружальной сероглиняной ложенной керамики из ямы-кенотафа на территории совхоза «Севастопольский» (раскопки Ю. А. Бабинова 1967 г.)

ское, в склепах 421 (2 шт.) и 485 (2 шт.) Скалистинского могильника, в Херсонесе и Пантикапее [98, с. 82—83; 161, с. 23, рис. 10, 2; 259, с. 41, рис. 12, 14, 16] (рис. 28; 1—3, 28а; 2—5). В Ай-Тодорском могильнике (погребение 28) и на

территории совхоза «Севастопольский» (каменный ящик 1, погребение 3) найдены железные ведеркообразные подвески в комплексе с трупосожжениями [134, с. 272; 277, с. 157] (рис. 28а, 7). В могилах 38, 426, 78, 115, 177 некрополя на территории совхоза «Севастопольский» обнаружены подвески в виде молоточков Тора (рис. 28, 4). Сравнение пряжек и некоторых других предметов убора из могильников Юго-Западного Крыма и черняховской культуры также указывает на их черняховское происхождение [278, с. 157—158; 86, с. 117, рис. 3, 12, 5, 10—12, 16—17, 7, 12—17, 22—24].

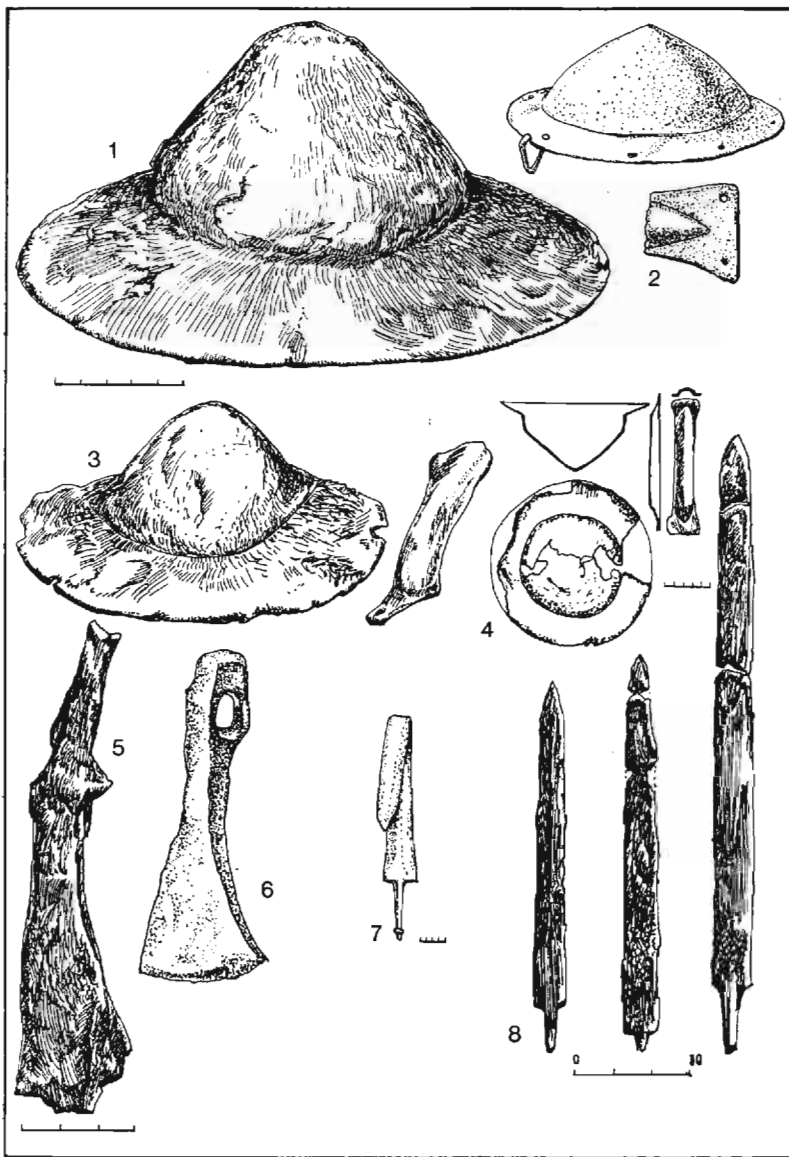
Товарное производство у черняховцев не было развито. Ремесло еще только начинало отделяться от земледелия. Ремесленники работали в основном на заказ [468, с. 66—73; 274, с. 146—160]. Поэтому распространение отдельных вещей черняховской культуры в Крыму может быть объяснено не межплеменными торговыми связями, а проникновением населения из ареала этой культуры. Скорее всего, это были вещи, принесенные с собой выходцами из разнотничного готского союза. Попадая в среду развитого товарного производства, варвары начинали пользоваться преимущественно античными вещами, что нашло отражение в инвентаре и большей части погребальных урн крымских могильников позднеримского времени (различное использование позднеантичных импортных вещей, в том числе и в составе погребального инвентаря, неоднократно отмечено также в памятниках черняховской культуры [411, с. 51—73; 144, с. 111—121; 275; 384, с. 84—101; 422, с. 77, 79, рис. 21; 322, с. 76—86, рис. 34—39; 263, с. 168—184]). Причем какая-то часть этих вещей, в том числе изделия провинциальных римских и малоазиатских мастерских, могла попасть к ним как военные трофеи, захваченные во время грабительских походов [439, с. 101].

Проникновение пришлого населения в Крым начиная с сер. III в. не было единовременным. Датировать те или иные этапы данного процесса позволяют погребальные комплексы сер. III—VII вв. [101, с. 118—119; 86, 104—122; 89, с. 164—199; 90, с. 12—14], а также монетные клады антонинианов быстрого накопления, оставленные, вероятно, варварами-грабителями из среды странствующих дружин. Один из таких кладов, в котором самые поздние — монеты Галлиена (253—268 гг.), найден на Керченском полуострове

Рис. 25. Серолощенная кружальная керамика из могильников Юго-Западного Крыма:

1 — Херсонес (фонды Р. Х. Лепера); 2—4 — Озерное III, склеп 1 (раскопки И. И. Лободы)

[272, с. 86], второй — в Юго-Западном Крыму, у с. Долинное Бахчисарайского р-на [352, с. 81—90]. Последние монеты клада у с. Долинное — антонинианы Деция Младшего (251 г.); кроме того, в него входила серебряная сильно профилированная фибула с тремя декоративными кнопками

(рис. 28а, б). Фибулы такого типа были распространены в III в. в римских провинциях на Дунае, у даков [478, с. 197]. Данный клад, вероятно, являлся добычей, захваченной во время войны 250—251 гг. на Дунае (именно с событиями 232—251 гг. исследователи связывают многочисленные клады на территории римских провинций, заканчивающиеся монетами сер. III в. [270, с. 18]), где против Рима выступали различные племена Прикарпатья и Северного Причерноморья: карпы, готы, сарматы и др. (по Дексиппу, все это были «скифы, называемые готами» [13, с. 27]). После гибели Дециев в 251 г. император Требониан Галл заключил со «скифами» мир, по условиям которого они беспрепятственно пропускались на родину со своей добычей и пленными. Рим обязывался ежегодно выплачивать им некоторую сумму денег [372, с. 40—72]. Вероятно, одному из варваро-грабителей и принадлежал упомянутый нами клад.

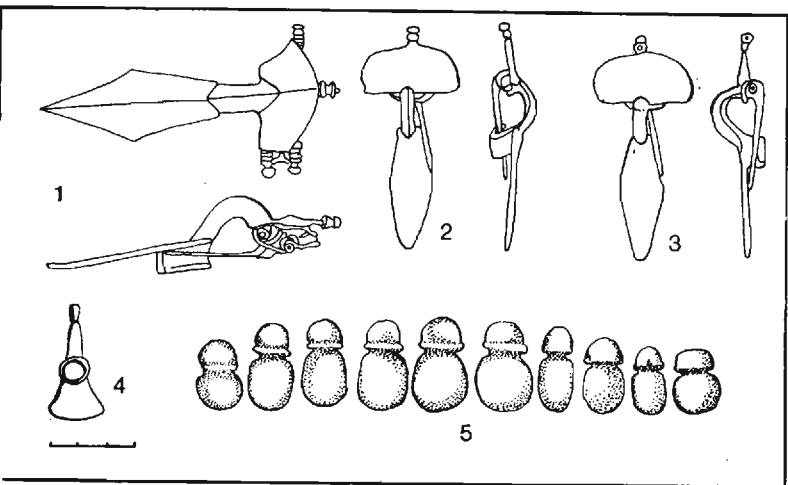
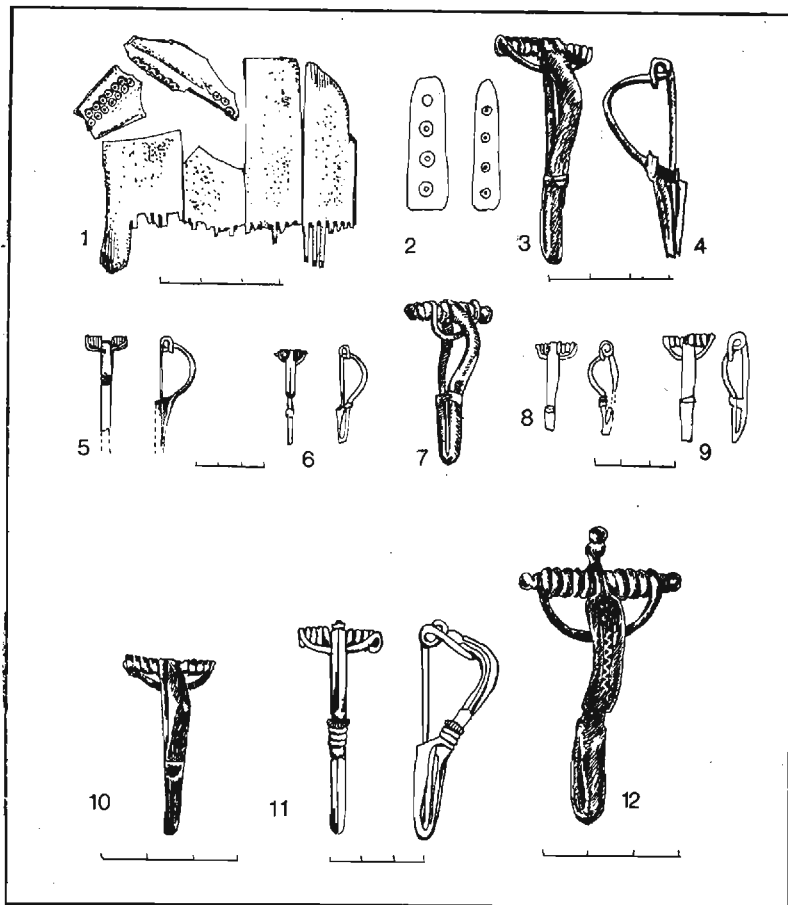
Еще один клад кратковременного накопления, но уже IV—V вв., найден на Ай-Тодоре. В его состав входят три медных подражания римским монетам «лучистого типа», ранее неизвестные на территории СССР. Присутствие этих монет позволяет предположить переселение в нач. V в. какой-то группы варваров из Центральной Европы в Крым [404, с. 133—144].

В инвентаре крымских могильников позднеимперского времени содержится значительное количество монет III—IV вв. [270, с. 64—66, №№ 583, 585—586, 620, 634—635; 272, с. 87, №№ 66, 68 (1790, 1792); 104, с. 130—135; 348, с. 113, 130—131; 338, с. 148, 155], которые так же, как и античные вещи, не являются этническим признаком погребального обряда, а могут свидетельствовать о том, что население, оставившее эти памятники, возвращалось и действовало на территории, где были развиты товарно-денежные отношения.

Большинство могильников сер. III — первой пол. V в. обнаружено в Юго-Западном Крыму, в округе Херсонеса (на территории совхоза «Севастопольский», Чернореченский, т. н. «могильник Бертъе-Делагарда», Инкерманский, Бельбек I). Сосредоточение разноэтничного варварского населения, поселившегося в этом районе во время и после грабительских походов, вероятно, не было случайным и может рассматриваться как стремление Херсонеса организо-

Рис. 26. Оружие из могильников позднеимперского времени Юго-Западного Крыма:

1, 8 — Озерное III, склеп 2, могила 3, склепы 3, 1 (раскопки И. И. Лободы); 2, 6 — Ай-Тодорский, погребение 11, 19 (раскопки В. Д. Блаватского); 3 — Керчь, погребение III в. (по Н. И. Сокольскому); 4, 7 — Чатырдаг, каменные ящики 3, 2 (по В. Л. Мыцу); 5 — Мангуш

вать свою защиту. Подобная же роль могла отводиться населению, обитавшему возле стен покинутого римлянами Харакса на Ай-Тодоре и на южном склоне горы Чатырдаг, где открыты некрополь с трупосожжениями и близлежащий сармато-аланский могильник у с. Лучистое, наиболее ранние могилы которого датируются IV—V вв. Недалеке от этих мест, у с. Верхняя Кутузовка, разведаны участки укрепленной крепидами дороги позднеримского времени, а в Алуштинской долине — синхронные могильникам поселения [338, с. 161]. Не исключено, что для контроля над военно-политической обстановкой в Таврике Херсонес и Рим уже при Диоклетиане (284—305 гг.) или по крайней мере при Константине I (306—337 гг.) стремились использовать разнотничные племена готского союза (германцев, сармато-аланов и др.) в качестве федератов, способствуя их расселению в стратегически важных районах — в Херсонесской округе, на Ай-Тодоре, в Алуштинской долине (это было в духе римской политики. Так, федераты Римской империи, вспомогательные войска и даже легионы в Паннонии в IV в. состояли из германцев и сармато-аланов [252, с. 126—127; 251, с. 68; 22, с. 94—95]). При Диоклетиане начинается последний этап отправки римских гарнизонов в Северное Причерноморье [474, с. 249]. В самом же Херсонесе в IV в. был учрежден отряд баллистариев, формировавшийся из местных жителей [429, с. 19, 28—30; 105, с. 92—93; 390, с. 13; 522, с. 18—19]. Возможно, именно такая политика позволила Херсонесу уцелеть в то бурное время и даже одерживать победы в войнах с Боспором [26, с. 34—38].

Название «готы», общее для разнотничных племен готского союза, продолжает употребляться и в отношении их потомков, в частности готов-федератов Прокопия Кесарийского. Попытка антропологов обнаружить готов по кранио-

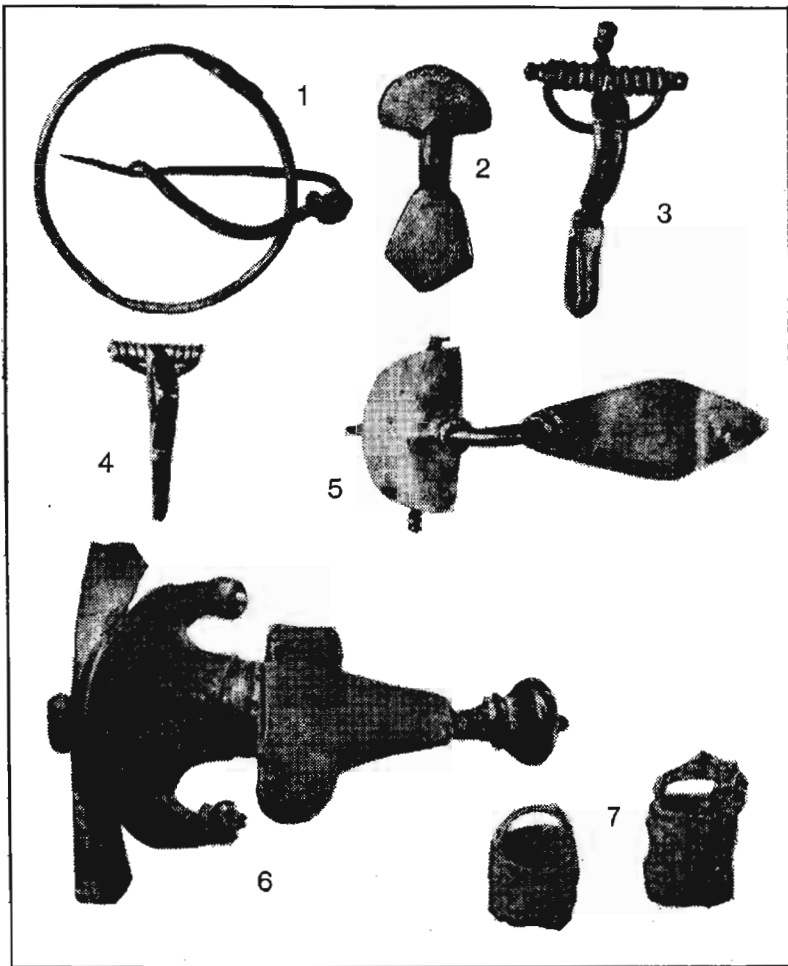
Рис. 27. Гребень, пирамидальная подвеска и двучленные прогнутые подвязные фибулы из могильников Крыма:

1—2, 10, 12 — Скалистинский, подбойная могила 37, склеп 421 (раскопки Е. В. Веймарна); 3—4, 11 — на территории совхоза «Севастопольский», могилы 8а, 253, каменный ящик 9 — урна 2 (раскопки С. Ф. Стржелецкого); 2, 10 — Скалистинский, склеп 421 (раскопки Е. В. Веймарна); 5—6 — Инкерманский, могилы 2(43), 21(30) (раскопки Е. В. Веймарна); 7 — Ай-Тодорский, погребение 33 (раскопки В. Д. Блаватского); 8—9 — Заморское, могилы 13а, 16 (раскопки В. Н. Корпусовой)

Рис. 28. Украшения III — первой пол. V в. из могильников Юго-Западного Крыма:

1 — Инкерманский, подбойная могила 11(29) (раскопки Е. В. Веймарна); 2—3 — Заморское, могила 22 (раскопки В. Н. Корпусовой); 4—5 — на территории совхоза «Севастопольский», могилы 177, 81 (раскопки С. Ф. Стржелецкого)

логическим сериям из биритуального Чернореченского и Инкерманского могильников вряд ли может быть признана удачной, так как черепа были взяты из сармато-аланских погребений с труположениями. Трупосожжения же, естественно, не поддаются в полной мере антропологическим исследованиям. Поэтому вывод Т. И. Алексеевой об отсутствии германского компонента в составе населения Юго-Западного Крыма сер. III — первой пол. V в. только на основании данных антропологии [94, с. 64—65; 95, с. 82—83] может пока что относиться лишь к тем краниологическим сериям, которые были изучены исследователями.

В краниологической серии из соседнего раннесредневекового могильника «Сахарная головка», в котором трупосожжения уже отсутствуют, отмечена относительно небольшая группа мезодолихокранных узколиких грациальных черепов средиземноморского типа [424, с. 129; 423, с. 74] (по наблюдениям Т. И. Алексеевой, население Крыма VI—VII вв. вообще обнаруживает беспорные черты сходства с населением Балканского полуострова [94, с. 65; 95, с. 83]). Возможно, присутствие этого типа в раннесредневековом этникогеографическом Крыму может быть объяснено вхождением фракийцев в готский союз племен, их участием в готских походах. Среди брахикранной серии из Эски-Керменского некрополя Г. Ф. Дебец выделяет всего несколько черепов, которые лишь предположительно можно диагностировать как североевропейские [211, с. 268]. Не исключено, что если под названием «готы» выступали разноэтнические группы, то антропология в решении готской проблемы, как считает Т. И. Алексеева, бессильна [95, с. 84], ведь германцам вряд ли присущ только долихокранный североевропейский тип.

Обряд трупосожжения в Юго-Западном Крыму под влиянием христианства с V в. полностью исчезает. В раннесредневековых могильниках безраздельно господствуют сармато-аланские погребальные традиции на основе обряда труположения, свидетельствующие также о смешении готов с аланами. Правда, в женских погребениях многих некрополей указанного времени в Юго-Западном Крыму (Сук-Су, Артек, Кореиз, Симеиз, Лучистое, Скалистинский, Чуфут-Кале, Баштановский, Ароматинский, Эски-Кермен, Терновка) и на Боспоре обнаружены большие орлиноголовые и ромбические пряжки кон. VI—VII вв., относящиеся к кругу раннесредневековых готско-гепидских древностей (рис. 29—31). Добавим, что распространенный в Крыму обычай хоронить женщин в полном наборе праздничных украшений (широкий пояс с большой пряжкой и пара больших двупластинчатых, пальчатых или зооморфных фибул на плечах), по наблюдениям А. К. Амброза, существовал только у готов [100, с. 10—23; 89, с. 194; 90, с. 14].

Таким образом, крымские готы, поселившиеся на полуострове во времена грабительских походов, продолжали су-

Рис. 28а. Украшения III — первой пол. V в. из могильников Юго-Западного Крыма:

1—5 — Скалистинский, подбойная могила 481, склеп 421 (раскопки Е. В. Веймарна); 6 — клад из с. Долинное; 7 — на территории совхоза «Севастопольский», каменный ящик 1 — урна 3 (раскопки С. Ф. Стржелецкого)

ществовать здесь вместе с сармато-аланами в период раннего средневековья и в последующие века, даже сохранив до XVI в. свой язык и распространив собирательное название «готы» на население и территорию Юго-Западного Крыма. В свете такого вывода становятся реальностью упомянутые в «Слове о полку Игореве» «готские красные девы... на берегу синего моря» [54, с. 64]. В результате же смешения готы с аланами, очевидно, и возник этноним «готаланы».

Вопрос о потомках раннесредневекового гото-аланского населения горного Крыма еще не выведен за пределы науч-

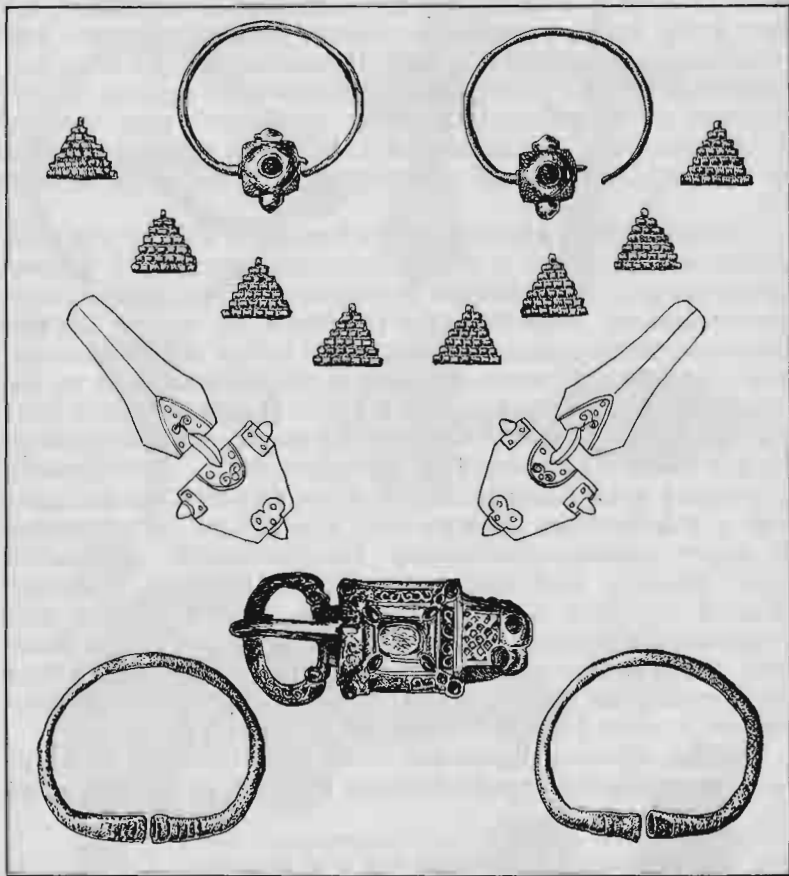

Рис. 29. Комплекс раннесредневековых женских украшений из склепа 46 могильника Суук-Су (по Н. И. Репникову)

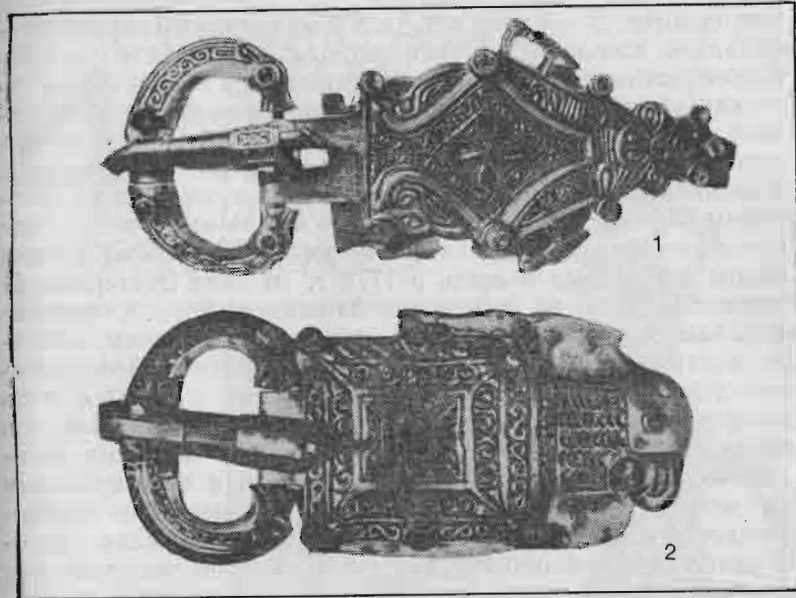

Рис. 30. Раннесредневековые серебряные пряжки из Скалистинского могильника (раскопки Е. В. Веймарна): 1 — склеп 288; 2 — склеп 420

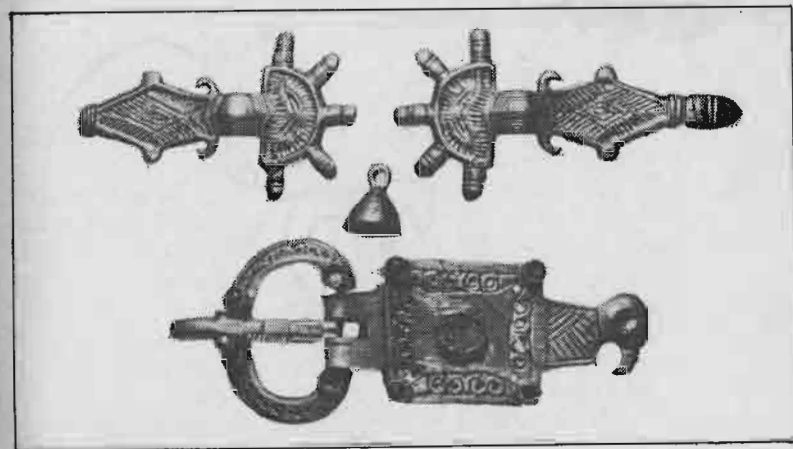
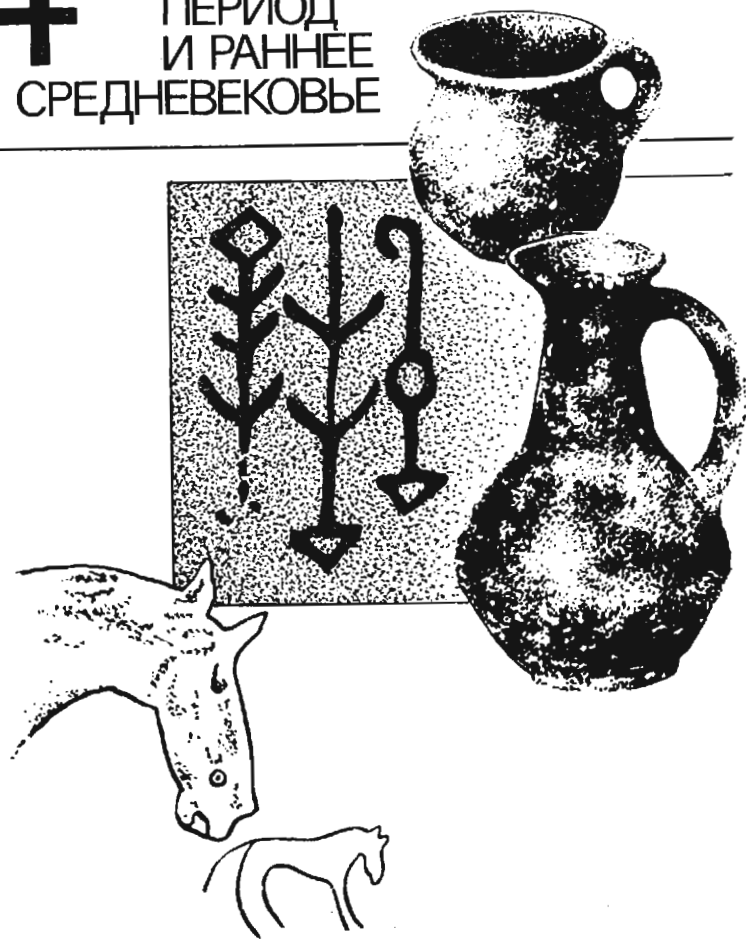

Рис. 31. Комплекс женских украшений из Баштановского могильника

ных гипотез. В средние века в Юго-Западной Таврике преобладало население с брахикранным широколицым антропологическим типом, распространившимся здесь после того, как во времена хазарского господства на полуостров пришли ранние болгары. Но вместе с тем, как о том можно судить по письменным источникам и данным лингвистики, в средневековом Крыму присутствовали и огреченные готаланы. Их потомков следует искать в первую очередь среди крымских греков-христиан, длительное время проживавших рядом с татарами и лишь в 1778 г. по воле Екатерины II переселившихся на побережье Азовского моря и основавших там город Мариуполь. Многие из них, впрочем, приняли ислам и остались на землях своих предков. Вынужденная перемена веры имела место в Крыму и раньше, ведь во время существования Крымского ханства осуществлялся закономерный процесс омусульманивания местного нетатарского населения, принявшего участие в формировании крымско-татарского народа. Многие современники дореволюционных и довоенных крымских татар отмечали разнообразие их антропологических типов. Так, по свидетельству профессора университета св. Владимира Юлиана Кулаковского, немало горных татар выделялось своим нордическим типом и физическим складом. По всей вероятности, речь шла о потомках готов. Такой вывод вполне согласуется с отмеченными Б. А. Куфтиным особенностями деревянного домостроительства в Крыму. Однако после депортации крымских татар в 1944 г. все эти наблюдения, к сожалению, не могут быть проверены и пока остаются в качестве интересных научных предположений.

4

САРМАТО-АЛАНЫ В КРЫМУ В ПОЗДНЕРИМСКИЙ ПЕРИОД И РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Сарматы со II—I вв. до н. э. и до кон. IV в. н. э. (до гуннского нашествия) играли значительную роль в истории Юга Восточной Европы. Вопрос о проникновении сарматов в Крым в последние века до н. э. и в первые века н. э. неоднократно привлекал внимание исследователей [310, с. 3—16; 183, с. 92—101, 184; 504, с. 140—141; 205, с. 40—51].

Интенсивность этого проникновения заметно усиливается в первые века н. э. Она отражена в эпиграфических памятниках Боспора [256, с. 613—614; 191, с. 346], знаках и рельефах сарматского круга [426; 503, с. 278—286], а также в погребальных памятниках. Сарматские захоронения первых веков н. э. обнаружены почти по всей территории Крымского полуострова: в некрополях Пантикапея и Херсонеса [488, с. 78, 80; 238, с. 75—77; 239, с. 68—73], могильниках Восточного и особенно Юго-Западного Крыма [180, с. 106, примеч. 60; 183, с. 69—85, рис. 20; 208, с. 32—64]. Некоторые данные о проникновении сарматов в среду позднескифского царства представляют антропологические исследования [253, с. 37, 39].

С сер. III в., после гибели позднескифского царства, начинается новая волна проникновения сармато-аланов в Крым. Правда, позднеримские и ранневизантийские источники, в которых использованы собирательные термины «готы» и «гунны», ничего не говорят об аланах в Крыму. Исключение составляет лишь сообщение Псевдо-Арриана о том, что «ныне Феодосия на аланском или таврском наречии называется Ардаба, т. е. Семибожный» [49, с. 283]. Слово «Ардаба» иранского происхождения и может быть связано с аланами [409, с. 118].

Отсутствие свидетельств раннесредневековых письменных источников о сармато-аланах в Крыму хорошо компенсируется данными археологии. Могильник III — первой пол. V в. обнаружен в с. Заморское в Восточном Крыму [258, с. 16—18; 259, с. 27—45]. В могильнике исследовано 22 погребения: 13 простых грунтовых могил (часто — под каменным закладом), три — с заплечиками, четыре подбойные могилы и два склепа. Кроме того, ряд погребений был частично или полностью уничтожен при строительных работах. Могильник у с. Заморское датируется по боспорским монетам III—IV вв. [259, с. 33, табл. 2], бронзовым двучленным подвижным и серебряным двупластинчатым фибулам, бронзовым серьгам с 14-гранником и т. п. [86, с. 104—122, рис. 1, 4—5, 10—11, 14, 5, 19] и относится ко времени после готского нашествия, после гибели малых городов и поселений Боспорского государства. Из памятников III — первой пол. V в. в Юго-Западном Крыму лучше всего исследованы мо-

гильники Инкерманской долины, расположенные вдоль нижнего течения р. Черная: большая часть погребений в могильниках на территории совхоза «Севастопольский» [439, с. 139—145], Чернореченском [116, с. 90—123] и Инкерманском [161, с. 15—42; 438, с. 286—301]. Невдалеке от Чернореченского, у Федюхиных высот, разведаны еще два могильника этого же времени. В устье р. Бельбек в 1903—1904 гг. проводились раскопки могильника Бельбек I [349, с. 31—34]. В верховьях р. Альма частично исследован могильник Озерное III [313, с. 236—252]. Южнее поселка Озерный, в том же Бахчисарайском р-не, еще в 1912 г. открыт могильник у с. Мангуш-Проходное [180, с. 103—104].

В могильнике, расположенном на территории совхоза «Севастопольский», кроме погребений, совершенных по обряду трупосожжения, открыто 295 подбойных могил, 35 — простых грунтовых, пять — грунтовых с заплечиками, 15 — с каменными обкладками (одна — под небольшой курганной насыпью) и 20 склепов-катакомб. Все погребальные конструкции (в том числе и погребения с трупосожжениями) одновременны друг другу и располагались смешанно по всей площади могильника. Время функционирования большей части погребений могильника (III—IV вв.) хорошо определяется по римским и херсонесским монетам, обнаруженным в захоронениях [104, с. 130—135; 272, с. 87]. Так, в подбойной могиле 8а найдены медные антонинианы Филиппа Араба (244—249 гг.), Требониана Галла (251—253 гг.), Салонины (253—268 гг.), Аврелиана (270—275 гг.); в подбое «г» этой же могилы обнаружены еще четыре монеты третьей четв. III в.; в подбойной могиле 11 — медный денарий Каракаллы (211—217 гг.); 22 — херсонесский дупондий сер. III в.; 39а — медная монета Диоклетиана (286—305 гг.); 41 — медная римская монета сер. IV в.; 55 — медная монета Галерия Максимиана (305—311 гг.); 74 — херсонесская монета кон. III в.; 75 — биллоновые антонинианы Гордиана III (238—244 гг.) и Филиппа Араба; 76 — две медные монеты Константина I (306—337 гг.); 78 — медные монеты Лициния (308—324 гг.) и Константина I; 145 — антониниан Деция Траяна (249—251 гг.) и херсонесская монета 230—250 гг.; 154 — медная монета Констанция Галла (351—354 гг.) с отверстием для подвешивания; 196 — медная монета Лициния, также с отверстием; в могиле 197 — римские монеты первой четв. IV в. — Елены, жены Констанция I (305—306 гг.) и Фаусты, жены Константина I.

Простые грунтовые могилы часто находились в одном ряду с подбойными. Грунтовые могилы 12, 16 и 150 пере-

крывали подбойные могилы 12, 16 и 148. Грунтовые могилы с заплечиками и каменными перекрытиями, как и плитовые могилы (т. н. каменные ящики) не выделены территориально. Более того, неоднократно наблюдалось их конструктивное сочетание с подбойными могилами. Так, в могилах с заплечиками 177 и 195, в плитовых могилах 38, 58, 81 и 156 от уровня каменных перекрытий сделаны подбон, аналогичные подбойным могилам. Комбинированное погребение 81 перекрывалось подбойной могилой 80, а комбинированное погребение 83 — грунтовой могилой 86. Плитовая могила 68 была перекрыта двумя подбойными могилами 65 и 66. В могиле с заплечиками 195 найдены медные римские монеты Максимиана (286—305 и 307—310 гг.) и Лициния. В плитовой могиле 20 обнаружен биллоновый антониниан Гордиана III, 34 — римская монета III в., 47 — серебряный антониниан Гордиана III, 56 — медная монета Константина I, 81 — медная монета Константина I или Констанция I.

Монеты II в. найдены только в трех подбойных могилах: 3а — два херсонесских тетрассария 140-х годов, 114 и 116 — серебряная драхма и серебряный денарий Траяна. Однако подбойная могила 3а входила в одну группу с могилой 8, в двух подбоях которой найдено восемь римских монет третьей четв. III в., а могилы 114 и 116 составляли компактную группу с могилами 113 и 115. Поверх этой группы были сооружены каменные ящики с трупосожжениями. Следует также отметить, что посредственная сохранность монет II в. (как херсонесских тетрассариев, так и римских монет нач. II в.), в отличие от хорошей сохранности большей части антонинианов III в., позволяет говорить о значительно более длительном обращении первых, тем более, что тетрассарии начала «второй элвтерии» Херсонеса могли быть в обращении как во II, так и в III в. В отношении же римских серебряных монет II в., чеканившихся из высокопробного серебра, можно отметить, что если они и не были в обращении наравне с низкопробными антонинианами III в., то, по крайней мере, могли сохраняться как полноценное серебро. Трупосожжения, как мы отмечали в главе 3, располагались в могильнике над погребениями с трупоположениями и иногда разрушались более поздними могилами. Так, разрушение погребений с трупосожжениями зафиксировано при исследовании подбойной могилы 100, грунтовой могилы 118, плитовых могил 20 и 58. Плитовая могила 56 располагалась в одном ряду с каменными ящиками XVIII и XX, в которых находились урны с трупосожжениями.

Таким образом, все перечисленные типы погребальных

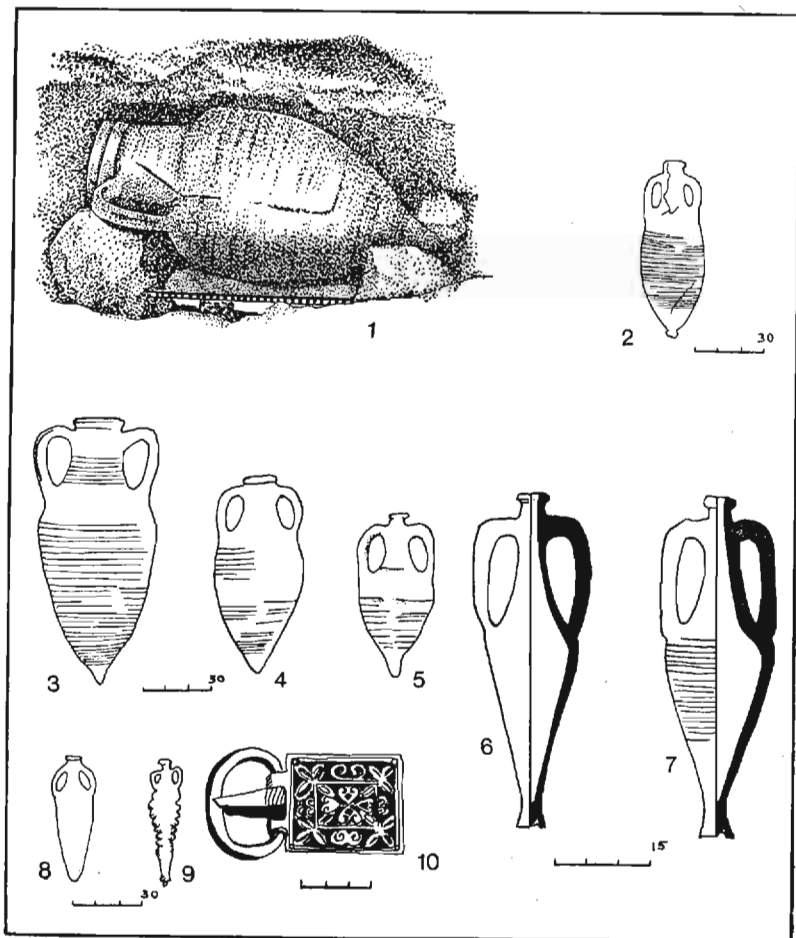
сооружений сосуществовали в одном могильнике, что свидетельствует о значительной смешанности населения. Большой интерес представляют наблюдения С. Ф. Стржелецкого о четко выраженном доминировании погребенных женского пола, захороненных по обряду трупоположения. Причем этот факт наблюдается именно в значительно большей по площади и лучше исследованной части могильника, на которой обряд трупоположения существовал параллельно с обрядом трупосожжения. Иную картину исследователи наблюдали в северной части могильника, раскопки которой, к большому сожалению, не были доведены до конца. Здесь доминировали склепы-катакомбы, ориентированные камерой в северном направлении, отличным от юго-восточной ориентации основной массы погребений могильника. Трупосожжения в этой части могильника не обнаружены, а в подбойных могилах зафиксировано приблизительно одинаковое количество женских и мужских погребений. В инвентаре последних иногда присутствовало оружие (меч, наконечники копий). Кстати, часть этих могил ориентированы на север (так же, как и склепы).

Склепы разграблены в древности, поэтому установить количественное соотношение между мужскими и женскими погребениями оказалось невозможным. Однако по аналогии с такими же семейными усыпальницами из синхронных могильников (Чернореченский, Инкерманский, Озерное III) здесь должны были быть как женские, так и мужские погребения.

Недалеко от могильника, расположенного на территории совхоза «Севастопольский», на противоположном, левом берегу р. Черная находится Чернореченский могильник. Они очень сходны между собой. Кроме трупосожжений, здесь обнаружено 38 подбойных могил, девять — простых грунтовых и семь склепов-катакомб. В подбойных могилах найдены римские монеты III в. [272, с. 66; 116, с. 93, 100, 103, 105, табл. VII, 1—3, 6—8]: антониниан Гордиана III — в могиле 3; два антониниана Гордиана III и денарий Каракаллы — в могиле 9; денарий Каракаллы 201 г. (плохой сохранности, что свидетельствует о его длительном обращении) и денарий Марка Аврелия 166 г. — в могиле 15; бронзовый денарий Юлии Мезы (ум. в 223 г.) — в могиле 20. Подбойные и простые грунтовые могилы располагались в могильнике вперемешку. Простые грунтовые могилы 8 и 9 даже были разрушены при сооружении подбойной могилы 36. В подбойных и в особенности в простых грунтовых могилах преобладали женские костяки. Над ними размещались трупосожжения. Правда, в нескольких подбойных могилах обнаружены так-

же и мужские захоронения с оружием (меч, наконечник копья, кинжалы).

В катакомбах, в отличие от подбойных и простых грунтовых могил, количество женских и мужских костяков было приблизительно одинаковым. Зафиксировано сосуществование подбойных и катакомбных погребений. Так, подбойная могила 5 сооружена поперек входной ямы в катакомбу 2, а подбойная могила 21, наоборот, перерезана входной ямой катакомбы 4. В могильнике Бельбек I, кроме трех трупосожжений, открыто 17 одновременных могил и два погребения в сидячем положении в простых грунтовых могилах, заваленных камнями. В плитовых могилах 13 и 19 найдены

три римские монеты III в.: две — Гордиана III (с остатками кошелька) и одна — Деция Траяна. Все монеты прекрасной сохранности, почти не были в обращении. В трех плитовых могилах были найдены остатки широких больших мечей и умбонот от щитов, в одной могиле — кинжал, в двух других — удила. Эти находки могут свидетельствовать об относительно большом проценте мужских погребений с оружием, совершенных по обряду трупоположения.

В Инкерманском могильнике исследовано 26 подбойных, 10 — простых грунтовых, семь — грунтовых (с заплечиками, перекрывавшимися плитами) могил и семь склепов-катакомб. По сравнению с другими могильниками III—V вв. находок монет относительно мало. Все они — IV в. В подбойной могиле 6 найдены две медные монеты Константина I, в подбойной могиле 7 — медная монета Лициния, в катакомбе 5 — медная монета Феодосия I (379—395 гг.). Захоронения с различными типами погребальных сооружений располагались в могильнике в таком хаотическом беспорядке, что невозможно определить их какую-либо территориальную дифференциацию. Вместе с тем отсутствие случаев разрушения одной могилы другой может свидетельствовать об их относительной одновременности.

Сармато-аланский облик всех зафиксированных погребений Инкерманского могильника, подавляющее большинство захоронений, совершенных по обряду трупоположения, по нашему мнению, согласуется со значительным количеством обнаруженных в нем захоронений мужчин-воинов. В подбойных могилах найдены два меча и четыре кинжала (а в могиле 21 — поясной набор), в могилах с заплечиками — два меча и два кинжала, в катакомбах — четыре меча и два кинжала. Еще один меч и два кинжала происходят из незафиксированных разрушенных погребений, исследованных в 1941 г. В простых грунтовых могилах оружие не встречено. Скорее всего, в них преобладали женские захоронения.

На могильнике Озерное III, расположенном в верховьях р. Альма, проводились относительно небольшие исследования. Здесь открыты три склепа-катакомбы, одна подбойная и две простые могилы. Трупосожжения отсутствуют. В ка-

Рис. 32. Амфоры III—VI вв. из погребений с трупоположениями в могильниках Юго-Западного Крыма:

1—3 — на территории совхоза «Севастопольский», детское погребение в подбойной могиле 15, подбойные могилы 86, 97 (раскопки С. Ф. Стржелецкого); 4, 8—10 — Чернореченский, склепы 4, 3, 6 (раскопки В. П. Бабенчикова); 5 — Бельбек I; 6—7 — Инкерманский, склеп 6, подбойная могила 7 (раскопки Е. В. Веймарна)

такomboх найдены римские монеты III—IV вв.: серебряный антониниан Гордиана III, Отацилии (жены Филиппа Араба), Деция Траяна — при погребении 1 в катакомбе 1; четыре бронзовые монеты Константина I — при погребении 2 в катакомбе 1; бронзовая монета Лициния — при погребении 1 в катакомбе 2. Из 11 погребений пять были с оружием. В трех катакомбах обнаружены четыре меча, два кинжала, умбон и ручка от щита, в подбойной могиле — меч.

Таким образом, могильники Озерное III и Инкерманский отличаются от могильника на территории совхоза «Севастопольский» и Чернореченского наличием большого количества сармато-аланских погребений мужчин-воинов.

Два обломка мечей, два небольших боевых топорика (кстати, вместе с лепными сосудами сарматских форм) найдены также в могильнике у с. Мангуш. Никаких данных о погребальных конструкциях этого некрополя, к сожалению, не сохранилось, но наличие в нем погребений с оружием позволяет предположительно включить его в ту же группу памятников, что и могильники Инкерманский и Озерное III.

Сочетание трупосожжений и мужских захоронений с оружием, совершенных по обряду трупоположения, отмечено в могильнике Бельбек I.

Для датировки перечисленных могильников, кроме упомянутых монет, исследователи привлекают разнообразный археологический материал: амфоры римского времени, краснолаковую керамику, стеклянные сосуды и т. п. Амфоры в погребениях с трупоположениями встречаются относительно редко. В могильнике на территории совхоза «Севастопольский» амфоры иногда использовались для детских погребений в подбойных и грунтовых могилах (рис. 32, 1)*. Они относятся к той же группе широкогорлых красноглиняных амфор с реберчатым яйцевидным туловом и желобчатыми ручками, что и амфоры, использовавшиеся в качестве урн. По воспринятой советскими археологами датировке Г. Робинзона [261, с. 29—30, рис. 6; 86, с. 144], реберчатые амфоры из могильника на территории совхоза «Севастопольский» вполне укладываются в рамки III — первой пол. V в. Правда, тулова амфор из подбойных могил 15, 87 и 97 суживаются книзу, а тулова амфор из подбойных могил 96 и 127 — вытянутой формы, но рифление у тех и других сплошное, а шейки довольно широкие (рис. 32, 2—3). Поэтому и эти амфоры можно смело датировать временем не ранее III в. Кстати, в двух из пяти упомянутых ам-

фор (подбойные могилы 87 и 96) отмечено сочетание обряда трупоположения и трупосожжения: на дне этих амфор зафиксированы остатки кальцинированных косточек, а по верху них — костяки детей. Одна амфора этого же типа, с суживающимся книзу туловом, но без ножки, найдена в склепе 4 Чернореченского могильника (рис. 32, 4).

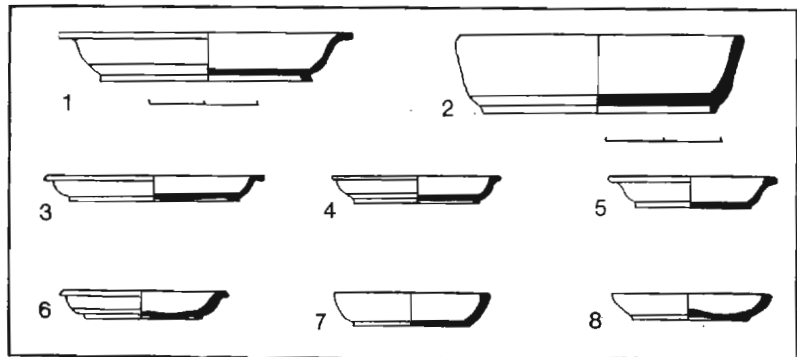
В одной из плитовых могил могильника Бельбек I найдена небольшая светлоглиняная амфора с узким коническим горлом, расширяющимся в нижней части, заостренным венчиком, профилированными ручками, относительно широким, выпуклым и покрытым рифлением туловом, которое суживается книзу и завершается маленьким поддоном (рис. 32, 5). Этот тип амфор распространен в комплексах и слоях III в. Танаиса, Козырки, Ольвии и других мест [493, с. 18—19, рис. 7; 215, с. 100—115, рис. 1, 2]. Иногда такие амфоры встречаются и в памятниках черняховской культуры [509, с. 80—82, рис. 1 б]. Их часто называют амфорами танаисского типа.

В подбойных могилах и склепах Инкерманского могильника найдены пять целых и пять фрагментированных вытянутых светлоглиняных амфор с узким длинным горлом, ребристыми овальными в сечении ручками, узким коническим туловом, заканчивающимся небольшой ножкой-поддоном, который расширяется книзу (рис. 32, 6—7). Амфоры т. н. инкерманского типа обнаружены также в подбойной могиле и двух склепах могильника Озерное III [313, с. 237—238, 242, 246, рис. 1, 7, 5, 6, 6, 3]. Такие амфоры часто встречаются в закрытых комплексах и слоях III—IV вв. городов Северного Причерноморья [233, с. 122, табл. 105], а также на всей территории распространения черняховской культуры [510, с. 41—52; 261, с. 31].

В склепе 3 (40) Чернореченского могильника найдена амфора с узкой шейкой и коническим туловом (рис. 32, 8). В склепе 6 (64) того же могильника обнаружена небольшая узкогорлая амфора т. н. веретенообразной формы со стержнеобразной нижней частью (рис. 32, 9). Горло ее короткое, ручки сильно изогнуты и прикреплены к горлу [116, с. 118—119, табл. 4, 1]. Такая же амфора в числе прочих амфор V—VI вв. обнаружена в своде византийского храма в с. Дранда в Абхазии, который, по мнению исследователей, датируется VI в. [487, с. 194, 198—200, 205, рис. 2, 2]. В склепе 6 (64) Чернореченского могильника найдена также серебряная пряжка с четырехугольным щитком, украшенным растительным орнаментом (рис. 32, 10). Подобная по форме и орнаментации щитка пряжка обнаружена в раннесредневековом могильнике Суук-Су [373, с. 51, 64, табл. 9, 1].

* Этот факт несомненно свидетельствует об эллинизации сарматов, издавна обитавших вблизи греческих городов Северного Причерноморья.

Таким образом, перечисленные амфоры (за исключением амфоры из склепа 6 (64) Чернореченского могильника) относятся в основном к III — первой пол. IV в. Указанной дате не противоречат и типы краснолаковой керамики, распространенной в погребениях этих могильников: низкие миски с вертикальными бортиками на низком кольцевом поддоне; реберчатые миски с ровными, расходящимися кверху стенками и загнутыми внутрь небольшими венчиками, на низком кольцевом поддоне; глубокие плоскодонные чашки с вертикальным, слегка вогнутым бортиком и косыми, относительно высокими стенками; чашки с округлыми стенками и загибающимся внутрь краем; чашки и мисочки с округлыми стенками и отогнутыми в горизонтальном направлении венчиками, на маленьких кольцевидных подставках; блюда и тарелки с округло очерченными стенками и горизонтально отогнутым краем; блюда с ровными или слегка округлыми, расходящимися кверху стенками без выраженного венчика или с небольшим отогнутым наружу венчиком, на подставке в виде низкого и узкого ободка; одно- и двуручные горшки с округлыми стенками, на кольцевидных подставках; одноручные, реже — двуручные кувшины с шаровидным туловом и т. п. Эти типы краснолаковой керамики существуют вплоть до III—IV вв. [248, 314—326], причем простота и огрубление форм, ухудшение качества покрытия основной массы такой керамики позволяют предполагать, что она изготовлена не ранее указанного времени. Наблюдается сильная изношенность лака на части сосудов, а это свидетельствует об их длительном использовании. Следует также отметить, что некоторые типы упомянутой керамики (например, блюда и тарелки с невысокими округлыми стенками и широким горизонтальным краем, на очень низкой кольцеобразной подставке) появляются

не ранее кон. III—IV вв., встречаются в Херсонесе в слоях IV—VI вв. [124, с. 31—38, рис. 1, 2, 4] и в Танаисе в слоях кон. IV — нач. V в. [109, с. 43—47]. Два блюда такого типа обнаружены в подбойных могилах 8а, 55, 77, 166 и 168 могильника на территории совхоза «Севастопольский», склепах 1 и 3 могильника Озерное III, склепе 6 и других погребениях Инкерманского могильника (рис. 33).

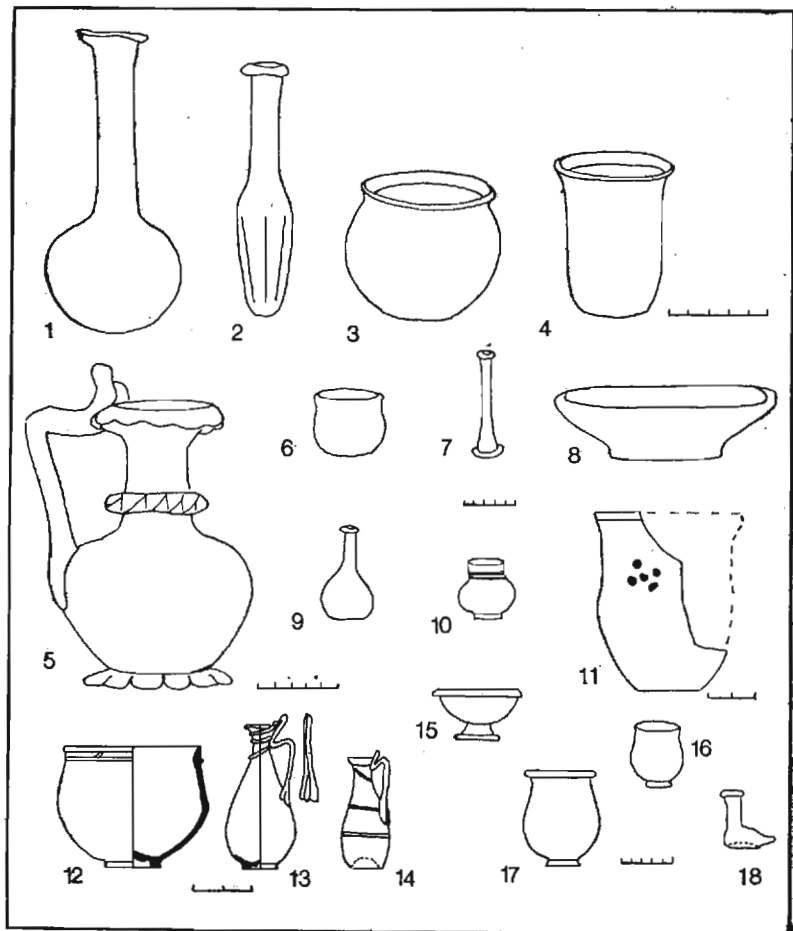
Стеклянных сосудов в могилах найдено гораздо меньше, чем кружалной керамики. Чаше других встречались стаканы яйцевидной формы, на небольшом поддоне или плоскодонные, реже — кувшинчики (как правило, украшенные накладными стеклянными нитями), изредка — колбообразные сосуды, миски или блюда, глубокие фиалы, сосуды банковидной формы и т. п. Обнаружены также сосуды парфюмерного назначения: бальзамарии с уплощенным туловом и высоким горлом, один бальзамарий веретенообразной формы (могильник на территории совхоза «Севастопольский»), капелюшник (Инкерманский могильник). Стеклянные сосуды почти всех упомянутых форм безусловно существовали в III—IV вв. [434, с. 183—189, рис. 2, 4, 7—8, 11; 435, с. 199—209; 436, с. 271—274, рис. 3], а некоторые доживают по крайней мере до времени грабительских походов племен готского союза и разрушения античных городов и поселений [432, с. 202—239; 290, с. 159, 161, 164, рис. 1, тип 1, гр. 2, вар. Д. Е.], т. е. они вполне могли попасть к варварам в качестве трофеев (рис. 34). Некоторые типы стеклянных сосудов, относимые исследователями к более раннему, чем III—IV вв., времени, сопровождаются в могилах другими датированными вещами. Например, в подбойной могиле 8а из могильника на территории совхоза «Севастопольский» найдены флакон с шаровидным туловом, бальзамарий веретенообразной формы (рис. 34, 1—2) и римские монеты сер. третьей четв. III в. (от Филиппа Араба до Аврелиана). Серебряный перстень со вставкой-литиком (с врезным изображением Юпитера), форма которого считается относительно ранней (приблизительно II в.), найден в том же могильнике вместе с двучленной прогнутой подвязной фибулой с пластинчатым корпусом, датированной обычно IV в. [508, с. 96—97, рис. 1, 5].

Функционирование большинства перечисленных могильников не прекращается в IV в. Об этом могут свидетель-

Рис. 33. Типы краснолаковых блюд из могильников III — первой пол. V в.:

1—2 — Озерное III, склепы 3, 1 (по И. И. Лободу); 3—8 — Инкерманский, склеп 6 (по Е. В. Веймарну)

ствовать находки в погребениях монет второй пол. IV в., среди которых встречаются экземпляры плохой сохранности, а иногда даже монеты, переделанные в подвески (монета Констанция Галла из подбойной могилы 154 некрополя на территории совхоза «Севастопольский» и две серебряные монеты Валента (364—378 гг.) с отверстием в центре из склепа 5(53) Чернореченского могильника; монета Феодосия I (379—395 гг.) времени послегуннского нашествия в склепе 5(31) Инкерманского могильника), а также находки серебряных двупластинчатых фибул из подбойной могилы 11(29) Инкерманского могильника и из могилы 22 в с. Заморское и другие вещи черняховского типа. Датировку памятников этой культуры в Причерноморье исследова-

тели расширяют до сер. V в. и связывают с сообщением Иордана о том, что часть остроготов (т. е. союза племен, возглавлявшегося остроготами) остался на местах прежнего обитания под властью гуннов [513, с. 17—22] (по словам Иордана, «готским племенем всегда управлял его собственный царек, хотя и соответственно решению гуннов» [22, с. 115]). Правда, следует отметить, что погребений V в. в могильниках Крыма значительно меньше, чем захоронений III—IV и VI—IX вв. По мнению А. К. Амброза, заметное обезлюдение Северного Причерноморья в первые десятилетия V в. может быть связано с уводом части населения на запад в составе гуннского войска, когда центр гуннской державы переместился в Среднее Подунавье [101, с. 104]. Вместе с тем выделенные А. И. Айбабиным погребальные комплексы второй пол. IV—первой пол. V в. в крымских могильниках позднеримского периода [86, 104—122; 89, с. 168—170, 173] и комплексы второй пол. V—первой пол. VI в. в раннесредневековых могильниках [83, с. 22—34] могут служить одним из доказательств точки зрения о продолжении обитания в раннесредневековом Крыму (по крайней мере, в юго-западной части полуострова) потомков населения, переселившегося сюда в III—IV вв.

После поражения гуннов в битве близ р. Недао в 454 г. часть гуннских племен возвращается в Северное Причерноморье, а находившиеся здесь остготы переселяются в Паннонию [22, с. 119]. Частично же уцелевшие к тому времени крымские «готы», судя по всему, остались на местах прежнего обитания. Отголоском этих событий служит сообщение Прокопия Кесарийского о том, что в «стране по имени Дори... с древних времен живут готы, которые не последовали за Теодорихом, направлявшимся в Италию» [47, с. 249]. Теодорих был сыном Тиудимера — одного из королей остготов, переселившихся в Паннонию с побережья Понтийского моря.

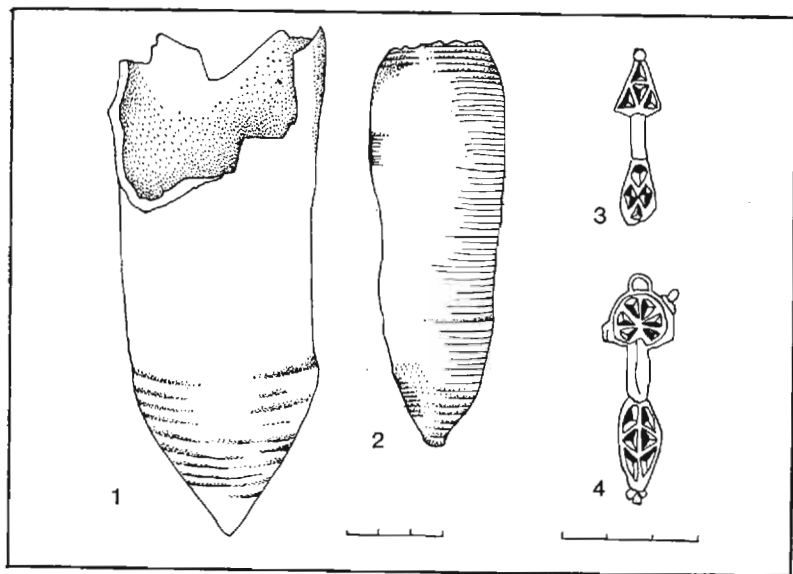
Раннесредневековые могильники Юго-Западного Крыма, в которых открыты ранние (не позднее V в.) погребальные комплексы, располагаются в непосредственной близости от могильников предшествующего позднеимперского времени. Так, могильник у высоты «Сахарная головка» находился на

Рис. 34. Типы стеклянных сосудов из могильников III—первой пол. V в.:

1—4 — на территории совхоза «Севастопольский», подбойная могила 8а (раскопки С. Ф. Стржеleckого); 5—10 — Чернореченский, склеп 2, подбойные могилы 6, 15, 34, 36 (по В. П. Бабенячкову); 11 — Бельбек I (по И. И. Гуциной); 12—18 — Инкерманский, склепы 2—3, подбойные могилы 6, 19 (по Е. В. Веймару)

расстоянии до 0,5 км от некрополя на территории совхоза «Севастопольский». Здесь же, в низовьях р. Черная, как отмечалось выше, расположены Инкерманский и Чернореченский могильники. Причем в склепе 6(64) Чернореченского могильника обнаружена раннесредневековая амфора и серебряная пряжка с прямоугольным щитком, украшенным растительным орнаментом. Склеп 6(64) вместе с оградленным склепом 7(75) находились несколько в стороне от могильника, который, к сожалению, остался недоисследованным.

В могильнике у высоты «Сахарная головка» при отсутствии трупосожжений наблюдается характерная для более ранних памятников Инкерманской долины черта — значительное преобладание подбойных могил. Их здесь 54 (59,3 % общего количества), что отличает этот памятник от прочих раннесредневековых могильников Юго-Западного Крыма. Кроме подбойных могил, в могильнике открыто 27 склепов-катакомб и 10 простых грунтовых могил [161, с. 42—63; 142, с. 169—190]. В подбойной могиле 9 вместе с захоронением женщины найдено детское погребение в красноглиняной амфоре V—VI вв. с отбитым верхом (рис. 35, 1) [142, с. 181, рис. 6]. Амфора имела удлиненное коническое бороздчатое тулово с небольшим перехватом ниже середины. Такого же типа амфора с отбитой верхней частью, лежащая горизонтально и обложенная небольшо-

ми мергелевыми плитами, была обнаружена над входом в камеру склепа 18 [161, с. 62, рис. 17]. Останки погребенного в амфоре не сохранились, но ее расположение по оси северо-восток — юго-запад соответствует ориентации почти всех погребенных в могильнике у высоты «Сахарная головка». Кроме того, обращает на себя внимание каменная обкладка амфоры, столь характерная для урновых и части детских амфорных погребений в соседних могильниках — на территории совхоза «Севастопольский» и Чернореченском.

Таким образом, наличие погребений в амфорах, так же как и преобладание подбойных могил, сближает могильник у высоты «Сахарная головка» с близлежащими могильниками предшествующего времени. Возможно, дальнейшие исследования этого некрополя позволят выявить его более четкие генетические и хронологические связи с памятниками предшествующего времени. В настоящее же время нижняя хронологическая граница существования могильника у высоты «Сахарная головка», кроме описанных амфор V—VI вв., устанавливается по комплексу вещей из юго-восточного подбоя могилы 1(12), в котором обнаружена литая бронзовая фибула с ромбической ножкой и полукруглой головкой, декорированная трехгранно-выемчатой, т. н. кербшнитной резьбой (рис. 35, 4) [142, с. 182, табл. 6, 4]. Она датируется второй пол. V в. [83, с. 23, 31, рис. 1, 5]. Остальные вещи погребального инвентаря — сохранившаяся от второй фибулы железная дужка и большая, овальной формы железная пряжка — не противоречат указанной дате. В подбойной могиле 3(13) этого же некрополя найдена маленькая серебряная пряжка с овальным кольцом, загнутым вниз язычком и круглым с внешней стороны щитком из перегнутой вокруг кольца тонкой пластинки [142, с. 174, табл. 4, 6]. Пряжки такого типа появляются в Крыму во второй пол. V в., но в могильнике у высоты «Сахарная головка» они обнаружены в комплексе с пряжкой и наконечником ремня VI—VII вв. [83, с. 32]. VI—VII вв. датируется основная масса раскопанных погребений данного могильника. Е. В. Веймарн связывает его с расположенным в 500 м раннесредневековым поселением у Загайтанской ска-

Рис. 35. Находки второй пол. V — первой пол. VI в. из раннесредневековых могильников Юго-Западного Крыма:

1—2 — у высоты «Сахарная головка», подбойная могила 9, склеп 18 (по В. В. Борисовой и Е. В. Веймарну); 3 — Скалистинский, склеп 190 (по А. И. Айбабину); 4 — у высоты «Сахарная головка», подбойная могила 1(12) (по А. И. Айбабину)

лы. Самые ранние находки — обломки краснолаковых мисок и фрагменты остродонных рифленых амфор — позволяют сделать предположение о возникновении этого поселения не позднее чем в V в. [161, с. 65—67, 74].

Кроме частично исследованного могильника у высоты «Сахарная головка», в Инкерманской долине в разное время разведан целый ряд раннесредневековых памятников [246, с. 12—13]. Два катакомбных некрополя сер. I тыс. обнаружены на западном и юго-западном склонах Телеграфных высот, недалеко от р. Черная. Вблизи Чернореченского могильника, у с. Чернореченское, открыт т. н. Чергуньский раннесредневековый катакомбный могильник, вблизи от Инкерманского могильника, на скале Монастырской — небольшая крепость, первый строительный период которой Е. В. Веймарн датирует VI в. [159, с. 55—62], а А. Л. Якобсон связывает со временем правления императора Юстиниана I [525, с. 21]. Здесь же, на склоне Цыганской балки, разведан раннесредневековый катакомбный могильник.

Таким образом, плотность населения Инкерманской долины в период раннего средневековья, по всей видимости, оставалась приблизительно такой же, как и в предшествующее время. Численность его, судя по могильнику у высоты «Сахарная головка», значительно увеличивается в VI—VII вв. Этим же временем датируется и могильник Узень-Баш, расположенный в верховьях р. Черная у с. Родниковое. В разное время здесь было раскопано 10 склепов и простая грунтовая могила [375, с. 113—119; Веймарн Е. В., личный архив].

Среди раннесредневековых памятников Юго-Западного Крыма лучше всего исследован Скалистинский могильник IV—IX вв. (раскопки Е. В. Веймарна), который расположен у с. Скалистое, на правом берегу р. Бодрак. В нем открыты 801 склеп-катакомба, 32 подбойные и четыре грунтовые могилы, перекрытые каменными плитами, а также две могилы, обложенные крупными необработанными камнями [257, с. 72—79]. В данном некрополе зафиксированы погребальные комплексы коп. IV — первой пол. V в. [86, с. 104—122]. А. И. Айбабин и Е. В. Веймарн относят к этому времени девять склепов (14—15, 101, 421, 483—485, 491, 494) и 10 подбойных могил (423—424, 431, 448, 480—481, 489, 750, 752), а 11 склепов (4—5, 190—191, 350, 430, 457—458, 464—465, 495) и 14 подбойных могил (415, 426, 428, 438, 440—442, 445, 463, 466, 487—488, 490, 754) — к нач. VI в.

Кон. IV — первой пол. V в. датируются комплексы, в

которые входят краснолаковая керамика (обломки блюда (склеп 101), мисочка с косыми стенками, прямым бортиком и слегка загибающимся внутрь венчиком (склеп 421), две миски на кольцевых поддонах с округлыми, загнутыми внутрь стенками (склеп 434)); лепная керамика (мисочки в виде усеченного конуса с расходящимися кверху стенками * (склепы 101, 421, 434), мисочки со слегка округлыми стенками (склепы 101, 421, 485), темноглиняные кувшинчики и горшки с шаровидным туловом и маленькими ручками, нередко с лощеной поверхностью ** (склепы 101, 421, 434, 485), два лепных темноглиняных кувшина с лощеной поверхностью, биконическим высоким узким горлом, отогнутым наружу венчиком, большими ручками *** (склеп 421)); обломки тонкостенных стеклянных сосудов, среди которых выделяется фрагмент верхней части кубка (стакана) со шлифованными углублениями-кружками **** (склеп 434); железные ножи (склепы 101, 485, подбойная могила 481); обломки длинного меча (склеп 434) ***** , большой железный наконечник стрелы с ромбическим пером ***** (склеп 434); круглые бронзовые зеркала с петлей в центре на обратной стороне, орнаментированные концентрическими окружностями и радиальными линиями-лучами ***** (склеп 101, подбойная могила 481); бронзовые и серебряные кругло- и овально-рамчатые пряжки (в основном с утолщением рамки в передней части) и хоботкообразным язычком —

* Миски такой формы очень широко распространены в памятниках Юго-Западного Крыма позднеантичного времени, в том числе и в могильниках III — первой пол. V в. [116, с. 94, табл. 5, 10—11, 14, 10, 3].

** Такие же сосуды обычные и в близлежащем могильнике Озерное III [313, с. 237—250, рис. 1, 1—2, 9, 3, 2, 5, 7—9, 14—16, 6, 1, 8, 10], и в других некрополях III—IV вв. Юго-Западного Крыма [116, с. 94, рис. 5, 4, 6; 161, с. 22, рис. 14, 6—9].

*** Аналогичные кувшины обнаружены в могильнике III—IV вв. у с. Мангуш [180, с. 104, рис. 8, 3].

**** Кубки подобного типа встречаются в памятниках позднеантичного времени на территории СССР (черняховская культура), Польши, Восточной Пруссии, Скандинавии, Венгрии и датируются IV — нач. V в. [434, с. 184, рис. 2, 10; 430, с. 104, рис. 40, 2; 431, с. 232—234, рис. 16, 5]. Стакан с такими углублениями найден в Ай-Тодорском могильнике (могила 29).

***** Железные ножи, короткие и длинные сарматские мечи особенно часто встречаются в могильниках Инкерманском и Озерное III [161, с. 18—19, рис. 6, 8, 4—15; 313, с. 236—151, рис. 1, 4, 10, 3, и, к, 4, 23—26, 6, 12—14, 7, 10, 12, 8].

***** Наконечники стрел такого типа относятся к позднесарматскому времени и датируются IV—V вв. [485, с. 40, табл. 22, 10—11].

***** В IV—V вв. подобные зеркала были широко распространены в основном в сармато-аланской среде. Правда, на Северном Кавказе и в Крыму они встречаются также в погребальных комплексах более позднего времени [485, с. 84—91].

бесщитковые (склепы 434, 485, подбойная могила 481), с округлым (склеп 434) и прямоугольным (склеп 101, подбойная могила 431) щитками*; фибулы черняховских типов (парные двупластинчатые фибулы из склепов 421 и 485 [98, с. 82—83], две двучленные прогнутые подвзвзные фибулы с широкой спинкой из склепа 421 [98, с. 64, 67]); односоставная, т. н. «смычковая», проволочная фибула, соединенная с проволочным же браслетом** (подбойная могила 481) (рис. 28 а, 1, 46, 1); бронзовые браслеты из круглой в сечении проволоки с кольцом и крючком на концах (склепы 421, 485) и с утолщающимися (склеп 421) и заходящими один за другой концами (подбойная могила 481); черняховская пирамидальная костяная подвеска, орнаментированная концентрическими кружками (склеп 421); янтарные, сердоликовые, коралловые, халцедоновые, из горного хрусталя и стеклянные бусы (склепы 101, 421, 434, 485, подбойная могила 481), среди которых привлекают внимание относительно большие округлые янтарные и халцедоновые, а также 14-гранные из бурого сердолика*** бусины.

Датирующими вещами данных комплексов в первую очередь являются краснолаковая керамика, фрагмент стеклянного кубка с круглыми шлифованными углублениями, фибулы черняховских типов, односоставная «смычковая» фибула, соединенная с браслетом, пирамидальная костяная подвеска с вырезанными на ней концентрическими кружками. Остальные находки не противоречат указанной дате. Например, лепная керамика таких же форм продолжает бытовать в погребениях Скалистинского могильника в VI—VII вв. (подбойные могилы 428, 490, 754; склепы 62, 107, 116, 138а, 153, 190, 336, 406, 420, 430, 443, 449, 460, 482, 644).

В шести склепах VII в. (115, 153, 163, 166, 331, 336) обнаружены античные монеты: три — античного Херсонеса (две из них — с дырочками для подвешивания), одна —

* Такие пряжки распространены в погребениях IV—V вв. Юго-Восточной Европы [249, с. 15—19, табл. 1—2], в том числе и в Юго-Западном Крыму [161, с. 20, рис. 9, 1—10; 313, с. 238—245, 250, рис. 1, 11, 4, 1—6, 6, 1].

** Подобные фибулы нередко встречаются в некрополях Крыма позднееримского времени. Довольно много их найдено в могильниках на территории совхоза «Севастопольский» и в Чернореченском [98, с. 47], причем в некоторых погребениях этих древних кладбищ отмечено также соединение проволочного браслета и фибулы (могила 35 Чернореченского могильника и могилы 8а, 39а, 48, 116, урна 366 могильника на территории совхоза «Севастопольский»).

*** Бусы таких типов распространены в датированных IV—V вв. комплексах из могильников Северного Кавказа [212, с. 49—52]; правда, они не могут служить надежным датирующим признаком.

боспорская I в. до н. э., одна — боспорский статер III—IV вв., одна — Константина I. В более ранних погребениях Скалистинского могильника таких находок нет. Вместе с тем известные из комплексов VII в. античные монеты, среди которых много крымских, могут свидетельствовать о том, что похороненные здесь люди были потомками того местного варварского населения, которое уже в позднееримский период обитало в зоне действия товарно-денежных отношений либо участвовало в разгроме и разграблении позднеантичных городов и поселений Крыма. Кстати, в погребениях VI—VII вв. других раннесредневековых некрополей полуострова (Суук-Су, Узень-Баш, Эски-Кермен, Чуфут-Кале, «Сахарная головка») также найдены римские и боспорские бронзовые монеты III—V вв. [270, с. 63, № 577, с. 64, № 584, с. 65, № 618—619, с. 66, № 636; 85, с. 186].

Ранние (IV—V вв.) погребения Скалистинского могильника очень сходны с захоронениями близлежащего некрополя сер. III — первой пол. V в. — Озерного III, которые, в свою очередь, близки к погребальным сооружениям Инкерманского могильника. Камеры наиболее ранних склепов Скалистинского могильника, как и катакомбы могильника Озерное III, сравнительно велики по площади (5—6 кв. м) и глубоки (до 5 м от современной поверхности). Входные ямы у части ранних склепов длинные, с несколькими ступеньками. Для катакомб как одного, так и другого могильников характерны наличие полок вдоль задних стенок либо ниш в стенках, обилие керамики (отличающее Скалистинский могильник от других раннесредневековых могильников Юго-Западного Крыма), преобладание захоронений в колодах, наличие погребений с оружием (короткими и длинными мечами), присутствие вещей черняховского типа и т. п. Лепная керамика из ранних погребений Скалистинского могильника идентична, как мы уже отмечали, лепной керамике из могильников III—V вв., в том числе керамике из могильника Озерное III.

Связующим звеном между погребениями IV—V вв. и основной группой захоронений Скалистинского могильника, которая датируется VI—IX вв., являются захоронения второй пол. V — нач. VI в. Например, этим временем датируется склеп 190, в котором найдена литая бронзовая фибула с ромбической ножкой и треугольной головкой, украшенная трехгранно-выемчатой резьбой (рис. 35, 3). Прочие находки из склепа 190 (маленькая серебряная пряжка с овальным кольцом, загнутым вниз язычком и щитком из тонкой пластинки, аналогичная пряжке из подобной могилы 3(13) могильника у высоты «Сахарная головка»; две височные

подвески в виде колечек, оканчивающиеся кубиками со срезаемыми углами; лепная мисочка в виде усеченного конуса) не противоречат указанной дате [83, с. 24, рис. 1, 3—4, 13]. Кроме склепа 190, височные подвески с 14-гранниками обнаружены в подбойных могилах 490 и 754 в комплексе с лепной керамикой и другими находками (два браслета с расширяющимися концами и два гончарных кувшина в подбойной могиле 754), которые позволили Е. В. Веймарну и А. И. Айбабину отнести и эти две могилы ко второй пол. V в.

Верхняя дата Скалистинского могильника устанавливается по находкам в склепах салтовских поясных наборов второй пол. VIII—IX вв. В состав этих наборов входят пряжки, наконечники ремней, бляшки салтовского типа и т. п. (склепы 24а—24б, 172е, 128, 132, 150, 177, 199, 204, 241, 247, 263, 278а, 279, 290, 303а, 381, 391, 405, 471, 624, 771). Кроме Скалистинского могильника, они обнаружены также в склепах некоторых других раннесредневековых могильников Юго-Западного Крыма: Чуфут-Кале (13, 17, 98, 104), у с. Аромат (6), Верхореченского (1) и др. [82, с. 225—239]. Распространение вещей салтовской культуры в Крыму исследователи связывают со временем хазарского владычества и зарождением в связи с этим моды на салтовские поясные наборы, а также с проникновением в Таврику в VIII—IX вв. ранних болгар.

Дата основной массы погребений Скалистинского могильника, как и суммарная дата большей части погребальных комплексов из раннесредневековых катакомбных могильников Юго-Западного Крыма, укладывается в рамки VI—IX вв. Изучению погребального инвентаря раннесредневековых могильников Юго-Западного Крыма посвящено много специальных исследований, в которых подробно рассмотрены типы и датировка фибул, пряжек (в VII—IX вв. преобладали разнообразные византийские пряжки), деталей поясных наборов, серег и бус, основные типы которых были широко распространены в VI—IX вв. в Юго-Восточной Европе [102, с. 1—49; 101, с. 96—123; 85, с. 165—192; 89, с. 168—187; 90, с. 6—12; 249; 214, с. 122—151; 213, с. 202—232].

В 1,5 км к северо-востоку от Скалистинского могильника на том же плато находится Баклинское городище, наиболее ранние культурные слои которого датируются второй пол. III—IV вв. [450, с. 58—59]. Возникновение этого поселения совпадает по времени с появлением в Юго-Западном Крыму могильников типа Озерного III, Инкерманского и др. По мнению Д. Л. Талиса, обитатели Баклинского поселения (позже — городища) были родственны насе-

лению, оставившему указанные могильники [461, с. 56—57]. Жизнь на городище продолжалась вплоть до позднего средневековья. Не ранее VI в. (возможно, во времена Юстиниана I) здесь сооружаются первая линия обороны, цитадель — убежище для местного населения. Во второй пол. IX — нач. X в. строится вторая линия обороны. Уже до начала этого строительства Скалистинский могильник перестает функционировать.

За южной окраиной Баклинского городища открыты одна могила и четыре склепа, вырубленные в скале и огражденные, вероятно, еще в древности.

Раннесредневековый могильник Чуфут-Кале раскопан частично. На южном склоне плато исследованы 133 погребения — 109 склепов и 24 подбойные могилы [267, с. 207—213, рис. 2, 3—4, 3—5а; 271, с. 108—115]. Нижняя хронологическая граница могильника устанавливается по вещам типа нижнего слоя могильника Суук-Су — сер. VI—VII в., а верхняя — по обнаруженным в могилах деталям салтовских поясных наборов VIII—IX вв. Некрополь Чуфут-Кале может быть в какой-то степени связан с открытыми на одноименном плато археологическими находками и строительными остатками раннесредневекового времени (о них шла речь в главе 3 данной монографии). Возможно, на плато в VI в. была сооружена какая-то небольшая крепость для защиты местного населения.

У подножия северного склона плато Чуфут-Кале, в балке Ашлама-дере, обнаружены еще девять склепов, один из которых раскопан. В нем найдена бронзовая проволочная серга VII—VIII вв. [312, с. 135—136].

В отличие от Чуфут-Кале, Эски-Керменская крепость твердо датируется раннесредневековым временем. На юго-западном склоне плато Эски-Кермен находится раннесредневековый могильник. В 1928—1933 гг. Н. И. Репников исследовал здесь 119 погребений: 66 склепов, 13 подбойных и 40 простых грунтовых могил. Материал из раскопок Н. И. Репникова опубликован частично [379, с. 153—180]. В 1978 г. А. И. Айбабин возобновил раскопки этого некрополя [84, с. 286—287], датируемого VII—IX вв., и раскопал здесь еще 152 погребальных сооружения.

Начато исследование раннесредневековых катакомбных некрополей у подножия Мангула, в балке Алмалык [403, с. 329—330]. На восточном краю мангупского плато Е. В. Веймарн зачистил два вырубленных в скале склепа с большим количеством скелетов, но скудность и невыразительность инвентаря, не связанного с первоначальными захоронениями, не позволяют установить точную дату соору-

жения этих погребальных памятников. Лишь внешний вид подпрямоугольных в плане склепов с закругленными углами и сводчатыми потолками позволил Е. В. Веймарну отнести их к раннему средневековью [156, с. 421—424, рис. 3—4].

В 2,5 км от Мангупа, у с. Красный Мак, развернуты раскопки катакомбного могильника позднеримского времени.

Раннесредневековый могильник открыт также в Бельбекской долине у с. Большое Садовое, в 2—2,5 км от Сюреньского укрепления. В 1971—1972 гг. здесь исследованы семь склепов. Обнаруженные в них вещи (т. н. портупейные застежки с прорезными щитками, заостренными книзу и соединенными в верхней части с горизонтальными перекладинами, серебряная проволочная сережка с припаянными к кольцу четырьмя шариками, разных форм янтарные, инкрустированные сердоликовые, яйцевидные зеленого стекла бусы и т. п.) позволяют датировать этот некрополь раннесредневековым временем (в пределах VI—VIII вв.). В нескольких десятках метров от могильника разведано поселение, существовавшее, судя по керамике, уже в VI—VII вв. Его жители, вероятно, и был оставлен данный могильник [311, с. 100—102; 317, с. 136—137]. Если подтвердится ранняя дата (VI в.) основания Сюреньского укрепления, господствовавшего над Бельбекской долиной, то можно будет с большей уверенностью говорить, что эта крепость (или убежище) была построена для защиты местного населения. Во всяком случае, открытые поблизости от укрепления могильник и поселение, свидетельствующие о наличии в его округе оседлого населения уже в VI—VII вв., подтверждают, на наш взгляд, мнение о том, что на Сюрени еще со времен Юстиниана I могло существовать какое-то укрепленное убежище.

Не исключено, что именно политика Византии в Крыму в VI в. способствовала стабилизации положения в Юго-Западной горной Таврике. Начиная с сер. VI в. в этой части полуострова резко увеличивается численность населения, подтверждением чему служат заметное возрастание количества погребений данного времени в могильниках Скалистинском и у высоты «Сахарная головка», а также появление новых некрополей, часть которых, как мы обосновывали выше, могла быть прямо или косвенно связана с построенными (возможно, в VI в.) крепостями и укреплениями. Эти крепости располагались на второй гряде Крымских гор, т. е. по границе византийских владений в Крыму, и, вероятно, одновременно с возведением оборонительных со-

оружений местное население оседало вокруг них на правах федератов Византии. Это было вполне в духе византийской политики. Собственно, о «готах-федератах» в Крыму и пишет Прокопий. Не этим ли фактом можно объяснить появление многих новых раннесредневековых могильников в указанном районе именно в сер. VI в., т. е. во времена правления императора Юстиниана I?

В районе второй гряды Крымских гор, кроме уже перечисленных, обнаружен еще целый ряд раннесредневековых могильников, которые, к сожалению, исследованы не до конца либо только разведаны. Так, на левом берегу р. Кача, южнее с. Баштановка, в разные годы открыты восемь склепов большого некрополя. Находки из этих склепов (две пальчатые фибулы, большая орлиноголовая пряжка, два серебряных византийских колта с изображением павлина, бронзовая со стеклянной вставкой иконка с изображением Георгия Победоносца, украинская аканфовыми листьями пряжка и т. п.) датируют их в пределах VI—VIII вв. На правом берегу р. Кача, недалеко от Баштановского могильника (на расстоянии 0,5 км от с. Баштановка) расположен укрепленный пещерный монастырь (или поселение), подъемный археологический материал из которого укладывается в хронологические рамки от IX—X до XVII—XVIII вв. [525, с. 13—14]. Правда, по мнению Е. В. Веймарна и М. Я. Чорефа, нижняя оборонительная стена близ Первого грота, сложенная из хорошо отесанных камней с использованием крупных скальных блоков, могла быть сооружена приблизительно в VI в. [169, с. 65], однако более веских доводов в пользу столь ранней датировки этого укрепления исследователи не представляли. Вместе с тем размещение населения в долине р. Кача, по второй гряде Крымских гор, возможно, было связано с необходимостью охранять данный горный проход.

Севернее Качи-Кальона, рядом с большим средневековым поселением Фыцки (опять-таки по ходу второй горной гряды), также расположен раннесредневековый некрополь, на котором открыт пока один склеп.

Несколько могильников этого же времени обнаружены выше по течению горных рек, за второй грядой Крымских гор. Так, на правом берегу р. Кача, между селами Кудрино и Верхоречье, открыт земляной склеп, который, судя по инвентарю (например, по цельнолитой пряжке с небольшим плоским фигурным щитком и прикрепленным к ней на стерженьке массивным язычком [82, с. 230, рис. 1, 14]), можно отнести к рассматриваемому времени. Небезынтересно и то, что в 1,5 км к востоку от этого могильника

Е. В. Веймарн разведал поселение с позднеримской и раннесредневековой керамикой [525, с. 14].

На левом берегу р. Бельбек, у места впадения в нее р. Кокозка, близ с. Аромат раскопаны восемь склепов большого некрополя; их форма, а также состав погребального инвентаря близки аналогичным элементам похоронных комплексов могильника Чуфут-Кале. Оба древних кладбища датируются VI—IX вв. [312, с. 137—147].

В Лакской котловине, рядом с покинутым ныне людьми с. Горянка, между селами Верхореченское и Ароматнинское разведан еще один раннесредневековый некрополь.

Таким образом, в настоящее время в Юго-Западном Крыму известны 19 раннесредневековых могильников. По имеющимся в нашем распоряжении данным, в них исследованы 1050 склепов (801 — в полностью раскрытом Скалистинском могильнике), около 130 подбойных могил (54 — в могильнике у высоты «Сахарная головка»), более 60 простых грунтовых могил, основная часть которых расположена в Эски-Керменском могильнике*.

На Южном берегу Крыма, как и в юго-западной части полуострова, также открыты и частично раскопаны раннесредневековые могильники. В большом сармато-аланском могильнике у с. Лучистое, вблизи раннесредневекового селения Фуны, А. И. Айбабин обнаружил погребения IV—V вв. Лучистинский некрополь синхронен Скалистинскому. В склепах у с. Лучистое исследованы погребения, давшие богатый инвентарь: золотые височные кольца с инкрустированными «коробочками», подвески-городки, большие серебряные орлиноголовые пряжки, пальчатые и зооморфные фибулы, браслеты с утолщенными концами типа Суук-Су.

Целый ряд раннесредневековых могильников группируется возле Горзубит: Гурзуфский, у бухты (три погребения), Гурзуфский, на месте рынка (23 погребения), балка Филе, у Гурзуфа (пять погребений), Суук-Су, нижний слой (107 погребений), Артек I, на западном склоне горы Аюдаг. Обнаружен, но еще не исследован Алуштинский могильник. Многие из этих некрополей функционировали именно в то время, когда при императоре Юстиниане I здесь соорудились две византийские крепости — Алушта и Горзубиты.

Наиболее обстоятельно изучен могильник Суук-Су [373, с. 1—80, табл. 1—12; 374, с. 101—148, табл. 1—4; 375,

* Кстати, погребения в простых грунтовых могилах этого некрополя ориентированы в основном на запад, что, скорее всего, свидетельствует об укоренении христианских обрядов в среде раннесредневекового населения Эски-Кермена.

с. 105—111; 519, с. 110, 114—116, 120; 269, с. 181—194]. В его нижнем слое раскопаны девять склепов, три подбойные могилы и 95 могил с заплечиками (?). В 89 могилах зафиксированы деревянные, в шести — каменные заклады. Преобладание в могильнике Суук-Су грунтовых ям (с заплечиками?) является своеобразием этого памятника. В статье В. К. Пудовина, проведшего сравнительный анализ погребальных комплексов, вполне убедительно обосновывается датировка захоронений нижнего слоя могильника Суук-Су в пределах второй пол. VI — первой пол. VII в. [368, с. 177—185]. Новейшие исследования А. К. Амброза и А. И. Айбабина позволили передвинуть верхнюю дату нижнего слоя данного могильника и других памятников этого типа (например, Ялтинского и Кореизского некрополей) во вторую пол. VII в. [103, с. 5—12; 89, с. 176—177; 91, с. 5—8]. Ялтинский могильник был открыт А. Л. Бертье-Делагардом на территории собственной усадьбы. В Крымском краеведческом музее хранятся фотографии золотых вещей типа Суук-Су из этого могильника [490, с. 211; 223, с. 14].

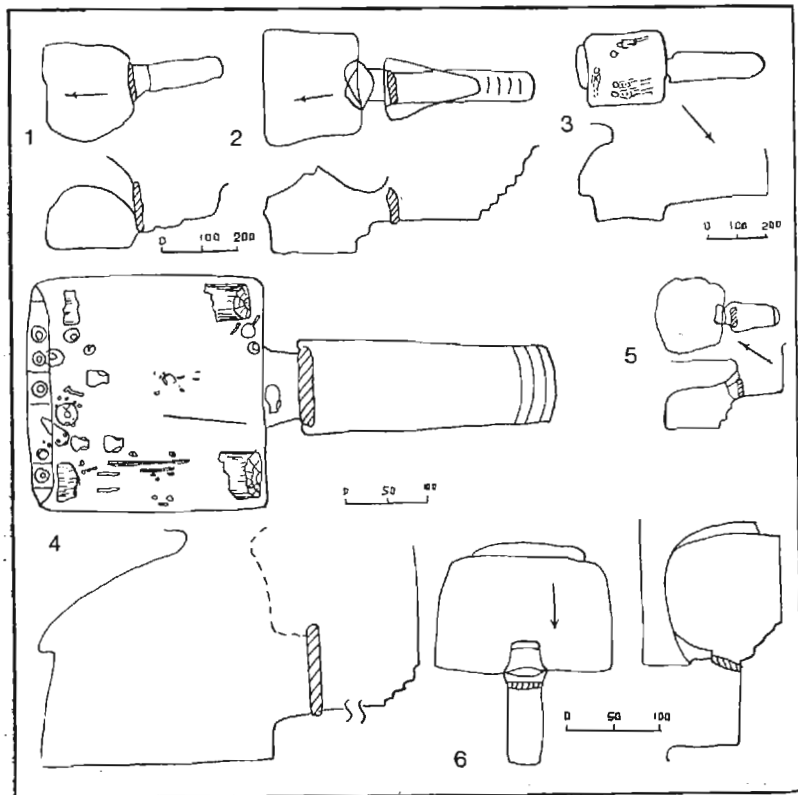
Еще два средневековых некрополя открыты в Симеизе: один — у скалы Панеа, второй — у обсерватории. В результате новейших исследований в Симеизе обнаружено большое количество захоронений в подбойных могилах и склепах.

Таким образом, на Южном берегу Крыма известны 11 раннесредневековых кладбищ. По крайней мере половина их сосредоточена вблизи византийских крепостей Алушта и Горзубиты, сооруженных около сер. VI в. Сер. — второй пол. VI в. датируются и самые ранние погребения из этих некрополей.

Этническая принадлежность захороненных в позднеантичных и раннесредневековых могильниках Юго-Западного и Южного Крыма устанавливается в первую очередь по деталям погребального обряда и типам погребальных сооружений. Погребения с трупосожжениями III — нач. V в. и прочие сохранившиеся этнические признаки, относящиеся к германским, рассмотрены в главе 3 данной монографии. Остановимся теперь на этнических признаках сармато-аланов, составлявших основу раннесредневекового населения Юго-Западного Крыма.

В позднеантичных и раннесредневековых могильниках Юго-Западного Крыма наблюдается сочетание различных типов погребальных конструкций (простые грунтовые ямы, ямы с заплечиками, плитовые и подбойные могилы, склепы-катакомбы), в которых хоронили умерших по обряду трупоположения. Разнотипность погребальных сооружений

уже в III в. была характерна для сармато-аланских могильников Северного Прикаспия [416, с. 111]. Склепы-катакомбы распространяются в сармато-аланской среде в первые века н. э. Их принадлежность к аланам в раннее средневековье (в сочетании с другими признаками погребального обряда) признаётся многими исследователями [176, с. 94—96; 284, с. 29; 285, с. 60—74; 250, с. 91; 479, с. 39]. Склепы-катакомбы в Юго-Западном Крыму широко представлены в могильниках позднеантичного (III—первая пол. V в.) и раннесредневекового времени (рис. 36). Погребальные камеры как позднеантичных, так и раннесредневековых катакомб имели в плане различную форму: правильную прямоугольную, подпрямоугольную или трапециевидную (со слабо или сильно закругленными углами), овальную или неправильную округлую. Чаще всего катакомбы имели купольные своды, коробовые и плоские потолки встречались реже.

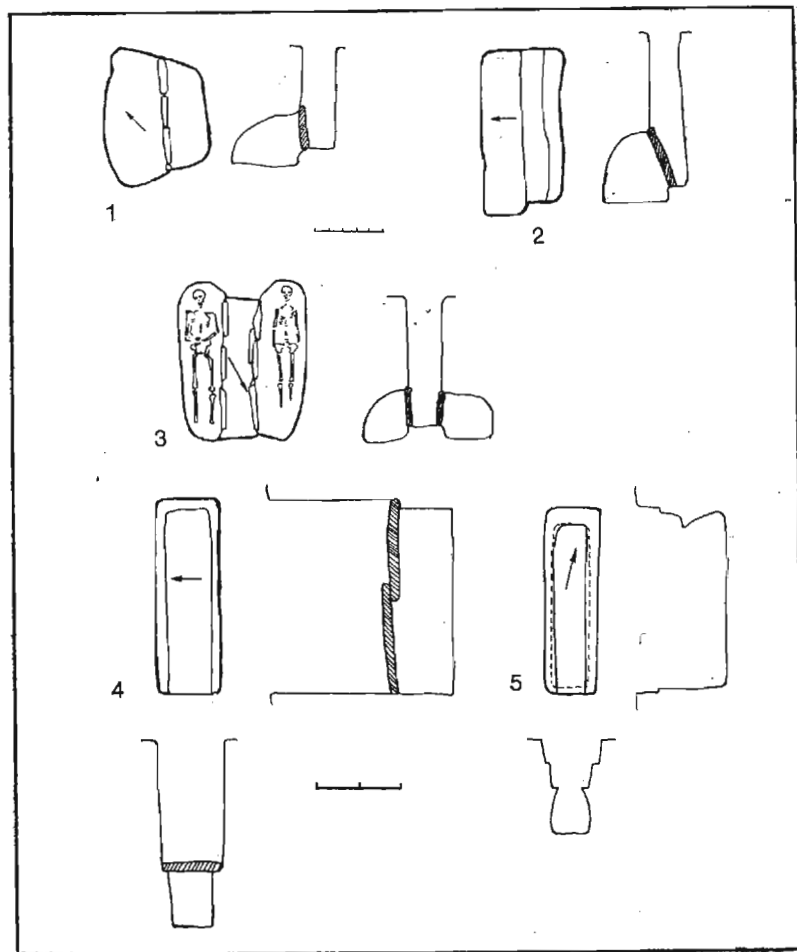
Наиболее близкие по конструкции погребальные катакомбы открыты во многих раннесредневековых аланских могильниках Северного Кавказа (катакомбные сармато-аланские погребения первых веков н. э. известны в равнинно-предгорной части Северного Кавказа. После гуннского нашествия, в V—IX вв., катакомбный обряд захоронения распространяется также и в горах [285, с. 61—62]). Это — катакомбы т. н. I типа (по классификации К. Ф. Смирнова) [421, с. 73—81], например, аланские катакомбные погребения второй пол. III—IV в. из Ставрополя [386, с. 77—80], IV—V вв. из Северной Осетии [80, с. 213—232], из могильника V—VI вв. у Лермонтовской скалы близ Кисловодска [113, с. 222—227], из Верхнечирюртовского могильника V—VIII вв. на границе предгорий Дагестана [479, с. 108—109]. Основные конструктивные особенности аланских погребений Северного Кавказа сохраняются до X—XII вв. Они характеризуются прямоугольными, трапециевидными и овальными в плане катакомбы аланского могильника на склонах Рим-горы в районе Минеральных Вод с коробовыми и сводчатыми потолками и нишами в стенках [392, с. 198—210]. Таким образом, катакомбные погребения в некрополях Юго-Западного Крыма позднеантичного (III—первой пол. V в.) и раннесредневекового времени по аналогии с подобными захоронениями с Северного Кавказа можно вполне отнести к памятникам сармато-аланов. Кстати, на стенках камеры склепа I могильника Озерное III обнаружены типично сарматские знаки, нанесенные черной краской с помощью острых предметов [313, с. 239, 251—252, рис. 2].

Еще одним типом погребальных конструкций указанных крымских могильников являются подбойные могилы, состоящие из входной ямы с подбоем в западной или восточной длинной стенке, иногда с подбоями в двух стенках (рис. 37, 1—3). Их сарматское происхождение бесспорно. Подбойные могилы были одним из самых распространенных типов сарматских погребений Поволжья и Приуралья. По мнению исследователей, родина подбойных могил — Южное Приуралье и Северный Кавказ. Их предположительно связывают с аорским племенным объединением [176, с. 99—101; 92, с. 195]. Особенно широкое распространение

Рис. 36. Земляные склепы из могильников Юго-Западного Крыма:
 1 — Чернореченский, склеп 4(77) (раскопки В. П. Бабенчикова); 2, 5 — Инкерманский, склепы 2(10), 5(31) (раскопки Е. В. Веймарна); 3, 6 — Скалистинский, склепы 485, 285 (раскопки Е. В. Веймарна); 4 — Озерное III, склеп 1 (раскопки И. И. Лободы)

такие конструкции получили в среде позднесарматского населения Нижнего Поволжья в I—IV вв. [495, с. 492; 176, с. 99—101]. В сарматском некрополе на р. Молочная у Мелитополя они сосуществовали с узкими грунтовыми могилами [79, с. 102—103], а в степях Северо-Западного Причерноморья — с погребениями, имеющими заплечики [217, с. 85]. Как пережиток, подбой встречаются в раннесредневековых аланских захоронениях Северного Кавказа [479, с. 125—126].

Кроме склепов и подбойных могил, в могильниках Юго-Западного Крыма исследованы также простые грунтовые могилы и могилы с заплечиками вдоль длинных стенок, а

которые укладывались каменные и деревянные перекрытия (рис. 37, 4—5). Семь ям с заплечиками раскопаны в Инкерманском могильнике, пять — в некрополе на территории совхоза «Севастопольский», две — в Эски-Керменском и 95 (?) — в нижнем слое могильника Суук-Су. Грунтовые могилы с заплечиками считаются специфическим типом погребальных сооружений сарматов. Они обычны в сарматских могильниках Прикаспия [416, с. 108], Нижнего Поволжья [78, с. 54, 70—71], Степной Украины (в частности, в долине р. Молочная) [187, с. 18; 79, с. 102], Северо-Западного Причерноморья [217, с. 85; 204, с. 24, 39, 44, 49, 59].

В некрополях Инкерманской долины среди простых грунтовых могил выделяются узкие прямоугольные или овальные ямы (рис. 38, 1—3). Это — могилы 6, 8, 13, 17 Инкерманского, 4 и 6 — Чернореченского могильников, 92, 107, 120, 152 — могильника на территории совхоза «Севастопольский» (ямы 107 и 120 суживались к ногам погребенного), 5(61) — могильника у высоты «Сахарная головка». Узкие прямоугольные или овальные ямы с бедным (как и в перечисленных выше могилах) инвентарем являются одним из сарматских типов погребальных сооружений Нижнего Поволжья [78, с. 54, 70—71] и господствуют в среднесарматский период (II в. до н. э.— I в. н. э.), но встречаются и в последующие века. В Степной Украине, у р. Молочная, они открыты вместе с другими типами сарматских погребений [79, с. 102].

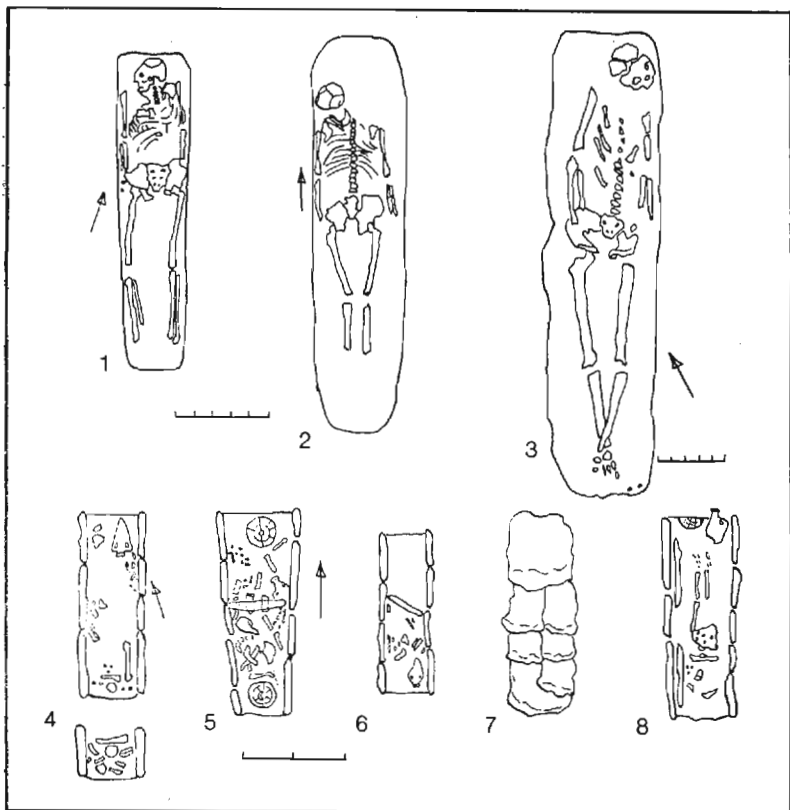
В могильнике на территории совхоза «Севастопольский» обнаружены 15 каменных ящиков с труположениями. Один из них суживался к ногам погребенного. 17 узких могил, обставленных каменными плитами вдоль длинных стенок и перекрытых такими же плитами, раскопаны в некрополе Бельбек I; некоторые из них суживались к ногам умерших (рис. 38, 4—8). Захороненные в них покойники были вытянуты на спине, головой на юг. В двух ямах могильника Бельбек I обнаружены заваленные камнями скелеты в сидячем положении, с вытянутыми на юг ногами. Ямы с каменными обкладками и каменные ящики в большом количестве представлены в могильнике у с. Тарки в

Рис. 37. Типы погребальных сооружений из могильников Юго-Западного Крыма:

1 — Чернореченский, подбойная могила 3 (раскопки В. П. Бабенчикова); 2, 4—5 — Инкерманский, подбойная могила 4, могилы с заплечиками 1, 6 (раскопки Е. В. Веймарна); 3 — у высоты «Сахарная головка», подбойная могила 43 (раскопки Е. В. Веймарна)

Северном Дагестане. Могилы здесь узкие, иногда суживаются к ногам погребенных, которые укладывались либо вытянутыми на спине, либо в скорченном и сидячем положении. Инвентарь — сарматский (I в. до н. э.— III в. н. э.), но некоторые особенности этих погребальных сооружений позволяют предполагать местное, кавказское происхождение упокоенных в них людей (по мнению К. Ф. Смирнова, раскопавшего Таркинский некрополь, — потомков древнего автохтонного населения приморской части Северного Дагестана, которые смешались с сарматами и восприняли их материальную культуру [418, с. 230—272]). Точку зрения о местном, кавказском происхождении погребений в каменных ящиках поддерживает и В. А. Кузнецов [284, с. 102—103].

Кроме Таркинского могильника, ямы с каменными обкладками и плитовыми перекрытиями обнаружены в раннесредневековом могильнике Гиляч в верховьях Кубани,

отнесенном Т. М. Минаевой к памятникам аланской культуры [329, с. 277—290], а также у селения Харачой в горной Чечне. В последних преобладает инвентарь, характерный для раннесредневековых аланских памятников Северного Кавказа [177, с. 244—251]. Кавказские горцы, вошедшие в аланский союз племен, участвовали в походах сармато-аланов. Результатом одного из таких походов, по мнению Играра Алиева и В. Г. Алиева, является могильник у с. Берюкдюз в Нахичеванской АССР, состоявший из погребений в каменных ящиках с сармато-аланским инвентарем первых веков н. э. [97, с. 178—186]. Об участии в походах аланов различных северо-кавказских и войско-дагестанских племен свидетельствуют сочинения раннесредневековых авторов — Мовсеса Хоренаци, Л. Мровели, а также летопись «Картлис Цховреба» и другие источники [97, с. 186; 250, с. 85].

Увлеченные движением сармато-аланских племен на запад, осарматившиеся потомки местного кавказского населения сохранили черты своего погребального обряда. Даже в зоне распространения черняховской культуры, в подкурганых подбойных могилах сарматского типа Кантемировского могильника на Полтавщине, покойников хоронили в сидячем положении [294, с. 118]. Среди сармато-аланских могил, открытых в могильнике у г. Чонград в Венгрии, выделена группа погребений, совершенных в положении сидя на корточках. Эти захоронения позволили М. Пардуцу высказать предположение об этническом единстве части населения Чонграда и Северного Кавказа [368, с. 81].

Плитовые могилы из могильников позднеримского времени в Юго-Западном Крыму, в первую очередь погребения могильника Бельбек I (в котором, кроме плитовых могил, обнаружены заваленные камнями захоронения костяков в сидячем положении), свидетельствуют о проникновении в Юго-Западный Крым осармативших горцев Северного Кавказа.

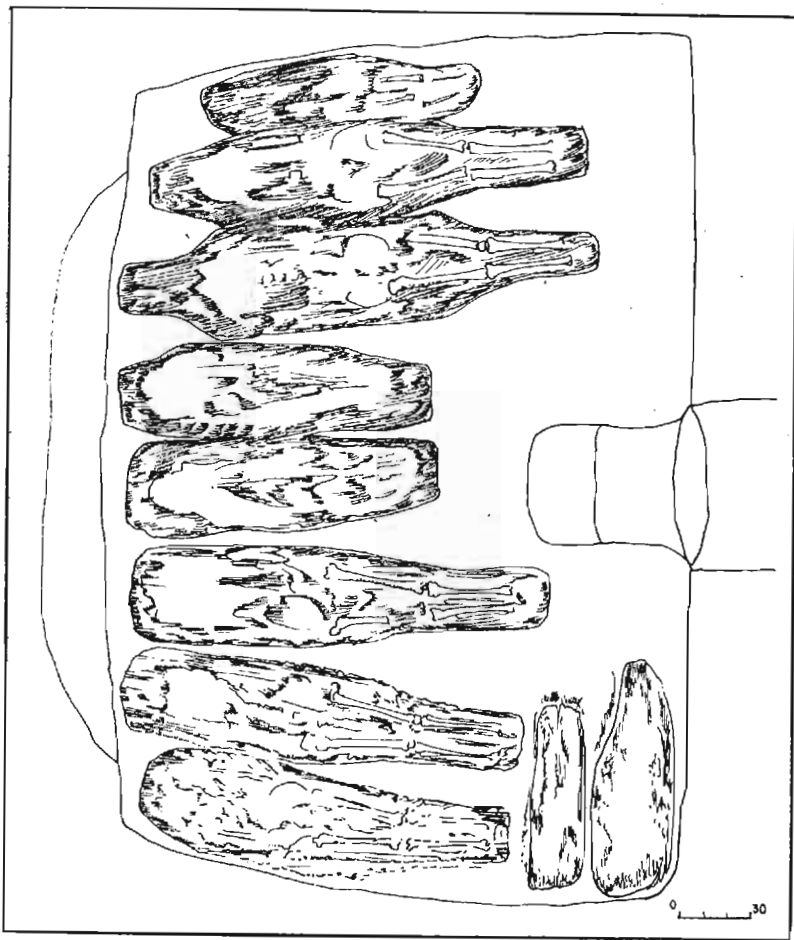
В склепах и простой грунтовой могиле некрополя Озерное III, как и в склепах и подбойных могилах близлежащего Скалистинского могильника, обычны погребения в колодах (рис. 39). В Скалистинском могильнике зафиксированы даже крышки, которыми покрывались колоды. Такие захоронения обнаружены также в трех склепах и в 14 из 38

Рис. 38. Типы погребальных сооружений из могильников Юго-Западного Крыма:

1—2 — Инкерманский, могилы 6, 13 (раскопки Е. В. Веймарна);
3 — Чернореченский, могила 6 (раскопки В. П. Бабенчикова);
4—8 — Бельбек I (по Т. Н. Высотской)

подбойных могил Чернореченского некрополя, в Чуфут-Кале, Эски-Кермене и у высоты «Сахарная головка». Колоды часто ставились на плоские камни. Если дерево полностью истлело, костяки умерших оказывались прямо на камнях. Аналогичные конструкции известны в сарматских погребениях Нижнего Поволжья и Прикубанья, причем в Нижнем Поволжье они появляются еще в раннесарматский период и существуют продолжительное время [495, с. 456; 335, с. 22; 405, с. 42, 157, рис. 15; 420, с. 200]. Колоды в сарматских погребениях первых веков н. э. встречаются в Северо-Западном Причерноморье [217, с. 85, 87] и во многих других местах расселения сармато-аланских племен.

Ориентация погребенных и в позднеримских, и в ранне-

средневековых могильниках Юго-Западного Крыма разнообразна. Южная ориентация отмечена во всех захоронениях могильника Бельбек I, в четырех подбойных могилах Инкерманского и грунтовой яме могильника Суук-Су, юго-восточная преобладала на древнем кладбище у совхоза «Севастопольский», юго-западная — у высоты «Сахарная головка». Зафиксирована она и в двух грунтовых могилах некрополя Суук-Су. Северная с отклонениями ориентация отмечена в 81 % захоронений Чернореченского, в грунтовых и подбойной могилах некрополя Озерное III, в четырех грунтовых и 19 подбойных могилах древнего кладбища у совхоза «Севастопольский», в 21 грунтовой и подбойной ямах могильника Суук-Су. На северо-запад ориентированы 32 костяка из нижнего слоя Суук-Су. Западная с отклонениями ориентация характерна и для покойников Эски-Кермена. (Такая ориентация может свидетельствовать о распространении христианства в Юго-Западном Крыму.) В большинстве подбойных ям Инкерманского и Скалистинского могильников скелеты были ориентированы черепами на восток.

Преобладание в могильниках Юго-Западного Крыма южной с отклонениями и северной с отклонениями ориентацией погребенных в грунтовых и подбойных могилах не противоречит, по нашему мнению, точке зрения о сармато-аланской принадлежности большинства захороненных по обряду труположения. Правда, для сарматов т. н. Сусловского этапа (II в. до н. э. — I в. н. э.), особенно в Нижнем Поволжье, была характерна южная с отклонениями ориентация [78, с. 54]. На позднем этапе (II—IV вв.) в сармато-аланских могильниках начинает преобладать северная с отклонениями ориентация погребенных [495, с. 458; 479, с. 42]. Вместе с тем в ряде позднесарматских могильников низовьев Днестра и Дуная, при преобладании северной с отклонениями, отмечены и иные ориентации погребенных: в Беляевке, Маяках, Вишневом и Приморском — южная, в Островце-Вертебе, Олечине, Киселеве — юго-восточная, южная и восточная, в Селище — восточная и западная, в Сарате, Нерушае, Баштановке, Глубоком, Кислицах — южная, западная и восточная [385, с. 48; 217, с. 85].

Костяки в склепах Инкерманского и Чернореченского могильников лежали поперек камеры. Такое же расположение умерших отмечено в аланских катакомбных погребениях Северного Кавказа [113, с. 222—227, рис. 1; 392,

Рис. 39. Погребения в деревянных колодах в склепе 258 Скалистинского могильника (раскопки Е. В. Веймарна)

с. 202—206, рис. 5; 479, с. 106—107] и в могилах салтовской культуры [365, с. 77, 81], одними из носителей которой были, как известно, аланы. В могильнике Озерное III и части склепов Чуфут-Кале покойников укладывали головами ко входу, а в некрополях Суук-Су, Эски-Кермен, Скалистинском, иногда — в Чуфут-Кале, как и в раннесредневековых склепах Пятигорья, — головами к задней стенке камеры [393, с. 232—247].

Поза погребенных в позднеримских и раннесредневековых могильниках Юго-Западного Крыма подтверждает точку зрения об их сармато-аланской принадлежности. Мертвецов укладывали на спину, с вытянутыми конечностями. Кроме того, во всех типах погребальных конструкций с труположениями в Инкерманском и Чернореченском могильниках, на территории совхоза «Севастопольский», у высоты «Сахарная головка», в Скалистинском, Чуфут-Кале, Эски-Керменском, Суук-Су, Узень-Баш отмечены такие позы, когда одна или обе руки покойника были уложены на таз. Подобное положение рук в различных вариациях встречается на обширных пространствах расселения сармато-аланских племен и является исконно сарматской погребальной традицией [417, с. 113; 495, с. 429, 456; 96, с. 203], как и скрещивание ног похороненных, зафиксированное, например, в простой грунтовой и четырех подбойных могилах Чернореченского могильника, в трех подбойных могилах некрополя на территории совхоза «Севастопольский» и в ряде склепов Скалистинского могильника. В двух грунтовых ямах могильника Суук-Су ноги погребенных были скрещены и слегка подогнуты в коленях. Подобный обряд существовал у сармато-аланов как в первые века н. э., так и в раннее средневековье [176, с. 81; 96, с. 203; 330, с. 254].

В 10 подбойных и простой грунтовой могиле на территории совхоза «Севастопольский», в склепе Инкерманского могильника, простой грунтовой и подбойной могилах некрополя у высоты «Сахарная головка» обнаружены скелеты покойников, уложенных на спину с подогнутыми в коленях ногами. В одной из простых грунтовых ям у высоты «Сахарная головка» умерший лежал на спине (через какое-то время после похорон завалился на левый бок) с подогнутой левой ногой и согнутой в локте правой рукой. Кроме того, в двух склепах Инкерманского, простой грунтовой и подбойной могилах Чернореченского могильников, в трех простых грунтовых, плитовой и девяти подбойных могилах на территории совхоза «Севастопольский», в простой грунтовой могиле и склепе могильника Суук-Су обнаружены скорченные на левом или правом боку костяки. Согнутые

положение ног у погребенных относительно часто встречается в сарматских грунтовых могилах Нижнего Поволжья [78, с. 55]. Это обряд отмечен и в сарматских погребениях первых веков н. э. на Юге Украины [396, с. 62, 65 рис. 1, 1, 4, 1], в низовьях Днестра и Дуная [385, с. 48]. Захоронения на спине с подогнутыми в коленях ногами, как и в скорченном на боку положении, встречались в аланских раннесредневековых могильниках Северного Кавказа [479, с. 107; 330, с. 237; 391, с. 209].

Культ огня в погребальном обряде представлен во многих позднеантичных и раннесредневековых кладбищах Юго-Западного Крыма. Так, в четырех подбойных ямах Инкерманского некрополя (7, 10—11, 24), в простой грунтовой могиле 218 могильника на территории совхоза «Севастопольский» и в такой же грунтовой яме 81 могильника Суук-Су обнаружены следы интенсивного горения: прокаленная земля, обожженное дно, неполное, а в некоторых случаях и полное сожжение умерших. Обгоревшие человеческие кости и куски дерева зафиксированы в могильниках у высоты «Сахарная головка», Ароматнинском и в балке Ашлама-дере (северный склон Чуфут-Кале). Слой древесного угля отмечен при исследовании плитовой могилы 20 на территории совхоза «Севастопольский» и простой грунтовой могилы 78 в Суук-Су. Подсыпка из древесного угля часто встречалась в склепах Чуфут-Кале, Ароматнинского и Баштановского, в некоторых захоронениях Инкерманского, Чернореченского, на территории совхоза «Севастопольский» и Скалистинского некрополей. Ритуальная подсыпка из такого же угля, следы интенсивного горения весьма обычны в сарматских погребениях Нижнего Поволжья [78, с. 55], Северного Прикаспия [416, с. 102], Степной Украины [79, с. 103] и низовьев Дуная [204, с. 88], угольная подстилка и подсыпка — в аланских погребальных памятниках Северного Кавказа [479, с. 110; 391, с. 209; 393, с. 232—247].

Для сарматского и аланского погребальных обрядов характерны также подстилка из войлока или травы, заворачивание покойника в войлок (кошму) [78, с. 55; 330, с. 237]. Следы войлочных подстилок удалось зафиксировать при раскопках двух подбойных могил и погребения в склепе Чернореченского могильника, 12 погребений в склепах и погребения в подбойной могиле у высоты «Сахарная головка». Остатки подстилок отмечены также при исследовании некоторых склепов могильника Чуфут-Кале.

К погребальным традициям раннесредневековых северокавказских аланов исследователи относят обычай покры-

вать дно могилы толстым слоем глины [93, с. 84; 479, с. 40]. В подбойной могиле и в грунтовых могилах с заплечиками сарматского типа в черняховском могильнике Ранжевое в Северо-Западном Причерноморье (под Одессой) также зафиксирована глиняная обмазка пола [445, с. 105—110]. Подобный обряд прослежен и в некоторых погребениях раннесредневековых могильников Юго-Западного Крыма. Так, слоем глины были покрыты покойники и дно в простых

грунтовых могилах 73, 92 могильника Суук-Су и в подбойной могиле 33 у высоты «Сахарная головка».

В подбойной яме Чернореченского некрополя и в двух таких же могилах на территории совхоза «Севастопольский» обнаружены черепа с искусственной лобно-затылочной деформацией. В раннесредневековых могильниках Юго-Западного Крыма таких черепов найдено значительно больше. В некрополе у высоты «Сахарная головка» уцелели два искусственно деформированных черепа, в Суук-Су — девять, в Скалистинском — 30 (28 мужских и два детских). Указанному обряду подвергались при жизни и люди, захороненные в Эски-Кермене. Этот обычай был широко распространен среди населения, оставившего могильник Чуфут-Кале. Деформированные черепа имели все скелеты в подбойных могилах и многие — в склепах этого могильника (среди покойников с деформированными головами, захороненных в склепах, преобладали мужчины).

Обычай деформации черепов распространяется среди сарматов Поволжья начиная от рубежа н. э. и достигает расцвета в IV—V вв. [201, с. 329, 332; 200, с. 556—560, табл. 5, с. 570—572, табл. 6—7; 230, с. 138]. Е. В. Жиров, а позднее В. А. Кузнецов, В. К. Пудовин и другие исследователи локализовали находки таких черепов в местах проживания сармато-аланов — в Поволжье, на Северном Кавказе, в Крыму, Среднем Подунавье [231, с. 85—87; 283, с. 90—91; 535, с. 84, рис. 3]. По наблюдениям В. А. Кузнецова и В. К. Пудовина, распространение деформированных черепов совпадает с ареалом характерных для сармато-аланской культуры [484, с. 84—94] круглых металлических зеркал с ушком в центре обратной стороны, украшенных геометрическим рисунком (концентрическими кругами и радиальными лучами). Шесть целых или ритуально разбитых зеркал такого типа найдено в погребениях Скалистинского могильника (рис. 46, 6—7), по одному — в Инкерманском и Суук-Су.

Лепная керамика была распространена в некрополях III — первой пол. V в. и в погребениях Скалистинского раннесредневекового могильника. Ее формы не противоречат мнению о сармато-аланской принадлежности основной массы захороненных в этих могильниках. Наиболее обычны —

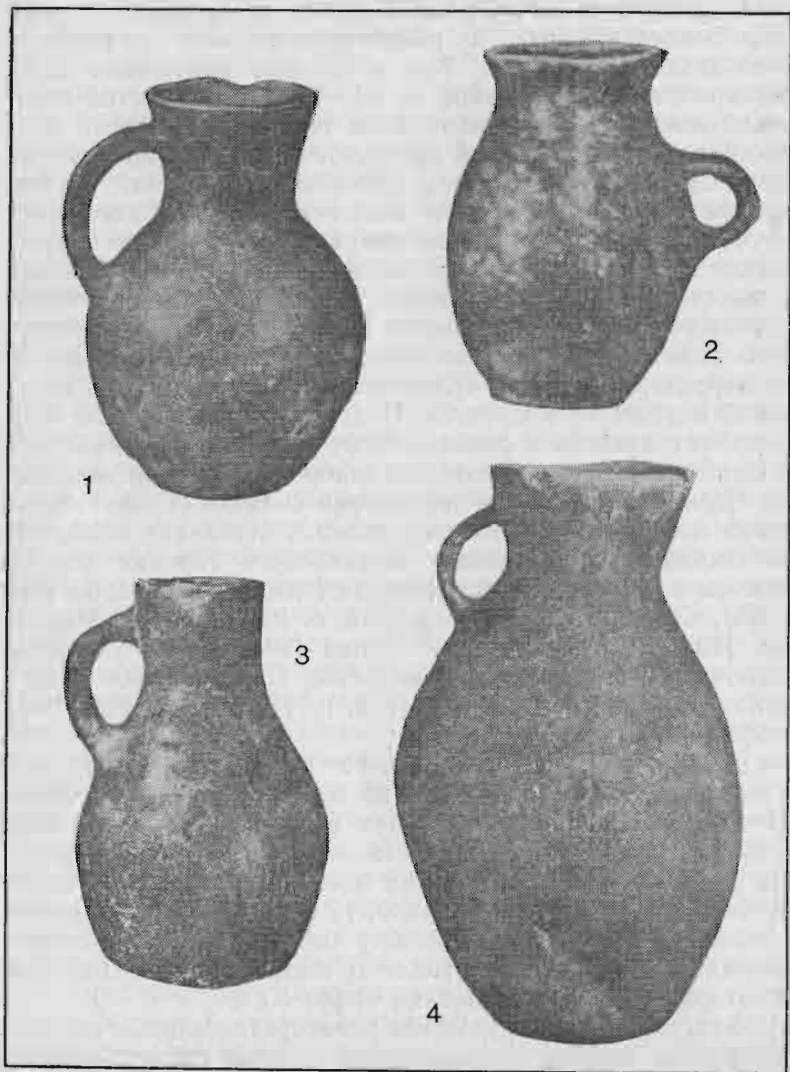
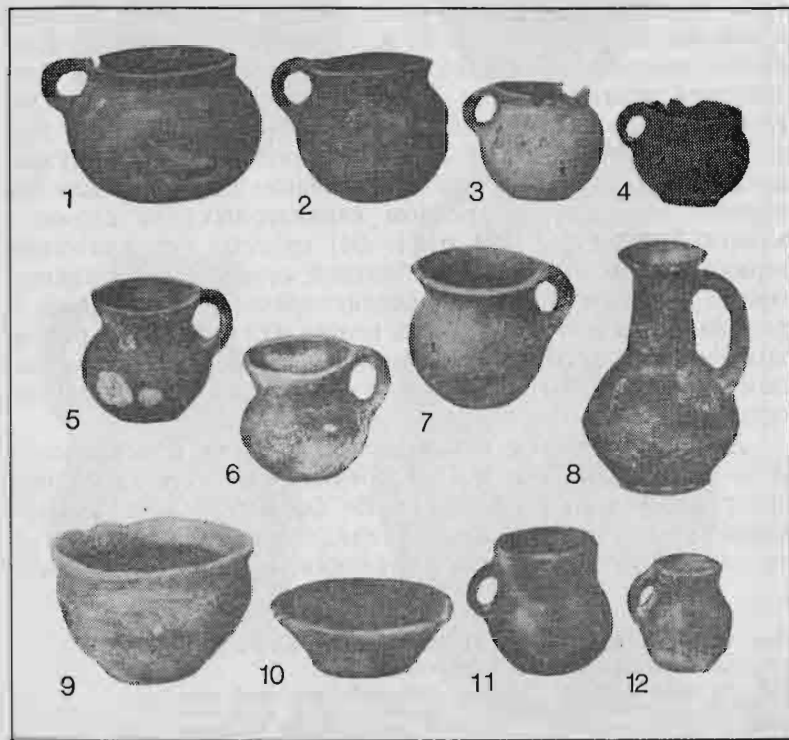

Рис. 40. Лепная керамика из могильников Юго-Западного Крыма позднеримского времени:

1—3 — на территории совхоза «Севастопольский», каменный ящик 1, могила 11, подбойная могила 95 (раскопки С. Ф. Стржелецкого); 4 — Чернореченский, подбойная могила 25(59) (раскопки В. П. Бабенчикова)

плоскодонные кувшины с шаровидным или яйцевидным туловом, относительно низким широким горлом (как правило, слегка расширяющимся кверху) без носика-слива; горшки и кружки с шаровидным туловом, отогнутым наружу венчиком и небольшими ручками, соединенными с венчиком (рис. 40, 41, 1—7, 11—12, 42, 1—6). Подобные сосуды бытуют у сарматов с первых веков н. э. [81, с. 130—134, рис. 54—55; 418, с. 265, рис. 19, 2]. Они распространяются у населения боспорских городов и, по мнению исследователей, свидетельствуют о проникновении сарматов [283, с. 260; 491, с. 60—61, табл. 17, 1, 5, 19, 5, 20, 2—3, 5, 22, 3; 107, с. 100, рис. 3—4].

В склепе 350 Скалистинского могильника обнаружен небольшой округлобокий горшок с зооморфной ручкой (рис. 42, 9). Лепные сосуды с такими ручками бесспорно относятся к кругу сармато-аланской керамики [175, с. 32—46, рис. 2; 245, с. 247—255]. К этому кругу могут быть отнесены и лепные кувшины с темной лощеной поверхностью, биконическим туловом и большими ручками, заканчиваю-

щимися отростками в виде стилизованных лап животных (рис. 43). По одному экземпляру они обнаружены в могильнике Мангуш (Крым. краевед. музей, инв. № А-43) и в разрушенном погребении у с. Хмельницкое (в комплексе с сильно фрагментированной лепной трехручной вазой) (Херсонес. ист.-археол. заповедник, инв. № 8/36638), два — в Скалистинском могильнике (один — в склепе 421, второй — случайная находка, инв. № 14). В Чернореченском могильнике для захоронения умерших по обряду трупосожжения одновременно с амфорами в качестве урн использовались большие лепные сосуды. В погребении 10 (21) обнаружен лепной плоскодонный кувшин с шаровидным туловом и невысоким широким горлом. В погребениях 6 (15), 7 (16) и 25 (88) в качестве урн использовались массивные лепные плоскодонные горшки с шаровидным туловом и невысоким горлом. Полностью горло уцелело лишь у горшка из погребения 25 (88). Подобные большие горшки шарообразной формы распространены в Ново-Турбаслыньском могильнике, оставленном аланскими племенами, обитавшими на территории Башкирии [324, с. 118, табл. 1, 7]. Использование как погребальных урн лепных сосудов, близких по формам к сармато-аланской керамике, отмечено также в могильнике на территории совхоза «Севастопольский» и может быть рассмотрено в качестве одного из свидетельств совместного проживания и смешения различных этнических групп населения Юго-Западного Крыма III — первой пол. V в. К группе лепной керамики должны быть отнесены также распространенные в могильниках Юго-Западного Крыма мисочки в виде усеченного конуса (рис. 41, 10, 42, 7), иногда с загнутыми внутрь стенками, но частые находки подобных мисочек при исследовании различных как позднескифско-сарматских, так и античных памятников Северного Причерноморья, не позволяют отнести их к числу однозначных этнических признаков.

Некоторые лепные сосуды из могильников Юго-Западного Крыма позднеримского времени не находят аналогий среди сармато-аланской керамики. Так, в сарматской подбойной могиле 9 (35) Чернореченского могильника в комплексе с серолощенным кружальным кувшином черняховской

Рис. 41. Лепная керамика из могильников позднеримского времени Юго-Западного Крыма:

1—8 — Озерное III, склеп 1, подбойная могила 1, склеп 2 (раскопки И. И. Лободы); 9—11 — Чернореченский, подбойные могилы 9(35), 5(17), склеп 5(53) (раскопки В. П. Бабенчикова); 12 — Инкерманский, подбойная могила 24(26) (раскопки Е. В. Веймарна)

культуры найдены два небольших округлобоких горшка высотой 9,2 и 16 см и максимальным диаметром 16 и 12 см, со слегка отогнутыми наружу венчиками и тремя орнаментальными выпуклостями на тулове каждого из них (рис. 44). Украшение лепных сосудов такими выпуклостями характерно для керамики гето-даков [385, с. 63]. В подбойной могиле 154 на территории совхоза «Севастопольский» обнаружен небольшой лепной тюльпановидный горшочек (рис. 45, 1) с шершавой, желто-серого цвета поверхностью, близкий к формам тюльпановидных горшков северофракийского круга [489, с. 80—81, рис. 20], правда, без характерных орнаментальных налепов. В подбойных могилах 148 и 166 того же могильника обнаружены лепные толстостенные, с шершавой поверхностью чаша и кружка усеченно-конической формы с большими ручками, прикрепленными одним концом ко дну, а другим — к венчику (рис. 45, 2—3). Сосуды этого

типа также относятся к керамике северофракийского круга [489, с. 84—88, рис. 26—28; 385, с. 63, рис. 5, 13].

По наблюдениям исследователей, лепная керамика фракийского типа встречается в памятниках Северного Причерноморья первых веков н. э. и отражает процесс проникновения фракийских племен в междуречье Днестра и Днепра [188, с. 119—134]. Она зафиксирована также в могилах западных сарматов [478, с. 261—262; 385, с. 63, рис. 5, 7, 13]. Подобные находки свидетельствуют о близком контакте этих племен с гетами, даками и карпами в низовьях Днестра и Дуная, в долине р. Прут, где присутствие различных сарматских (в том числе и аланских) этнических групп засвидетельствовано письменными и археологическими источниками [478, с. 260—263; 252, с. 229; 251, с. 63—64; 279, с. 139; 204, с. 3—58; 385, с. 27—70; 217, с. 83—92]. Здесь же, в Северо-Западном Причерноморье, большие группы сарматских племен вступили в контакт с носителями черняховской культуры и, судя по особенностям погребального обряда части черняховских некрополей, восприняли эту культуру, вошли в состав готского союза племен и приняли участие в грабительских походах. О западном происхождении сарматов, погребенных в Юго-Западном Крыму в позднеримское время, могут свидетельствовать грибовидные янтарные подвески, широко представленные в погребениях с труположениями на территории совхоза «Севастопольский» (могилы 34, 36, 56, 68 (8), 81, 155, 166, 168а, 177, 192, 195, 212, 220, 266) и отмеченные в Чернореченском (подбойная могила 2) и Инкерманском (склеп 7) могильниках [277, с. 151—152; 116, с. 92, табл. 3, 17—18; 161, с. 40, рис. 11, 2] (рис. 28, 5).

К сармато-аланским этническим признакам из могильников Юго-Западного Крыма следует отнести также серебряные и бронзовые височные кольца с 14-гранниками. По шесть экземпляров таких привесок обнаружено в могильниках Скалистинском (рис. 46, 2—5) и у высоты «Сахарная головка», по одному — в склепах могильников Суук-Су и Узень-Баш. Четыре височные привески с 14-гранниками найдены при исследовании Херсонесского некрополя [522, с. 279, рис. 143, 1—4]. Височные кольца такого же типа известны в аланских могильниках Северного Кавказа [214, с. 131]. По мнению Д. М. Атаева, раньше всего их начали изготов-

Рис. 42. Лепная керамика из Скалистинского могильника (раскопки Е. В. Веймарна):

1 — склеп 153; 2 — склеп 443; 3 — склеп 490; 4 — склеп 421; 5 — склеп 101; 6 — склеп 107; 7 — склеп 190; 8 — склеп 278а; 9 — склеп 350

лять на территории Дагестана, затем они распространяются среди аланов на остальной части Северного Кавказа и вместе с аланами появляются в Крыму, Центральной и даже Западной Европе в период великого переселения народов [112, с. 231—235]. Височные привески данного типа были прототипами более сложных, больших (диаметром до 10—12 см) височных колец, как правило, из драгоценных металлов, с напаянной на конце полой 14-гранной бусиной, инкрустированной вставками разных цветов. Больше всего таких височных колец найдено пока в могильниках Суук-

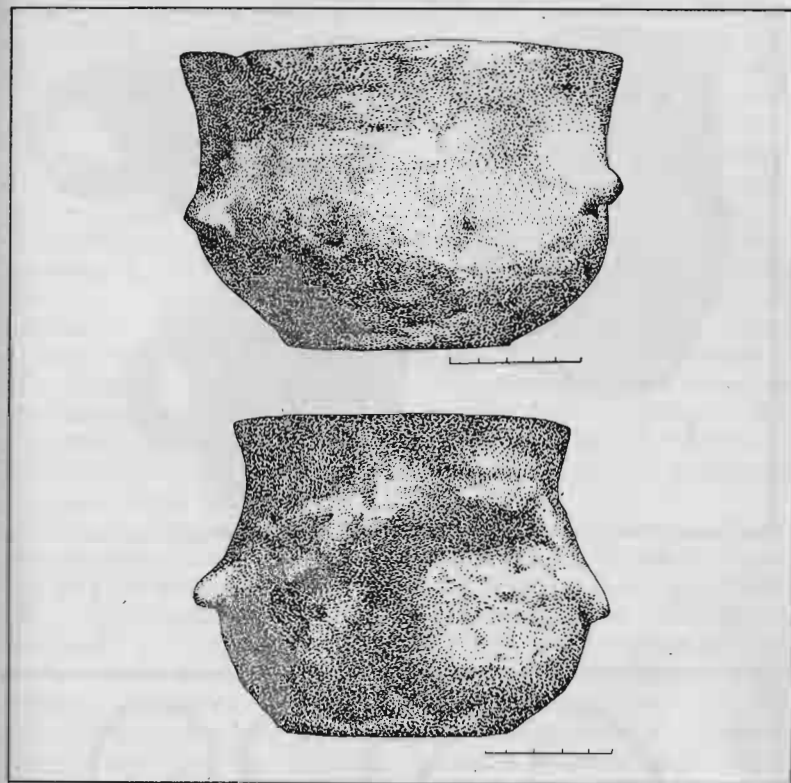
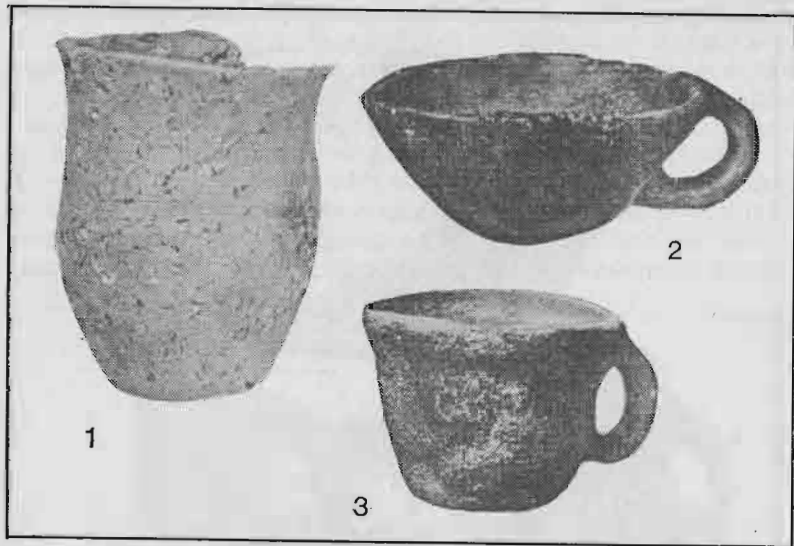

Рис. 44. Лепная керамика северофракийского типа из подбойной могилы 9 (35) Чернореченского могильника (раскопки В. П. Бабенчекова)

Су и Артек, причем в пяти погребениях они обнаружены в комплексе с орлиноголовыми пряжками и парными большими двупластинчатыми (в одном случае — парными пальчатыми) фибулами от женского костюма [373, с. 12, 16, 19, 23, 25, рис. 5, 6, 10, табл. 1, 5, 13, 17—19]. Такое сочетание аланских и германских черт в убранстве женщин VI—VII вв., зафиксированное и в могильниках у с. Лучистое [87, с. 239; 88, с. 255] и в Симеизе, может свидетельствовать о разноэтничности населения. Два парных височных кольца

Рис. 43. Лепные кувшины с биконическим туловом и большими ручками, заканчивающимися отростками в виде стилизованных лап животных:

1 — Мангуш; 2 — Хмельницкое; 2—4 — Скалистинский, склеп 421 и случайная находка (раскопки Е. В. Веймарна)

с инкрустированными 14-гранными бусинами найдены в подбойной могиле 41 могильника у высоты «Сахарная головка» и одно — в склепе 65 Эски-Керменского могильника.

В погребальных памятниках Юго-Западного Крыма III — первой пол. V в. найдено много оружия, больше всего — в Инкерманском и Озерное III. Предметы вооружения найдены также в некоторых мужских погребениях могильников Бельбек I, Чернореченского и на территории совхоза «Севастопольский». Это, в первую очередь, железные двулезвийные мечи и кинжалы без металлического навершия, часто — с треугольным основанием, иногда — с боковыми вырезами у пяты клинка. 16 таких мечей и кинжалов обнаружено в Инкерманском могильнике, девять — в Озерном III, четыре — в Бельбек I, три — в Чернореченском, два — на территории совхоза «Севастопольский». Оружие такого типа характерно для позднесарматских (II—IV вв.) памятников и является одним из элементов сармато-аланской культуры данного этапа [485, с. 15—17, 115—117].

Таким образом, типы погребальных сооружений, обряд захоронения и те элементы материальной культуры, которые могут указывать на этническую принадлежность погребенных, свидетельствуют о том, что значительная часть населения Юго-Западного Крыма в III—IX вв. состояла из сармато-аланов. Правда, кроме сармато-аланских особенностей обряда захоронения, в ряде могил на территории совхоза «Севастопольский» зафиксированы черты, присущие греческому погребальному ритуалу (детские погребения в амфорах). Они обнаружены в девяти подбойных и семи грунтовых могилах. Горла амфор с детскими костяками были, как правило, закрыты миской, обломком другой амфоры или камнем. Изредка амфоры обкладывались камнями. Такие же детские погребения в амфорах характерны для некрополя Херсонеса. Впрочем, в могильнике на территории совхоза «Севастопольский» этот обряд сочетался с другими негреческими деталями погребального ритуала. Так, девять захоронений в амфорах совершены в типичных для сарма-

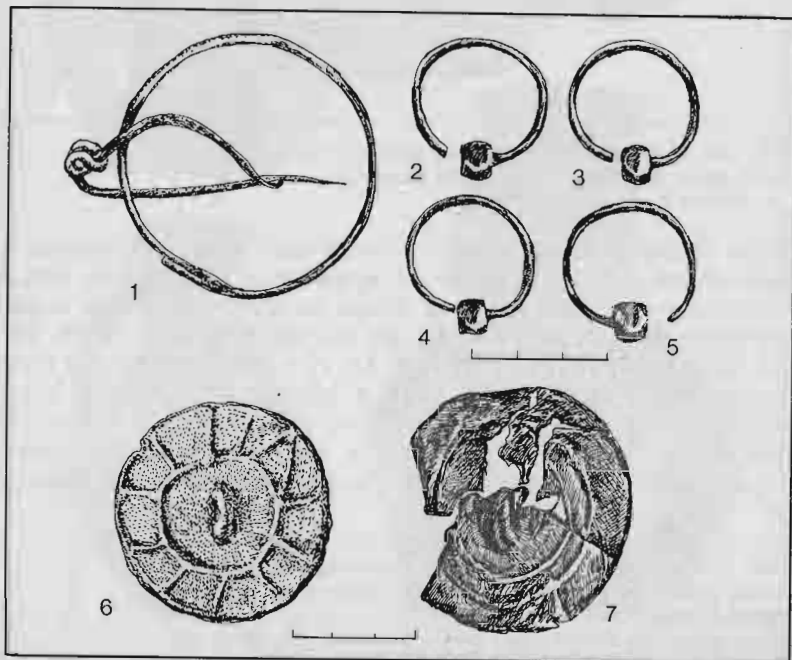

Рис. 45. Лепная керамика северофракийского типа из могильника на территории совхоза «Севастопольский» (раскопки С. Ф. Стржелецкого):

1 — подбойная могила 154; 2 — подбойная могила 154; 3 — подбойная могила 166

Рис. 46. Предметы из погребений Скалистинского могильника (раскопки Е. В. Веймарна):

1 — подбойная могила 481; 2—5 — подбойная могила 490; 6 — подбойная могила 481; 7 — склеп 434

тов подбойных могилах. В могиле 127 детское погребение в амфоре находилось в одном подбое с костяком взрослого, вытянутого на спине с положенной на таз кистью руки. Сочетание в одном подбое детского погребения в амфоре и вытянутого на спине скелета взрослого отмечено и в подбойной могиле 87; в амфоре, кроме двух детских костяков, зафиксированы остатки трупосожжения. Захоронение двух детей вместе с остатками трупосожжения обнаружено также в подбойной могиле 96.

Таким образом, в могильнике на территории совхоза «Севастопольский» наблюдается сочетание различных погребальных традиций. Наличие детских погребений в амфорах (в первую очередь — в сарматских подбойных могилах) мы склонны рассматривать как результат эллинизации варваров Северного Причерноморья, имевшей глубокие корни. Хорошо, например, известен факт эллинизации сарматов в Боспорском царстве [216, с. 79]. Частичное оседание сарматов происходило в местах их контакта с земледельческим населением Прикубанья, античных городов Северного Причерноморья, Подунавья. Позднеантичная культура оказала существенное влияние на быт и погребальный обряд западных сарматов, в могильниках которых (так же, кстати, как и в могильниках Юго-Западного Крыма) обнаружено большое количество античных вещей, вымеченных или захваченных в греческих городах Северо-Западного Причерноморья и римских провинций [385, с. 61—62]. Возможно, именно с такими сарматами объединялись дружины германцев для совместного участия в грабительских походах. Следует, правда, отметить, что детские погребения в амфорах (как и использование оссуариев и ритуальных урн-сосудов херсонесского производства при трупосожжениях, широкое распространение античных вещей в могилах и т. п.) являются отражением сильного культурного влияния Херсонеса на соседних с ним варваров.

Антропологические материалы из могильников Юго-Западного Крыма обработаны, к сожалению, еще далеко не полностью. Изученные же краниологические серии свидетельствуют о значительном морфологическом сходстве черепов из Инкерманского, Чернореченского, Чуфут-Кале, «Сахарная головка», Скалистинского и других могильников этой части полуострова [424, с. 126; 235, с. 60]. По мнению К. Ф. Соколовой, черепа из Чернореченского и Инкерманского могильников ближе к черепам из некрополей нижнеднепровских позднескифских городищ, чем к черепам из Неаполя скифского. Правда, при сравнении краниологических серий из могильников III—IX вв. Юго-Западного Крыма с

сериями черепов из Неаполя скифского и Нижнего Поднепровья [424, с. 125—127; 423, с. 68—70] следовало, по нашему мнению, учитывать значительную сарматизацию позднескифского населения в первые века н. э., смешанные браки [189, с. 175—180; 253, с. 37—39; 254, с. 70—71] и возможную ассимиляцию части населения позднескифского царства (в первую очередь, вероятно, женского) пришлыми племенами готского союза*. С определенной осторожностью следует сравнивать эти серии с сериями из Херсонеса (в частности, из некрополя у крестообразного храма, антропологический материал которого был сопоставлен К. Ф. Соколовой с черепами из Чернореченского и Инкерманского могильников) [424, с. 126].

Интенсивное проникновение сармато-аланов в среду населения Херсонеса во II—IV вв. отчетливо прослеживается по типам погребальных сооружений, особенностям обряда захоронения и обычаю искусственной деформации черепов [237, с. 42—46; 238, с. 68—73; 239, с. 69—82; 241, с. 39—54; 163, с. 5—17]. Г. П. Зиневич сравнивает палеоантропологический материал из могильников Инкерманского, Чернореченского и у высоты «Сахарная головка» с черепами из средневекового Херсонеса XI—XIII вв. [234, с. 67]. Основным же выводом Г. П. Зиневича о генетической преемственности позднескифского и раннесредневекового населения Юго-Западного Крыма [235, с. 60—61], несомненно, сделан под влиянием точки зрения Е. В. Ваймарна, которой до сих пор придерживаются антропологи [340, с. 104—105]. Вместе с тем К. Ф. Соколова отмечает, что брахикранные узколицые черепа, которые происходят главным образом из склепов Инкерманского и Чернореченского могильников, находят аналогии на Северном Кавказе [424, с. 125], что еще раз подтверждает аланское происхождение этих склепов. При изучении краниологических серий из некрополя у высоты «Сахарная головка», сходных с сериями из синхронных ран-

* Косвенным доказательством процесса ассимиляции могут служить находки в могильниках III — первой пол. V в. целого ряда украшений и амулетов, распространенных в крымских скифо-сарматских некрополях I—III вв. Показателен в этом отношении сохранившийся обычай соединения фибулы с перстнем (Ай-Тодорский могильник, погребение 34) или браслетом (могильники Чернореченский, Скалистинский, у совхоза «Севастопольский»), характерный для памятников предшествующего периода [348, с. 129]. Частичная ассимиляция этнически уничтоженного населения, по мнению Д. Л. Талиса, обусловила существование винодельческого комплекса на Бакле в самый начальный период жизни на городище (не позднее IV—V вв.), что может указывать на длительную производственную и культурную традицию, несвойственную новому населению [461, с. 57].

несредневековых могильников Юго-Западного Крыма, а также близких к одному из типов черепов, обнаруженных в подбойных могилах Чернореченского могильника, К. Ф. Соколова установила их сходство с черепами сармато-аланского типа из могильников в районе Волго-Донского канала, с долихокранной серией из Верхне-Салтовского могильника (снова-таки аланской), а также с черепами из могильников черняховской культуры Поднепровья [424, с. 129]. О сармато-аланской принадлежности раннесредневекового населения Юго-Западного Крыма свидетельствуют, как мы уже отмечали, черепа с искусственной деформацией.

Таким образом, археологический и антропологический материал из могильников Юго-Западного Крыма убедительно свидетельствует о преобладании в этой части полуострова в позднеримское и раннесредневековое время сармато-аланского населения. Средневековые письменные источники также сообщают о проживании алан в Крыму. Так, по данным источника XIII в. — «Аланского послания» епископа Феодора, «близ Херсона живут аланы столько же по своей воле, сколько и по желанию херсонцев, словно некое ограждение и охрана» [286, с. 17]. В этом же «Послании» аланы упоминаются и среди жителей Херсона [286, с. 18; 516, с. 35]. Арабский писатель Мухин-аддин ибн Абдазахир в отчете дипломатической миссии египетского султана Бибарса I в 1263 г. сообщает, что в городе, называемом Крым (Солхат) проживают кыпчаки, русские и аланы [367, с. 50]. Арабский географ Абульфедя в землеописании, оконченом в 1321 г., указывает, что «Керкер или Керкри (Чуфут-Кале)... находится... в стране Асов», причем его «жители принадлежат к племени Асов...» [516, с. 30—31; 247, с. 309, примеч. 447]. «Страна асов», т. е. западная гористая часть Крыма, где расположен главный город «страны» — Кырккер, упоминается и в географическом справочнике ал-Калкашанди, оконченом к 1412 г. [367, с. 35]. И, наконец, приведенный в главе 3 данной монографии труд Иосафата Барбаро «Путешествие в Тану» — источник сер. XV в. — свидетельствует об аланском населении Западной Таврики, о смешении готов с аланами [8, с. 157].

Итак, по данным письменных и археологических источников, аланы составляли значительную часть населения Крыма от позднеримского периода (сармато-аланы) вплоть до позднего средневековья (аланы, асы, готаланы).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем основные итоги нашего исследования, формулируем выводы по каждому разделу и в обобщенной форме раскроем узловые проблемы этнической истории Крыма III—IX вв., которые еще до недавнего времени не выходили за пределы сугубо научных дискуссий. Это поможет читателям составить целостное впечатление о сложных процессах формирования этнического состава населения раннесредневековой Таврики, которые уходили своими корнями в позднеримское время и протекали в бурный период великого переселения народов.

Указанный период в истории Крыма недостаточно полно освещен письменными источниками, к тому же некоторые из них (в первую очередь традиционные компилятивные сообщения позднеантичных и средневековых авторов о крымских таврах и скифах) нельзя признать достоверными. К таким сообщениям относится, например, упоминание о скифотавах у Гая Юлия Солина (III в.), который, по сути, кратко пересказал «Естественную историю» Плиния Старшего. Многие древние авторы, от Геродота и Еврипида (V в. до н. э.) до Евстафия Фессалоникского (XII в. н. э.), пересказывают или упоминают легенду об Ифигении в Тавриде и человеческих жертвоприношениях у тавров. Эти мифологические сообщения содержатся также в трудах историков и писателей позднеримского периода и раннего средневековья Флавия Филострата, Оригена, Л. Цецилия Фирмиана Лактанция, Григория Богослова, Аммиана Марцеллина, Павла Орозия, Псевдо-Арриана, Прокопия Кесарийского. Перечисленные Аммианом Марцеллином племена «тавров» (арихи, синхи, напей) «позаимствованы» из более древних источников и вообще никакого отношения к Таврике не имеют. Псевдо-Арриан почерпнул характеристику тавров у Скимна Хиосского.

Сквозь призму всех этих компиляций мы должны рассматривать и сообщение Прокопия Кесарийского о том, что «всю страну (Крым.— И. П.) занимают скифы и тавры», тем более, что в труде этого же автора «О постройках» упоминание «за таврами и тавроскифами» носит скорее географический, чем этнический характер и употреблено для разъяснения местоположения Боспора и Херсона. Название «тавроскифы» в период средневековья становится географическим термином. Именно в таком значении («земля тав-

роскифов» и «страна тавроскифов») он употреблен в «Житии Иоанна Готского» и «Житии св. епископов Херсонских». В результате архаизации этнонима в X—XIII вв., византийские авторы Лев Диакон, Иоанн Киннам, Никита Хониат «таврами», «тавроскифами», «Тавроскифией» называли русов и государство Русь.

Таким образом, упоминания о таврах, скифотаврах и тавроскифах в трудах позднеантичных и средневековых авторов не могут служить источником по современной их авторам этнической истории населения Крыма. Верхняя дата бытования культуры древних тавров определяется IV—III вв. до н. э. Если даже предположить, что крымские тавры продолжали существовать до первых веков н. э., то наиболее вероятная причина их исчезновения, по мнению В. Н. Дьякова,— агрессивная политика Рима в Крыму. Смена же большей части населения многих районов полуострова, в том числе уничтожение населения т. н. позднескифского царства в Крыму, связана с разрушительными по своей силе и размаху грабительскими походами разноэтничных племен готского союза. Дата гибели городищ и селищ в предгорье Юго-Западного Крыма в III в. убедительно подтверждается закрытыми комплексами археологических находок из внезапно разрушенных зданий в Неаполе скифском, Алма-Кермене, Усть-Альминском городище. Дату гибели поселений подтверждают также клады длительного накопления, которые состоят из серебряных римских монет, зарытых не позднее первой четв. III в. в связи с угрозой нападения готских дружин. Не противоречит этой дате и массовый археологический материал из верхних слоев всех позднескифских городищ и селищ Крыма. В это же время прекращают функционировать и многие могильники: некрополь Неаполя скифского, могильник у с. Заветное, Усть-Альминский, Бельбек II, III, IV, Озерное I, II и др. Никаких достоверных следов скифской культуры в Крыму в последующие века не прослеживается.

Не имеют права на существование и высказывавшиеся в литературе тенденциозные точки зрения об автохтонном происхождении славян в Крыму (П. Н. Надинский, П. Н. Шульц) и о ранней колонизации Крыма славянами (Е. В. Веймарн, С. Ф. Стржелецкий, В. П. Бабенчиков и др.). Мы не располагаем ни письменными, ни археологическими данными, подтверждающими указанные теории.

История Крыма с III в. была непосредственно связана с теми этническими процессами, которые протекали в Северном Причерноморье в позднеимперское время и начальный период великого переселения народов. Проникновение в

Северное Причерноморье различных германских племен или их отдельных дружин засвидетельствовано письменными источниками. Больше всего сведений сохранилось о готах, которые были наиболее известны среди восточных германцев. В Северном Причерноморье готы возглавили обширный союз племен, упоминавшийся Иорданом и Аммианом Марцеллином и достигший наибольшего могущества при «короле» Германарихе в IV в. Причем готы могли распространить свое имя и на другие племена, входившие в это объединение. После гуннского нашествия часть готов, по словам Иордана, «осталась в той же стране», т. е. в Северном Причерноморье.

Кроме готов, письменные источники сохранили названия других варварских племен северного и западного происхождения, проникавших в Северное Причерноморье. Вторжение боранов из Боспора в Малую Азию, грабительский поход боранов и готов на Питуунт и Трапезунт описывают Зосим и епископ Неокесарии Григорий. Иордан помещает близ Меотийского озера германское племя гелуров (элугов) — герулов (эрулов), а Агафий — вуругундов (уругундов.).

Археологическим отражением проникновения племен готского союза является распространение в Северном Причерноморье памятников черняховской культуры, участие германцев в сложении которой не вызывает сомнения у многих исследователей. В настоящее время в Северном Причерноморье открыто более десятка могильников данной культуры, в которых отразился процесс смешения населения северо-западных областей (скорее всего, германцев) с сармато-аланами. Именно из Северного Причерноморья разноэтничные дружины совершали свои морские грабительские походы, и именно с готскими войнами, очевидно, следует связать проникновение племен готского союза на Крымский полуостров.

В кон. IV в. гунны, подчинив часть аланов, разгромили готский союз племен. Это событие, отраженное в произведениях древних авторов (Аммиан Марцеллин, Евнапий, Павел Орозий, Созомен, Зосим, Иордан, Прокопий Кесарийский, Агафий и др.), хронологически совпадает с прекращением существования большей части поселений черняховской культуры. Гуннским нашествием, очевидно, был охвачен и Крымский полуостров. Правда, Аммиан Марцеллин и Евнапий, современники тех грозных событий, ничего не говорят о гуннах в Крыму, зато раннесредневековые авторы единодушно пересказывают легенду, созданную на основе античного мифа, о переходе гуннов через устье Меотийского озера вслед за ланью или оленем. Наиболее же правдопо-

добным сообщением о движении части гуннов через Крым является рассказ Прокопия Кесарийского о гуннах-утигурах, которые ранее жили за Меотидой и приняли участие в гуннском нашествии. После распада «державы» Атиллы гунны-утигуры, по словам Прокопия, вернулись домой «через пролив и поселились за Меотидским озером». По сообщению Прокопия Кесарийского, гунны занимали пространство между Боспором и Херсоном.

С гуннами в первую очередь связывают одиночные погребения IV—V вв. с инкрустированными диадемами (с. Марфовка близ Керчи, Керчь, с. Миролюбовка Красногвардейского р-на), а также с украшениями полихромного стиля и останками коня (пос. Портовое Раздольненского р-на, пос. Чикаренко Октябрьского р-на, гора Клементьевка у Феодосии, близ Донузлавского озера).

По сообщению Прокопия Кесарийского, в Восточном Крыму, «недалеко от Мэотийского Болота» «с древнейших времен» (вероятно, с III в.) до возвращения гуннов-утигуров (скорее всего, до V в.) жили «так называемые готы-тетракситы». Вступив с гуннами-утигурами в переговоры, готы и возвращавшиеся гунны совместно перешли пролив. Готы-тетракситы поселились «на противоположном материке у самого берега пролива».

По наблюдениям А. А. Васильева, в гораздо большем количестве рукописей труда Прокопия употреблено название «готы-трапезиты» (*τροπαιζῖται*) которые, по нашему мнению, можно связать с известным походом варваров (боранов и готов) на малоазийский Трапезунт. Отдельные археологические находки — керамика и фибулы черняховской культуры, умбоны т. н. пшеворского типа и рукоятки от деревянных щитов, раннесредневековые большие ромбические и орлиноголовые пряжки — подтверждают данные письменных источников о пребывании готов в Восточном Крыму.

Большая группировка племен готского союза сложилась в Юго-Западном Крыму. Источник VI в. — трактат Прокопия Кесарийского «О постройках» — содержит сведения о готской хоре Дори, «где с древнейших времен живут готы» — федераты Византии, и император Юстиниан I для их защиты «укрепил все места, где можно врагам вступить, длинными стенами». Локализовать хору Дори, несомненно, следует в той части Таврики, где находится древний Дорос, так как греческие слова «δóρυ» и «δóροσ» означают одно и то же: «дерево» и все производные, а также «война», «вооруженные силы», «войско». Не исключено, что «χώρα δόρυ» — это область вооруженных сил, союзных с империей, область, которая, по сообщению Прокопия, выставляла при

необходимости «три тысячи бойцов». Политическим центром этой области, скорее всего, был понтийский «oppidum Dori» (Дору), упомянутый Присцианом.

Название «Дори» («Dori») и «область готов» («Getho Githorum») значатся также в перечне древних городов «Босфоританской страны», составленном т. н. Равенским Анонимом. Причем Дори поставлено рядом с Херсоном. В актах Трульского пятого-шестого собора в Константинополе (692 г.) упоминается епископ Херсона хоры Дораса Георгий, из чего следует, что область крымских готов непосредственно примыкала к Херсону. В «Бревиарии» Никифора и «Хронографии» Феофана под 704/705 гг. описано бегство низложенного византийского императора Юстиниана II из Херсона в Дорос. По Никифору, сторожевое укрепление Дорос расположено в готской области. В «Житии Иоанна Готского» при описании антихазарского восстания, поднятого в 787 г. владетелем Готии и населением этой хоры, говорится о крепости Готии под названием Дорос, захваченной хазарами. Дорос как центр епархии Готии значится в списке епархий Константинопольского престола VII в., составленном де Боором на основании рукописи XIV в. Таким образом, oppidum Dori (δóρυ) — χαστρον δόροσ — это политический центр готской области в Крыму, «хоры Дори» Прокопия Кесарийского. Локализовать Дори-Дорос на Мангуле позволяют эпиграфические и письменные источники. Так, плита с надписью 1427 г. из Партенита называет архиепископа города Феодоро (т. е. Мангула) и всей Готии Иоанна, известного по «Житию Иоанна Готского», в котором фигурирует и главный город Готии Дорос.

Одноименность «оппидума Дори» Присциана и «хоры Дори» Прокопия Кесарийского позволяет поставить вопрос о том, что Дори-Дорос и «длинные стены» следует искать там, где сохранились хоть какие-нибудь следы строительной деятельности Юстиниана I. Единственная в Крыму строительная надпись с именем этого императора найдена на Мангуле. Сооружение самой ранней линии стен, обеспечивавшей оборону всего плато, может быть отнесено к VI в., т. е. ко времени строительной деятельности Юстиниана I. Причем наиболее ранние стены Мангула располагались не по краю плато, а на склонах, загораживая легкодоступные места, что может быть в определенной мере согласовано с сообщением Прокопия о том, что «эти люди не терпят быть заключенными в каких бы то ни было стенах». Не исключено, что Прокопий Кесарийский объединил описание защитных сооружений оппидума Дори, который «лежит на возвышенности», и всей его хоры, которая «не камениста и

не суха». В определенной степени это соответствует природным данным земледельческого района Юго-Западного Крыма.

Остатки «длинных стен», загораживавших проходы между столовыми горами, открыты вблизи Мангупа. Обнаружить же все участки самой ранней системы обороны Юго-Западного Крыма ранневизантийского времени вряд ли представляется возможным, так как квадры от этих стен могли служить в средние века прекрасным строительным материалом при сооружении крепостей и укреплений.

Данные археологических исследований Мангупа не противоречат точке зрения о локализации здесь древнего Дори-Дороса. Повсеместно встречающиеся находки позднеримского и раннесредневекового времени убедительно свидетельствуют о существовании на Мангупе большого поселения этого времени, которое было защищено стенами во времена Юстиниана I.

Кроме раннесредневековых оборонительных стен Мангупа, приблизительно к этому же времени (не позднее VI в.) может быть отнесено сооружение раннесредневековой линии обороны Каламиты и византийской крепости Эски-Кермен, культурный слой и раннесредневековый могильник которой убедительно свидетельствуют о постоянном местном населении, вероятно, выполнявшем функции византийского гарнизона. Не позднее VI в. первая оборонительная стена была сооружена на Бакле. Поселение на Бакле, как и на Мангупе, возникло в III—IV вв. Его основание синхронно с приходом в Юго-Западный Крым нового населения, оставившего могильники сер. III—первой пол. V в.

Нижние ярусы Средней оборонительной стены Чуфут-Кале, три византийско-коринфские мраморные капители VI в., подъемный материал с плато и большой раннесредневековый могильник VI—IX вв. на склоне Чуфут-Кале, разрозненные фрагменты керамики V—VII вв. и вырубленный в скале раннесредневековый храм из Тепе-Кермена, а также использованные при строительстве Сюреньского укрепления крупные блоки известняка от более ранней постройки и т. п. могут, по нашему мнению, свидетельствовать о том, что в сооружении оборонительных строений византийского времени на Чуфут-Кале, Тепе-Кермене и Сюрени было по крайней мере два строительных периода с большим хронологическим разрывом между ними.

Отсутствие у Прокопия Кесарийского упоминаний о возведении крепостей и убежищ в Юго-Западном Крыму наряду с описанием укрепления Дори может быть объяснено словами самого Прокопия: «Я хорошо знаю, что многое я

пропустил в своем рассказе, или незамеченное вследствие огромного количества его [Юстиниана I] построек, или просто оставшееся мне неизвестным». Тем более что их строительство могло завершиться уже после написания Прокопием трактата «О постройках». Но кроме этого трактата не сохранилось ни одного источника раннесредневекового времени, который бы свидетельствовал о сооружении столь мощной по своей протяженности разнохарактерной линии обороны, включавшей в себя большие крепости-городки, малые крепости, укрепления и убежища для местных жителей — федератов империи. Именно такие, разные по своему назначению и размерам сооружения были сосредоточены в Юго-Западном Крыму. Собственно, от их назначения и зависят толщина и характер культурного слоя, тем более что уже в последние годы царствования Юстиниана I не только угасает строительство оборонительных систем по границам империи, но и перестают функционировать многие укрепления. Правда, часть таких укреплений переходила в собственность местных жителей. Так, вероятно, было и в Юго-Западном Крыму уже с сер. VII в. и особенно во времена хазарского влияния.

В сер. VII в., по сообщению Анастасия Библиотекаря, сосланные в Херсон братья Федор и Евпрепий часто отправлялись в укрепления соседних племен. По Феофану, «жители тех крепостей» жили в нач. VIII в.; Никифор называет «архонтов тех областей». Унификация роли таких крепостей как социальных и политических центров, заселение их постоянными жителями происходило в процессе развития феодальных отношений. Некоторые пограничные крепости, имевшие особое стратегическое значение, после фемного устройства империи составляли небольшие управления, называвшиеся клисурами. Они управлялись клисуархами. Не исключено, что при описании антихазарского восстания 787 г. под Клисурами, упомянутыми в «Житии Иоанна Готского» одновременно с Доросом, подразумевались крепости Юго-Западного Крыма. В сер. X в. «города климатов» упоминаются Константином Багрянородным наряду с Херсоном и Боспором. На рубеже XI—XII вв. воздвигаются новые оборонительные сооружения Чуфут-Кале и Сюрени, строительство которых Д. Л. Талис связывает со временем укрепления позиций Византии в Северном Причерноморье при Алексее I Комнине (1081—1118 гг.). Их сооружение, по нашему мнению, могло осуществляться на месте давно заброшенных укреплений или убежищ времен императора Юстиниана I, возможно, с использованием какой-то части старых блоков известняка.

Кроме строительства крепостей, в VIII—IX вв. в результате переселения иконопочитателей возникают пещерные монастыри (Инкерман, Чильтер, Шулдан, Качи-Кальон и др.). Одновременно с византийцами в VIII—IX вв. в Крым переселяются группы ранних болгар, принесших с собой некоторые элементы салтово-маяцкой культуры.

Переселение в Юго-Западный Крым византийцев, постепенное восстановление в Крыму власти Византии после хазарского владычества, усиление культурного влияния империи, деятельность византийской христианской церкви нашли отражение в распространении названия «греческие христиане» или просто «греки» и «гречане», неоднократно употреблявшегося позднесредневековыми авторами по отношению к части населения горного Крыма. Вместе с тем на протяжении всего средневековья употреблялись названия «готы» и «Готия» (Вильгельм де Рубрук, Джованни Монтекорвино, Шлецер, Иоганн Шильтбергер, Иосафат Барбаро, Матвей из Мехова, Бусбек и др.). Бусбек в сер. XVI в. записал 68 слов из языка крымских готов, которые, по мнению В. Н. Топорова, могут быть отнесены к крымско-готскому диалекту.

Сведения о времени проникновения в Юго-Западный Крым племен готского союза, известных под общим названием «готы», их этническом составе и территории расселения могут предоставить могильники позднееримского и раннесредневекового времени. Это, в первую очередь, некрополи с трупосожжениями сер. III — первой пол. V в., для которых характерно разнообразие черт погребального обряда: на территории совхоза «Севастопольский», Чернореченский, Бельбек I, т. н. «могильник Бертъе-Делагарда» вблизи р. Черной, Ай-Тодорский, Чатырдагский. Причем могильники Чернореченский, Бельбек I и на территории совхоза «Севастопольский» — разноэтнично-биритуальные. Кроме трупосожжений, в них распространены захоронения с трупоположениями, в которых доминировали сармато-аланские погребальные традиции.

Могилы с трупосожжениями разделяются на урновые (урны установлены в каменные ящики, обложены плоскими камнями или просто положены в ямы) и безурновые (в небольших ямах). Отмеченные в погребениях конструкции и детали обряда — обкладка урны камнями; трупосожжение под каменным закладом; размещение урны на каменной вымостке-площадке; покрытие горла урны миской, фрагментом сосуда или камнем; расположение урны вверх дном; наличие сосуда-приставки; сжигание всех вещей погребального инвентаря вместе с покойником; сыпание в

урну или ямку кальцинированных костей вместе с остатками погребального кострища и побывавшими в костре вещами; посыпание урны остатками кострища и фрагментами разбитых обгоревших сосудов; преднамеренно разбитые в древности урны; ритуальная порча заупокойного инвентаря (в том числе меча из Чатырдагского могильника); расположение на территории могильников ям-тризн — характерны для памятников позднееримского времени Скандинавии, вельбаркской, пшеворской и черняховской культур. В Скандинавии до позднееримского времени бытуют даже каменные ящики с трупосожжениями, сосуществуя с урнами, обставленными камнями. Правда, следует также иметь в виду, что кремация как в каменных ящиках, так и в урнах, накрытых мисками и фрагментами сосудов, реже — трупосожжения в ямках характерны и для гето-даков, входивших вместе с сармато-аланами и другими племенами в готский союз и принимавших активное участие в готских походах.

Направление проникновения пришлого населения в Крым в позднееримский период помогают установить находки вещей черняховской культуры. К группе этих находок из разноэтничных варварских могильников Крыма, а также Боспора и Херсонеса относятся сероглиняная гончарная керамика (биконические миски, кубки, кувшины, трехручные вазы); предметы вооружения (умбоны, рукоятки от щитов, боевые топоры и т. п.); обломки костяных многочастных гребней с циркульным орнаментом; пирамидальные костяные подвески с кружальным орнаментом; двучленные прогнутые подвзные фибулы разных вариантов, среди которых выделяются две фибулы скандинавского типа с декоративным зерновым кольцом (могильник у совхоза «Севастопольский») и кнопкой на головке (Скалистинский могильник); двупластинчатые фибулы разных вариантов, пряжки и другие предметы убора. Попадая в среду развитого товарного производства, племена готского союза начинают пользоваться преимущественно античными вещами, что нашло отражение в инвентаре могильников позднееримского периода. Установить время проникновения этих племен в Крым, кроме хронологизации некрополей, помогают клады антонинианов быстрого накопления, один из которых, заканчивающийся монетами Галлиена (253—268 гг.), найден на Керченском полуострове, второй, заканчивающийся монетами Деция Младшего (251 г.) — в Юго-Западном Крыму. В состав последнего входила и серебряная фибула III в. придунайского типа, позволяющая связать данный клад, как и многие провинциально-римские монетные клады это-

го времени, с военной добычей племен готского союза, захваченной в результате успешных действий против Римской империи. Ай-Тодорский клад IV—V вв. содержит три медных подражания монетам «лучистого типа», которые, по мнению В. А. Сидоренко, могут свидетельствовать о переселении из Центральной Европы в Крым примерно в нач. V в. какой-то группы варваров. Значительное количество монет и античных вещей в инвентаре крымских могильников позднеимперского времени указывает на то, что население, оставившее эти памятники, обитало и действовало на территории, где были развиты товарно-денежные отношения. Сосредоточение могильников сер. III — первой пол. V в. в Херсонесской округе, на Ай-Тодоре, южном склоне горы Чатырдаг, т. е. в стратегически важных районах, вряд ли было случайным. Не исключено, что Херсонес и Римская империя уже от времен Константина I стремились использовать разноэтничные племена готского союза для контроля над военно-политической обстановкой в Таврике. Возможно, именно такая политика позволила Херсону уцелеть в эти бурные времена.

Обряд трупосожжения во всех крымских могильниках полностью исчезает с V в., очевидно, под влиянием христианства. С кон. V в. в могильнике у высоты «Сахарная головка» в Инкерманской долине в относительно небольшом количестве появляются мезодолихокранные грацильные узколицые черепа средиземноморского типа. Не исключено, что эти черепа могли принадлежать потомкам тех групп фракийцев, которые участвовали в грабительских походах готских племен, проникали в Крым в составе разноэтничных дружин и до нач. V в. кремировали умерших. Типичных же для германцев антропологических особенностей на территории Крыма пока не обнаружено. Если на исторической арене под именем «готы» выступали разноэтничные группы, то связать их с каким-то определенным антропологическим типом не представляется возможным.

В раннесредневековых могильниках на основе обряда трупоположения господствуют сармато-аланские погребальные традиции, что может свидетельствовать также о продолжении смешения готов с аланами. Правда, в женских погребениях многих могильников (Суук-Су, Артек, Кореиз, Лучистое, Скалистинский, Ароматнинский, Эски-Кермен, Терновка) и на Боспоре обнаружены большие орлиноголовые и ромбические пряжки кон. VI—VII вв. в комплексе с парными двупластинчатыми и пальчатыми фибулами, т. е. полные, по мнению А. К. Амброза, комплекты женского парадного костюма готов. Таким образом, крымские готы,

смешавшись с аланами и распространив свое имя на название населения и территории Юго-Западного Крыма, сохранили свой язык до XVI в. В результате такого смешения в XV в. появилось название «готаланы». Причем предки средневековых аланов, по свидетельству Аммиана Марцеллина, уже в позднеимперское время объединяли различные сарматские племена. Их разнообразные погребальные традиции представлены в крымских могильниках III—IX вв., особенно в юго-западной части полуострова. Поэтому полное отсутствие упоминаний об аланах в Крыму в раннесредневековых письменных источниках, связанное, очевидно, с употреблением собирательного названия «готы», в определенной степени компенсируется данными могильников. Открытые в них типы погребальных конструкций (склепы-катакомбы, подбойные могилы, могилы с заплечиками, узкие грунтовые и плитовые могилы), зафиксированные детали погребального обряда (захоронения в деревянных колодах, положение костяков с вытянутыми конечностями, иногда со скрещенными в голенях или подогнутыми в коленях ногами, размещение кистей рук на тазовых костях, подстилка из кошмы или травы, следы интенсивного горения в погребениях, куски обгоревшего дерева, подсыпка из древесного угля, покрытие дна могилы глиной и т. п.), искусственно деформированные черепа, лепная керамика сарматских типов (в том числе сосуд с зооморфной ручкой из Скалистинского могильника) и т. п. характерны для сармато-аланских могильников от Нижнего Поволжья до Среднего Подунавья. Антропологические исследования устанавливают сходство крымских краниологических серий с черепами сармато-аланского типа.

Крымские некрополи помогают также установить генетическую преемственность между переселившимися сюда в позднеимперское время группами племен и большей частью раннесредневекового населения Юго-Западного Крыма. Так, в Скалистинском и Лучистинском раннесредневековых могильниках обнаружены погребальные комплексы IV—V вв. При этом ранние погребения Скалистинского некрополя по форме конструкций и составу погребального инвентаря (полки вдоль задних стенок склепов или ниши в стенках, обилие керамики, преобладание захоронений в колодах, наличие погребений с оружием, черняховские вещи, идентичность форм лепной керамики и т. п.) очень сходны с погребениями близлежащего кладбища позднеимперского времени Озерное III. Скалистинский могильник находится вблизи Баклинского городища и, судя по синхронности ряда памятников, возможно, связан с ним.

Прямая связь между могильниками позднеантичного и раннесредневекового времени прослеживается по памятникам Инкерманской долины. Чернореченский могильник функционировал до VI в., в раннесредневековом же могильнике у высоты «Сахарная головка», расположенном на расстоянии всего лишь 0,5 км от некрополя на территории совхоза «Севастопольский», наблюдается характерная для более ранних памятников Инкерманской долины черта — преобладание подбойных могил (59,3 %), что существенно отличает их от других раннесредневековых могильников Юго-Западного Крыма. Кроме того, здесь открыты детские погребения в амфоре и амфора, обложенная камнями. Самые ранние погребения этого могильника датируются второй пол. V в. Возможно, он связан с раннесредневековым поселением у Загайтанской скалы.

Недалеке от Инкерманского могильника, на скале Монастырская, в VI в. возникает небольшая крепость Каламита, первый строительный период которой предположительно относится к эпохе Юстиниана I. Эски-Керменский могильник непосредственно связан с крепостью, также построенной в VI в. Могильник на склоне Чуфут-Кале синхронен раннесредневековым находкам и строительным остаткам, обнаруженным на плато. У подножия Мангупа начато исследование раннесредневековых катакомбных могильников. Могильник VI—VIII вв. у с. Большое Садовое в Бельбекской долине расположен в 2—2,5 км от Сюреньского укрепления. Не исключено, что именно политика Византии в Крыму в VI в., стабилизация положения в Юго-Западной горной Таврике способствовали резкому увеличению населения в этой части полуострова и, следовательно, появлению большого количества погребальных памятников, часть которых прямо или косвенно была связана с крепостями и укреплениями, располагавшимися во второй гряде Крымских гор, вдоль границы византийских владений в Крыму. К ним, вероятно, и тяготело оседлое население. Очевидно, это и были те самые «готы-федераты», которых упоминает Прокопий Кесарийский.

Таким образом, население Юго-Западного Крыма формируется в период походов разноэтничных племен готского союза, проникает на полуостров в основном из Северо-Западного Причерноморья и продолжает существовать здесь в раннее средневековье. В его состав входили различные группы готских и сармато-аланских племен, а также, возможно, потомки смешавшихся с ними северных фракийцев. Большую часть населения в период раннего средневековья несомненно составляли сармато-аланы.

1. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — 2-е изд. — Т. 21. — С. 23—178.
2. *Агафий.* О царствовании Юстиниана / Пер. В. М. Левченко. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. — 222 с.
3. *Аммиан Марцеллин* — Кулаковский Ю. А. Аммиан Марцеллин. История. — К.: Ун-т св. Владимира, 1907. — Вып. 2. — 284 с.
4. *Аммиан Марцеллин* — Кулаковский Ю. А. Аммиан Марцеллин. История. — К.: Ун-т св. Владимира, 1908. — Вып. 3. — 293 с.
5. *Анна Комнина.* Лексиада / Пер. Я. Н. Любарского. — М.: Наука, 1965. — 688 с.
6. *Аполлодор.* Мифологическая библиотека. — Л.: Наука, 1972. — 216 с.
7. *Афанасий Александрийский.* Речь против эллинов // SC. — Т. 1, ч. 3. — С. 682.
8. *Барбаро Иосафат.* Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статья, подгот. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. — Л.: Наука, 1971. — С. 113—187.
9. *Видукинд Корвейский.* Деяния саксов. — М.: Наука, 1975. — 272 с.
10. *Геродот.* История в девяти книгах. — Л.: Наука, 1972. — 600 с.
11. *Григорий Богослов.* Нонна. VII. Об убийстве иностранцев у тавров // SC. — Т. 1, ч. 3. — С. 715.
12. *Григорий Неокесарийский* — Сагарда Н. Святой Григорий Чудотворец, епископ Неокесарии: Его жизнь, творения и богословия. — Пг., 1916. — 156 с.
13. *Дексипп Афинянин* // Византийские историки / Пер. С. Дестуни-са. — СПб., 1860. — С. 1—56.
14. *Диодор Сицилийский.* Библиотека // SC. — Т. 1, ч. 2. — С. 457—479.
15. *Евнапий.* Продолжение истории Дексиппа // SC. — Т. 1, ч. 3. — С. 725—731.
16. *Евстафий.* Комментарии к «Землеописанию» Дионисия // SC. — Т. 1, ч. 1. — С. 187—209.
17. *Житие Константина* // Сказания о начале славянской письменности. — М.: Наука, 1981. — С. 70—92, 105—142.
18. *Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готии* / Пер. А. Никитского // ЗООИД. — 1883. — Т. 13. — С. 25—34.
19. *Зосим.* Новая история // SC. — Т. 1, ч. 3. — С. 787—810.
20. *Иоанн Каменшта.* Взятие Фессалоники // Две византийские хроники X века. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — С. 141—249.
21. *Иоанн Киннам* — Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118—1180): Труд Иоанна Киннама. — СПб., 1859. — 363 с.
22. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов / Пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 436 с.
23. *Исихий Александрийский.* Лексикон // SC. — Т. 1, ч. 3. — С. 851—855.

24. *Каллимах*. Гимны. III. К Артемиде // SC. — Т. 1, ч. 2. — С. 392—393.
25. *Климент Александрийский*. Увещательная речь: К эллинам // SC. — Т. 1, ч. 3. — С. 595—596.
26. *Константина Багрянородного*. Об управлении государством // ИГАИМК. — 1934. — Вып. 91 — С. 5—44.
27. *Корнелий Тацит*. Соч.: В 2 т. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. — Т. 1. — 444 с.
28. *Лактанций* — Л. Цецилий Фирмиан Лактанций. Божественных наставлений книга 1-я: О ложной религии // SC. — Т. 2, ч. 2. — С. 290.
29. *Лев Диакон*. История // История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей / Пер. Д. Попова. — СПб., 1820. — С. 1—110, 179—200.
30. *Лукиан Самосатский*. Токсарид или дружба // SC. — Т. 1, ч. 2—3. — С. 547—563.
31. Менадра Византийца продолжение истории Агафиевой // Византийские историки. — СПб., 1860. — С. 318—470.
32. *М. Минуций Феликс*. Октавий // SC. — Т. 2, ч. 1. — С. 262.
33. *Михаил Пселл*. Хронография. — М.: Наука, 1978. — 320 с.
34. Молдавско-немецкая летопись 1457—1499 гг. // Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. — М.: Наука, 1976. — С. 36—54.
35. *Никандр*. Превращения // SC. — Т. 1, ч. 2. — С. 445.
36. Никиты Хониата история со времени царствования Иоанна Комнина: В 2 т. — СПб.: Духов. акад., 1860. — Т. 1. — 446 с.
37. Никиты Хониата история со времени царствования Иоанна Комнина: В 2 т. — СПб.: Духов. акад., 1862. — Т. 2. — 541 с.
38. *Никифор Патриарх*. Бrevиарий // *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бrevиарий» Никифора (тексты, пер., коммент.). — М.: Наука, 1980. — С. 145—184.
39. *Овидий* (Публий Овидий Назон) — Подосинов А. В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья (тексты, пер., коммент.). — М.: Наука, 1985. — 287 с.
40. *Ориген*. Против Цельса // SC. — Т. 1, ч. 3. — С. 646—649.
41. *Павел Оросий*. История против язычников // SC. — Т. 2, ч. 2. — С. 393—406.
42. *Плиний* — Гай Плиний Секунд. Естественная история // SC. — Т. 2, ч. 1. — С. 167—200.
43. *Полиен*. Военные хитрости // SC. — Т. 1, ч. 3. — С. 563—568.
44. Прокопия Кесарийского история войн римлян с персами: В 2 кн. / Пер. С. Дестуниса. — СПб., 1876. — Кн. 1. — 365 с.
45. Прокопия Кесарийского история войн римлян с персами: В 2 кн. / Пер. С. Дестуниса. — СПб., 1880. — Кн. 2. — 318 с.
46. *Прокопий Кесарийский*. Тайная история / Пер. С. П. Кондратьева // ВДИ. — 1938. — № 4. — С. 271—360.
47. *Прокопий Кесарийский*. О постройках // ВДИ. — 1939. — № 4. — С. 201—298.
48. *Прокопий из Кесарии*. Война с готами. — М.: Изд-во АН СССР, 1950. — 516 с.
49. *Псевдо-Арриан* — Безымянный автор. Обезд Эвксинского Понта // SC. — Т. 1, ч. 1. — С. 271—288.
50. *Псевдо-Скимн* — Безымянный автор. Землеописание // SC. — Т. 1, ч. 1. — С. 87—91.
51. *Рубрук Вильгельм де*. Путешествие в восточные страны в 1253 г. // *Плано Карпини Иоанн де*. История монголов; *Рубрук Вильгельм де*. Путешествие в восточные страны / Пер. А. И. Маленна. — СПб., 1911. — С. 65—178.

52. *Секст Эмпирик*. Пирроновские очерки // SC. — Т. 1, ч. 3. — С. 599—600.
53. *Синесий*. Письма. 57. Против Андроника // SC. — Т. 1, ч. 3. — С. 738.
54. Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 483 с.
55. *Созомен* — Ермий Созомен. Церковная история // SC. — Т. 1, ч. 3. — С. 756—772.
56. *Солин* — Гай Юлий Солин. Сборник достопримечательностей // SC. — Т. 2, ч. 2. — С. 273—286.
57. Старшая Эдда // Древнеисландские песни о богах и героях / Пер. А. И. Корсуна. — М.; Л.: Наука, 1963. — 260 с.
58. *Стефан Византийский* — Из описания племен Стефана Византийского: Сокращение // SC. — Т. 1, ч. 1. — С. 252—271.
59. *Страбон*. География в 17 книгах / Пер., ст. и коммент. Г. А. Стратановского. — Л.: Наука, 1964. — 944 с.
60. Схолии к Лукану // SC. — Т. 2, ч. 1. — С. 152—165.
61. Схолии к Ювеналу // SC. — Т. 2, ч. 1. — С. 255—256.
62. *Тертуллиан* — Квинт Септимий Флорент Тертуллиан. Против Маркиона // SC. — Т. 2, ч. 1. — С. 268—269.
63. *Треbelлий Поллион*. Божественный Клавдий // SC. — Т. 2, ч. 2. — С. 300—303.
64. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе 1449 г. в последний день февраля / Пер. В. Юргевича // ЗООИД. — 1863. — Т. 5. — С. 629—857.
65. *Феодор Студит* — Творения преподобного отца нашего и исповедника Феофора Студита: В 2 т. — СПб., 1908. — Т. 2. — 850 с.
66. *Феодор Исповедник*. Хронография // *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бrevиарий» Никифора (тексты, пер., коммент.). — М.: Наука, 1980. — С. 17—144.
67. *Флавий Иосиф*. О войне иудейской // SC. — Т. 1, ч. 2. — С. 483—484.
68. *Флавий Филострат*. Жизнь Аполлония Тианского. — М.: Наука, 1985. — 328 с.
69. *Цицерон М. Туллий*. О государстве // *Цицерон*. Диалоги. О государстве. О законе / Изд. подготовили И. Н. Веселовский, В. О. Горенштейн и С. Л. Утченко. — М.: Наука, 1966. — С. 7—88.
70. *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1934 года по 1427 год. — Баку: Элм, 1984. — 88 с.
71. *Эсхил*. Трагедии. — М.: Худ. лит-ра, 1971. — 384 с.
72. *Ювенал* — Децим Юний Ювенал // SC. — Т. 2, ч. 1. — С. 253—255.
73. *Herodotus*: In 4 Bd. — Leipzig, 1883. — Bd. 3. — 224 S.; — Bd. 4. — 232 S.
74. Prisciani grammatici Caesariensis Institutionum grammaticarum libri XVII: In 2 Bd. / Ex recensione Martini Hertzii. — Leipzig, 1855. — Bd. 1. — 560 S. // Grammatici Latini. — Bd. 2 / Ex recensione Henrici Keilli.
75. *Procopius Caesariensis*. Bellum Vandalicum / Ed. Dindorf // Corpus Scriptorum historiae byzantinae. — Bonn, 1833. — Bd. 33. — S. 305—552.
76. *Procopii Caesariensis*. De aedificiis // Opera omnia / Recognovit J. Haury. — Lipsiae, 1964. — Vol. 4, lib. 6. — 409 s.
77. *Thucydides*. Historia belli peloponesiaci, edidit Joannes Matthias Stahl. — Lipsiae, 1873. — Vol. 1, lib. 1. — 4. — 252 s.
78. *Абрамова М. П.* Сарматская культура III в. до н. э. — I в. н. э. // СА. — 1959. — № 1. — С. 52—71.

79. *Абрамова М. П.* Сарматские погребения Дона и Украины I в. до н. э. — I в. н. э. // СА. — 1961. — № 1. — С. 91—110.
80. *Абрамова М. П.* Катакомбные погребения IV—V вв. н. э. из Северной Осетии // СА. — 1975. — № 1. — С. 213—233.
81. *Абрамова М. П.* Подкумский могильник. — М.: Наука, 1987. — 181 с.
82. *Айбабин А. И.* Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. — 1977. — № 1. — С. 225—239.
83. *Айбабин А. И.* Погребения второй половины V — первой половины VI в. в Крыму // КСИА АН СССР. — 1979. — Вып. 158. — С. 22—34.
84. *Айбабин А. И.* Раскопки Эскикерменского могильника // Археологические открытия 1978 года. — М.: Наука, 1979. — С. 286—287.
85. *Айбабин А. И.* Погребения конца VII — первой половины VIII в. в Крыму // Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII вв. — М.: Наука, 1982. — С. 165—192.
86. *Айбабин А. И.* Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА. — 1984. — № 1. — С. 104—122.
87. *Айбабин А. И.* Раскопки раннесредневековых могильников в Горном Крыму // Археологические открытия 1982 года. — М.: Наука, 1984. — С. 239—240.
88. *Айбабин А. И.* Раскопки могильника у с. Лучистое // Археологические открытия 1983 года. — М.: Наука, 1985. — С. 255.
89. *Айбабин А. И.* Этническая принадлежность могильников Крыма IV — первой половины VII вв. н. э. // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. — VII в. н. э. — К.: Наук. думка, 1987. — С. 164—199.
90. *Айбабин А. И.* Хронология могильников раннесредневекового Крыма IV—VII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Ин-т археологии АН УССР. — К., 1988. — 15 с.
91. *Айбабин А. И.* Хронология пальчатых и зооморфных фибул днепровского типа из Крыма // Тр. V Междунар. конгр. археологов-славистов (К., 18—25 сент. 1985 г.). — К.: Наук. думка, 1988. — Т. 4 (Секция I. Древ. славяне). — С. 5—9.
92. *Алексеева Е. П.* Памятники меотской и сармато-аланской культур Карачаево-Черкессии // Тр. Карачаево-Черкес. науч.-исслед. ин-та. Сер. ист. — Ставрополь, 1966. — С. 132—260.
93. *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. — М.: Наука, 1971. — 356 с.
94. *Алексеева Т. И.* Славяне и германцы в свете антропологических данных // ВИ. — 1974. — № 3. — С. 58—67.
95. *Алексеева Т. И.* Антропологическая дифференциация славян и германцев в эпоху средневековья и отдельные вопросы этнической истории Восточной Европы // Расогенетические процессы в этнической истории. — М.: Наука, 1974. — С. 71—84.
96. *Алиев Иггар.* Сармато-аланы на пути в Иран // История Иранского государства и культуры. — М.: Наука, 1971. — С. 198—211.
97. *Алиев Иггар, Алиев В. Г.* О сармато-аланских памятниках на территории Нахичеванской АССР // СА. — 1976. — № 1. — С. 178—186.
98. *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР II—IV вв. н. э. // САИ. — 1966. — Вып. Д1-30. — 111 с.
99. *Амброз А. К.* О символике русской крестьянской вышивки архаического типа // СА. — 1966. — № 1. — С. 61—76.
100. *Амброз А. К.* Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI—VII вв.) // КСИА АН СССР. — 1968. — Вып. 113. — С. 10—23.

101. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. 1. // СА. — 1971. — № 2. — С. 96—123.
102. *Амброз А. К.* Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / Ин-т археологии АН СССР. — М., 1974. — 50 с.
103. *Амброз А. К.* Основы периодизации южнокрымских могильников типа Суук-Су // Древности славян и Руси. — М.: Наука, 1988. — С. 5—12.
104. *Анохин В. А.* Монетные находки в могильнике у совхоза № 10 Крымской области // НЭ. — 1962. — Вып. 3. — С. 130—135.
105. *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. — XII в. н. э.). — К.: Наук. думка, 1977. — 175 с.
106. Античные государства Северного Причерноморья // Археология СССР. — М.: Наука, 1984. — 392 с.
107. *Арсеньева Т. М.* Исследование вала на западном участке городища Танаиса (1957 г.) // Античные древности Подонья — Приазовья. — М.: Наука, 1969. — С. 98—103.
108. *Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б.* Исследование Танаиса в 1966—1969 гг. // КСИА АН СССР. — 1972. — Вып. 130. — С. 81—95.
109. *Арсеньева Т. М.* Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV — начала V в. н. э. // КСИА АН СССР. — 1981. — Вып. 168. — С. 43—47.
110. *Артамонов М. И.* История хазар. — Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. — 522 с.
111. *Асеев Ю. С.* Архитектура Северного Причерноморья // Всеобщая история архитектуры: В 12 т. — Л.; М.: Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1966. — Т. 3 (Архитектура Восточной Европы. Средние века). — С. 502—515.
112. *Атаев Д. М.* Височные привески с четырнадцатигранниками // СА. — 1963. — № 3. — С. 231—235.
113. *Афанасьева Г. Е., Рунич А. П.* Могильник № 1 у Лермонтовской скалы близ г. Кисловодска // СА. — 1970. — № 4. — С. 222—227.
114. *Бабенчиков В. П.* Некрополь Неаполя скифского // История и археология древнего Крыма. — К.: Изд-во АН УССР, 1957. — С. 94—141.
115. *Бабенчиков В. П.* Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — С. 88—146.
116. *Бабенчиков В. П.* Чорноріченський могильник // АП УРСР. — 1963. — Т. 13. — С. 90—123.
117. *Баран В. Д.* Черняхівська культура: За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. — К.: Наук. думка, 1981. — 264 с.
118. *Баранов И. А.* Археологическая разведка на территории Скуйренского укрепления в Крыму // Археологические исследования на Украине в 1968 г. — К.: Наук. думка, 1971. — С. 88—92.
119. *Баранов И. А.* Погребение V в. н. э. в северо-восточном Крыму // СА. — 1973. — № 3. — С. 243—245.
120. *Баранов И. А.* О восстании Иоанна Готского // Феодалная Таврика. — К.: Наук. думка, 1974. — С. 151—162.
121. *Баранов И. А.* Ранние болгары в Крыму (Локальный вариант салтово-маяцкой культуры): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Ин-т археологии АН УССР. — К., 1977. — 24 с.
122. *Баранов И. А.* Памятники раннесредневекового Крыма // Археология Украинской ССР: В 3 т. — К.: Наук. думка, 1986. — Т. 3. — С. 231—248.

123. Бармина Н. И., Шилок Н. Ф. Исследование мангупской базилики // Археологические открытия 1975 года. — М.: Наука, 1976. — С. 301—302.

124. Беляев С. А. Краснолаковая керамика Херсонеса IV—VI вв. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. — С. 31—38.

125. Березовец Д. Т. Про ім'я носіїв салтівської культури // Археологія. — 1970. — Т. 24. — С. 59—77.

126. Бернштам А. Н. О деревянных постройках Крыма // ИГАИМК. — 1935. — Вып. 117 (Материалы Эски-Керменской Экспедиции 1931—1933 гг.). — С. 135—144.

127. Бертье-Делагард А. Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. — 1886. — Т. 14. — С. 166—279.

128. Бертье-Делагард А. Л. Случайная находка древностей близ Ялты // ЗООИД. — 1907. — Т. 27 (Протоколы). — С. 19—27.

129. Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. — 1920. — № 57. — С. 1—135.

130. Бешевлиев В. Ирански елементи у пярвобългарите // Антично общество. — М.: Наука, 1967. — С. 237—247.

131. Бибилов М. В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII—XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исслед.: 1980 г. — М.: Наука, 1981. — С. 5—151.

132. Бибилов М. В. Архаизация в Византийской этнонимии // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. — М.: Наука, 1984. — С. 30—36.

133. Блаватский В. Д. Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг. // ВДИ. — 1938. — № 2. — С. 321—335.

134. Блаватский В. Д. Харакс // МИА. — 1951. — № 19. — С. 250—291.

135. Блаватский В. Д. Пантикалей: Очерки истории столицы Боспора. — М.: Наука, 1964. — 232 с.

136. Богданова Н. О. Могильник I ст. до н. е. — III ст. н. е. біля с. Завітне // Археологія. — 1963. — Т. 15. — С. 95—109.

137. Богданова Н. А., Гущина И. И. Раскопки могильников первых веков нашей эры в юго-западном Крыму в 1960—1961 гг. // СА. — 1964. — № 1. — С. 324—330.

138. Богданова Н. А., Гущина И. И. Новые могильники II—III вв. н. э. у с. Скалистое в Крыму // КСИА АН СССР. — 1967. — Вып. 112. — С. 132—139.

139. Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I—III вв.) // СА. — 1976. — № 4. — С. 121—152.

140. Боданинский У. А., Засыпкин Б. Н. Чуфут-Кале (По материалам раскопок 1928—29 гг.) // ИТОИАЭ. — 1929. — Т. 3 (60). — С. 170—183.

141. Божилов И. «Анонимът на Хазе»: България и Византия на Долни Дунав в края на X в. — София: Българската Академия на науките, 1979. — 220 с.

142. Борисова В. В. Могильник у высоты «Сахарная головка» // Херсонес. сб. — 1959. Вып. 5. — С. 169—190.

143. Брайчевский М. Ю. Когда и как возник Киев. — К.: Наук. думка, 1964. — 184 с.

144. Брайчевська А. Т. Деякі археологічні дані про торгівлю древ-

ніх слов'ян з кримськими містами // Археологія. — 1957. — Т. 10. — С. 111—121.

145. Брун Ф. Черноморье: Сб. исслед. по ист. географии Юж. Росси: В 2 ч. — Одесса: Новорос. ун-т, 1879. — Ч. 1. — 277 с.

146. Брун Ф. Черноморье: Сб. исслед. по ист. географии Юж. Росси: В 2 ч. — Одесса: Новорос. ун-т, 1880. — Ч. 2. — 409 с.

147. Буданова В. П. Передвижения готов в Северное Причерноморье и на Балканах в III в. // ВДИ. — 1982. — № 2. — С. 155—174.

148. Бураков А. В. Городище біля с. Козирка поблизу Ольвії // АП УРСР. — 1962. — Т. 11. — С. 49—96.

149. Быков А. А. Описание монет из раскопок на плато Мангула в 1938 г. // МИА. — 1953. — № 34. — С. 435.

150. Васильев А. А. Готы в Крыму: В 2 ч. Ч. 1 // ИРАИМК. — 1921. — Т. 1. — С. 265—344.

151. Васильев А. А. Готы в Крыму: В 2 ч. Ч. 2 // ИГАИМК. — 1927. — Т. 5. — С. 179—282.

152. Васильевский В. Г. Тр.: В 4 т. — СПб., 1909. — Т. 2, вып. 1. — 495 с.

153. Васильевский В. Г. Тр.: В 4 т. — СПб., 1912. — Т. 2, вып. 2. — 427 с.

154. Веймарн Е. В., Репников Н. И. Сьюренское укрепление // ИГАИМК. — 1935. — Вып. 117 (Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931—1933 гг.). — С. 115—125.

155. Веймарн Е. В., Стржелецкий С. Ф. К вопросу о славянах в Крыму // ВИ. — 1952. — № 4. — С. 94—99.

156. Веймарн Е. В. Разведки оборонительных стен и некрополя // МИА. — 1953. — № 34. — С. 419—429.

157. Веймарн Е. В. Крим у середні віки // Нариси стародавньої історії Української РСР. — К.: Вид-во АН УРСР, 1957. — С. 580—597.

158. Веймарн Е. В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена (Опыт реконструкции) // История и археология средневекового Крыма. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — С. 7—54.

159. Веймарн Е. В. О времени возникновения средневековой крепости Каламита // История и археология средневекового Крыма. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — С. 55—62.

160. Веймарн Е. В. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 гг. // СА. — 1958. — № 1. — С. 71—79.

161. Веймарн Е. В. Археологічні роботи в районі Інкермана // АП УРСР. — 1963. — Т. 13. — С. 15—89.

162. Веймарн Е. В. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. — К.: Наук. думка, 1968. — С. 45—82.

163. Веймарн Е. В. Одне з важливих питань ранньосередньовічної історії Криму // Середні віки на Україні. — К.: Наук. думка, 1971. — № 1. — С. 61—65.

164. Веймарн Е. В. Раннесредневековые могильники Юго-Западного Крыма как исторический источник // Материалы XIII конф. Инту археології АН УРСР. — К.: Наук. думка, 1972. — С. 292—294.

165. Веймарн Е. В. Еще раз о таврическом лимесе // Античная древность и средние века. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1973. — Сб. 10. — С. 255—258.

166. Веймарн Е. В., Лобода И. И., Пиоро И. С., Чорев М. Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. — К.: Наук. думка, 1974. — С. 123—139.

167. Веймарн Е. В. Пам'ятки південно-західного Криму // Археологія Української РСР: У 3 т. — К.: Наук. думка, 1975. — Т. 3. — С. 454—467.

168. Веймарн Е. В., Иванов Л. И. Раскопки на Мангупе // Археологические открытия 1974 года. — М.: Наука, 1975. — С. 263—264.
169. Веймарн Е., Чорев М. «Корабль» на Каче. — Симферополь: Таврия, 1976. — 86 с.
170. Веймарн Е. В. Некрополь около крестообразного загородного храма в Херсонесе // Античная древность и средние века. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1977. — С. 5—17.
171. Веймарн Е. В. От кого могли защищать готов в Крыму «длинные стены»? Прокопия? // Античные традиции и византийские реалии. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1980. — С. 19—33.
172. Велков Велизар Ив. Град в Тракия и Дакия през късната античност (IV—VI в.). — София: Българската академия на науките, 1959. — 288 с.
173. Вестберг Ф. Записка готского топарха // ВВ. — 1908 (1909). — Т. 15, вып. 1. — С. 71—132.
174. Вестберг Ф. Записка готского топарха // ВВ. — 1908 (1910). — Т. 15, вып. 2—3. — С. 227—286.
175. Виноградов В. Б. К вопросу об изображении животных на сарматской керамике // Археологический сборник. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. — С. 32—46.
176. Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа // Тр. Чечено-Ингуш. НИИ. — Грозный, 1963. — Т. 6. — 224 с.
177. Виноградов В. Б. Раннесредневековый могильник у селения Харачой в горной Чечне // СА. — 1970. — № 2. — С. 244—251.
178. Воронов Ю. Н. К уточнению интерпретации одного сведения Прокопия Кесарийского о строительной деятельности Юстиниана в Причерноморье // XV науч. конф. Ин-ту археологии, посвящ. 50-летию утвреждения Союза Рад. Соц. Республік: Тези доп. — Одеса, 1972. — С. 393—396.
179. Высотская Т. Н., Черепанова Е. Н. Находки из погребений IV—V вв. в Крыму // СА. — 1966. — № 3. — С. 187—196.
180. Высотская Т. М. Питання етнічного складу населення південно-західного Криму початку нашої ери // Археологія. — 1970. — Т. 23. — С. 91—107.
181. Высотская Т. М. Городище Алма-Кермен у Криму // Археологія. — 1970. — Т. 24. — С. 179—193.
182. Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму // МИА. — 1971. — № 177. — С. 155—160.
183. Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. — К.: Наук. думка, 1972. — 192 с.
184. Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и могильник // Археологические открытия 1971 года. — М.: Наука, 1972. — С. 360.
185. Высотская Т. Н. Скифские городища. — Симферополь: Таврия, 1975. — 96 с.
186. Высотская Т. Н. Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников) // Материалы к этнической истории населения Крыма. — К.: Наук. думка, 1987. — С. 40—67.
187. Вязьмитина М. И. Сарматські поховання в долині р. Молочної // АП УРСР. — 1960. — Т. 8. — С. 17—21.
188. Вязьмитина М. И. Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. — М.: Наука, 1969. — С. 119—134.
189. Вязьмитина М. И. Золотобалковский могильник. — К.: Наук. думка, 1972. — 192 с.
190. Гадло А. В. О культуре городища на плато Тепсень близ с. Планерское // Археол. сб.: Тр. VIII Всесоюз. студ. конф. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. — С. 96—104.
191. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. — М.: Изд-во АН СССР, 1949. — 623 с.
192. Гайдукевич В. Ф. Илурат // МИА. — 1958. — № 85. — С. 9—148.
193. Гапунсенко I. М. Боротьба східних слов'ян за вихід до Чорного моря. — К.: Наук. думка, 1966. — 152 с.
194. Гей О. А. Черняховские памятники Северного Причерноморья // СА. — 1980. — № 2. — С. 45—50.
195. Гей О. О. Середньодніпровська і північнопричорноморська зони черняхівської культури (За матеріалами поховального обряду) // Археологія. — 1980. — Вип. 34. — С. 35—53.
196. Герцен А. Г. Исследования оборонительной системы Мангупа // Археологические открытия 1979 года. — М.: Наука, 1980. — С. 261—263.
197. Герцен А. Г. Тешклибурунский клад из раскопок Мангупа 1978 г. // Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг.: Тез. докладов XVIII конф. Ин-та археологии АН УССР. — Днепропетровск, 1980. — С. 167.
198. Герцен А. Г. Исследования Мангупской крепости // Археологические открытия 1981 года. — М.: Наука, 1983. — С. 251—252.
199. Герцен А. Г. Система оборонительных сооружений Мангупа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Ленингр. ун-т. — Л., 1984. — 21 с.
200. Гинзбург В. В. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья (По антропологическим материалам Калиновского могильника) // МИА. — 1959. № 60, т. 1. — С. 524—594.
201. Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. — М.: Наука, 1972. — 372 с.
202. Голенко К. В. Третий патрейский клад (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской монетной чеканке III в. н. э. // НЭ. — 1978. — Т. 12. — С. 10—41.
203. Гребенников Ю. С., Гребенников В. Б., Магомедов Б. В. Черняховские могильники западного побережья Бугского лимана // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. — К.: Наук. думка, 1982. — С. 136—149.
204. Гудкова А. В., Фокеев М. М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н. э. — К.: Наук. думка, 1984. — 120 с.
205. Гуцица И. И. О сарматах в юго-западном Крыму (По материалам некоторых могильников I—IV вв.) // СА. — 1967. — № 1. — С. 40—51.
206. Гуцица И. И. Могильник Бельбек II в Крыму // Экспедиции ГИМ. — М.: Изд-во Гос. ист. музея, 1969. — С. 94—99.
207. Гуцица И. И. Раскопки могильника Бельбек III в Крыму // КСИА АН СССР. — 1970. — Вып. 124. — С. 39—47.
208. Гуцица И. И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (По материалам могильников) // Археологические исследования на Юге Восточной Европы. — М.: Изд-во Гос. ист. музея, 1974. — С. 32—64, 127—145.
209. Даниленко В., Токарева Р. Башня Зенона. — Симферополь: Таврия, 1974. — 79 с.
210. Дашевская О. Д. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма // Древности Восточной Европы. — М.: Наука, 1969. — С. 52—61.
211. Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1948. — 392 с.
212. Деоник В. Б. Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв. // СА. — 1959. — № 3. — С. 48—65.
213. Деоник В. Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. // СА. — 1961. — № 3. — С. 202—232.

214. Деоник В. Б. Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв. // МИА. — 1963. — С. 122—151.
215. Деоник Д. В., Круг О. Ю. Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками // СА. — 1972. — № 3. — С. 100—115.
216. Десятчиков Ю. М. Сарматы на Таманском полуострове // СА. — 1973. — № 4. — С. 69—80.
217. Дзиговский А. Н. Сарматские памятники степей Северо-Западного Причерноморья // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. — К.: Наук. думка, 1982. — С. 83—92.
218. Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке. — СПб., 1908. — 687 с.
219. Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. — М.: Изд-во иностр. лит., 1947. — 183 с.
220. Домбровский О. И. Стародавні стіни на перевалах головного пасма Кримських гір // Археологія. — 1961. — Т. 12. — С. 155—167.
221. Домбровский О. И. Крепость в Горзувитах. — Симферополь: Таврия, 1972. — 110 с.
222. Домбровский О., Махнева О. Столица феодалитов. — Симферополь: Таврия, 1973. — 104 с.
223. Домбровский О. И. Средневековые поселения и «исары» Крымского южного бережья // Феодалная Таврика. — К.: Наук. думка, 1974. — С. 5—56.
224. Домбровский О. И. Пам'ятки південнобережної та гірської частини Криму // Археологія Української РСР: У 3 т. — К.: Наук. думка. — 1975. — Т. 3. — С. 467—476.
225. Домбровский О., Столбунов А., Баранов И. Аю-Даг — «Святая» гора. — Симферополь: Таврия, 1975. — 136 с.
226. Домбровский О. И. Средневековый Крым X—XV вв. // Археология Украинской ССР: В 3 т. — К.: Наук. думка, 1986. — Т. 3. — С. 518—535.
227. Дорогой тысячелетий: Экскурсии по средневековому Крыму. — Симферополь: Крым, 1966. — 192 с.
228. Дьяков В. Н. Древняя Таврика до римской оккупации // ВДИ. — 1939. — № 3. — С. 72—86.
229. Дьяков В. Н. Оккупация Таврики Римом в I в. н. э. // ВДИ. — 1941. — № 1. — С. 87—97.
230. Ефанов Ю. П. Кобяковский грунтовый могильник и вопрос о его этнической принадлежности // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. — С. 136—143.
231. Жиров Е. В. Об искусственной деформации головы // КСИИМК АН СССР. — 1940. — Вып. 8. — С. 81—88.
232. Засецкая И. П. Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья // АСГЭ. — 1968. — Вып. 10. — С. 38—43.
233. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. — № 83. — 1960. — 178 с.
234. Зиневич Г. П. Краниологічні матеріали з середньовічного Херсонеса // МАУ. — 1969. — Вып. 4. — С. 57—72.
235. Зиневич Г. П. Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма. — К.: Наук. думка, 1973. — 264 с.
236. Зограф А. Н. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье // СА. — 1941. — № 7. — С. 152—160.
237. Зубарь В. М. Про сарматський елемент у пізньому Херсонесі // Археологія. — 1976. — Вып. 20. — С. 42—46.

238. Зубарь В. М. Підбійні могили Херсонського некрополя // Археологія. — 1977. — Вып. 24. — С. 68—73.

239. Зубарь В. Н. Погребальные сооружения и погребальный обряд участка некрополя у Загородного Храма в Херсонесе // Новые исследования археологических памятников на Украине. — К.: Наук. думка, 1977. — С. 69—82.

240. Зубарь В. М. Історія розкопок і топографія античного некрополя Херсонеса // Археологія. — 1978. — Вып. 25. — С. 50—59.

241. Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. — К.: Наук. думка, 1982. — 144 с.

242. Зубарь В. М. Про похід Платвія Сільвана в Крим // Археологія. — 1988. — Вып. 63. — С. 19—27.

243. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Кизил-кобинская культура // Археология Украинской ССР: В 3 т. — К.: Наук. думка, 1986. — Т. 2. — С. 171—175.

244. Карасев А. Н. Раскопки Неаполя скифского в 1948 г. // ВДИ. — 1950. — № 4. — С. 179—187.

245. Кастанаян Е. Г. Сарматские сосуды из Тиритак с ручками в виде животных // СА. — 1951. — № 15. — С. 247—255.

246. Кацур Н. П. Археологічна карта Інкерманської долини // АП УРСР. — 1963. — Т. 13. — С. 7—14.

247. Кеппен П. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. — СПб., 1837. — 409 с.

248. Книпович Т. Н. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. // МИА. — 1952. — № 25. — С. 289—326.

249. Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV—IX вв.: Пряжки // САИ. — 1979. — Вып. Е1-2. — 112 с.

250. Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы: Века и народы. — М.: Наука, 1984. — 193 с.

251. Колосовская Ю. К. Среднее Подунавье в I—V вв. н. э. // История Венгрии: В 3 т. — М.: Наука, 1971. — Т. 1. — С. 32—73.

252. Колосовская Ю. К. Паннония в I—III веках. — М.: Наука, 1973. — 256 с.

253. Кондукторова Т. С. Населения Неаполя скифского за антропологическими данными // МАУ. — 1964. — Вып. 3. — С. 32—71.

254. Кондукторова Т. С. Пізні скіфи на Нижньому Дніпрі (За антропологічними матеріалами Золотобалківського могильника) // МАУ. — 1971. — Вып. 5. — С. 60—72.

255. Корзухина Г. Ф. О памятниках «корсунского дела» на Руси // ВВ. — 1958. — Т. 14. — С. 129—137.

256. Корпус боспорских надписей. — М.; Л.: Наука, 1965. — 952 с.

257. Корпусова В. Н. Скалистинский могильник // Сб. докл. на VI и VII Всесоюз. археол. студ. конференциях. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. — С. 72—83.

258. Корпусова В. Н. Могильник III—IV вв. н. э. у с. Заморское // Археологические исследования на Украине в 1967 г. — К.: Наук. думка, 1968. — С. 16—18.

259. Корпусова В. М. Сільське населення пізньоантичного Боспору // Археологія. — 1973. — Вып. 8. — С. 27—45.

260. Котляр Н. Ф. Крым и Северное Причерноморье // История Украинской ССР. — К.: Наук. думка, 1982. — С. 69—81.

261. Кравченко Н. М., Корпусова В. М. Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тіри // Археологія. — 1975. — Вып. 18. — С. 20—42.

262. Крис Х. И. Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. — 1981. — Вып. Д1-7. — 127 с.

263. Кротокин А. В., Кротокин В. В. Северная граница распространения амфор римского времени в Восточной Европе // Могильники черняховской культуры. — М.: Наука, 1988. С. 168—184.
264. Кротокин В. В. Клады римских монет в Восточной Европе // ВДИ. — 1951. — № 4. — С. 241—281.
265. Кротокин В. В. Население Юго-Западного Крыма в эпоху раннего средневековья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ин-т истории матер. культуры АН СССР. — М., 1953. — 16 с.
266. Кротокин В. В. Топография находок римских и ранневизантийских монет на территории СССР // ВДИ. — 1954. — № 4. — С. 152—180.
267. Кротокин В. В. Из истории средневекового Крыма: Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы // СА. — 1958. — № 28. — С. 198—218.
268. Кротокин В. В. [Рецензия] // СА. — 1958. — № 2. — С. 314—317. — Рец. на: *Sevin H. Die Gebiden.* — München, 1955. — 222 S.
269. Кротокин В. В. Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение // СА. — 1959. — № 1. — С. 181—194.
270. Кротокин В. В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. — 1961. — Вып. Г4-4. — 135 с.
271. Кротокин В. В. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА АН СССР. — 1965. — Вып. 100. — С. 108—115.
272. Кротокин В. В. Новые находки римских монет в СССР (Дополнение к «Своду археологических источников», вып. Г4-4) // НЭ. — 1966. — Вып. 6. — С. 74—102.
273. Кротокин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. — М.: Наука, 1967. — 136 с.
274. Кротокин В. В. К вопросу о развитии товарного производства и денежных отношений у племен черняховской культуры в III—V вв. н. э. // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. — М.: Наука, 1970. — С. 146—160.
275. Кротокин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. — V в. н. э.) // САИ. — 1970. — Вып. Д1-27. — 279 с.
276. Кротокин В. В. Могильник черняховского типа в с. Ризино Черкасской области (К вопросу о происхождении черняховской культуры) // *Slavia antiqua.* — 1971. — № 18. — С. 197—205.
277. Кротокин В. В. Черняховская культура и Северное Причерноморье // Культура та побут населення Українських Карпат. — Ужгород, 1972. — С. 94—95.
278. Кротокин В. В. Черняховская культура и Северное Причерноморье // Проблемы советской археологии. — М.: Наука, 1978. — С. 147—163.
279. Кругликова И. Т. Дакия в эпоху римской оккупации. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — 168 с.
280. Кругликова И. Т. Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря // СА. — 1956. — № 25. — С. 236—260.
281. Кругликова И. Т. Погребение IV—V вв. н.э. в дер. Айвазовское // СА. — 1957. — № 2. — С. 254—256.
282. Кругликова И. Т. Боспор III—IV вв. н.э. в свете новых археологических исследований // КСИА АН СССР. — 1965. — Вып. 103. — С. 3—10.
283. Кузнецов В. А., Пудовин В. К. Аланы в Западной Европе в эпоху «великого переселения народов» // СА. — 1961. — № 2. — С. 79—95.
284. Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. — 1962. — № 106. — 164 с.
285. Кузнецов В. А. Аланская культура Центрального Кавказа и

- ее локальные варианты в V—XIII веках // СА. — 1973. — № 2. — С. 60—74.
286. Кулаковский Ю. А. Епископа Феодора «Аланское Послание» // ЗООИД. — 1898. — Т. 21 (Материалы). — С. 11—27.
287. Кулаковский Ю. А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. — К.: Ун-т св. Владимира, 1899. — 72 с.
288. Кулаковский Ю. Записка Готского топарха // ЖМНП. — СПб., 1902. — Ч. 340. — С. 449—459.
289. Кулаковский Ю. История Византии. — К. — 1915. — Т. 3 (602—717). — 432 с.
290. Кушина Н. З., Сорокина Н. Т. Стекланные бальзамарии Боспора // Тр. Гос. Эрмитажа. — 1972. — Т. 13. — С. 146—177.
291. Куник А. А. О записке Готского топарха // ЗАН. — Т. 24. — С. 61—93.
292. Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Город и государство в древних обществах. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. — С. 56—77.
293. Куфтин Б. А. Жилища крымских татар в связи с историей заселения полуострова: Материалы и вопросы // Мемуары этногр. отд. О-ва Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. — М., 1925. — Вып. 1. — 58 с.
294. Кухаренко Ю. В. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях // СА. — 1954. — № 19. — С. 111—120.
295. Кухаренко Ю. В. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном // СА. — 1955. — № 22. — С. 125—152.
296. Кухаренко Ю. В. Волынская группа полей погребений и проблема так называемой готско-гепидской культуры: Тез. докл. // КСИА АН СССР. — 1970. — № 121. — С. 57—58.
297. Кухаренко Ю. В. Баївський могильник (За матеріалами розкопок В. П. Петрова і А. Т. Каліщука) // Археологія. — 1975. — Вып. 18. — С. 51—61.
298. Кухаренко Ю. В. Могильник Брест-Тришин. — М.: Наука, 1980. — 128 с.
299. Лавров П. А. Жития херсонесских святых в греко-славянской письменности // Памятники христиан. Херсонеса. — М., 1911. — Вып. 2. — XVI + 185 с.
300. Латышев В. В. Новая надпись из Партенита // ЗООИД. — 1886. — Т. 14. — С. 58—65.
301. Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианского времени из Южной России. — СПб., 1896. — 143 с.
302. Латышев В. В. Жития св. епископов Херсонских // ЗАН. — СПб., 1906. — Т. 8. — 82 с.
303. Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России // ИАК. — 1906. — Вып. 18. — С. 95—137.
304. Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России // ИАК. — 1918. — Вып. 65. — С. 9—21.
305. Левкинадзе В. А. О постройках Юстиниана в Западной Грузии // ВВ. — 1973. — № 34. — С. 169—186.
306. Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — 556 с.
307. Лепер Р. Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 году: Второе предварительное сообщение // ИАК. — 1913. — Вып. 47. — С. 146—154.
308. Лесков А. М. Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. — К.: Наук. думка, 1965. — 200 с.

309. *Лигаверин Г. Г.* Новые сведения о Северном Причерноморье (XII в.) // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. — М.: Наука, 1972. — С. 237—242.
310. *Лобова И. И.* Сарматы в Крыму: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ин-т истории матер. культуры АН СССР. — М., 1956. — 16 с.
311. *Лобода И. И., Чорев М. Я.* Вновь открытый в Бельбекской долине раннесредневековый могильник // КСИА АН СССР. — 1974. — Вып. 140. — С. 100—102.
312. *Лобода И. И.* Новые раннесредневековые могильники в Юго-Западном Крыму // СА. — 1976. — № 2. — С. 135—147.
313. *Лобода И. И.* Раскопки могильника Озерное III в 1963—1965 гг. // СА. — 1977. — № 4. — С. 236—252.
314. *Лопарев Х. М.* Греческие жития святых VIII—IX вв.: В 3 ч. — Пг., 1914. — Ч. 1. — 568 с.
315. *Ляпушкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. — 1958. — № 62. — С. 85—150.
316. *Мавродин В. В.* Русское мореходство на южных морях. — Симферополь: Крымиздат, 1955. — 190 с.
317. *Магомедов Б. В.* Могильник Каменка-Анчекрак в Николаевской обл. // Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг.: Тез. докладов на XVII конф. ИА АН УССР. — Ужгород, 1978. — С. 89—90.
318. *Магомедов Б. В.* Культурно-этнические компоненты черняховского населения Северо-Западного Причерноморья по данным погребального обряда // Славяне и Русь. — К.: Наук. думка, 1979. — С. 67—74.
319. *Магомедов Б. В.* Могильник у городища Городок на Южном Буге // Памятники древних культур Северного Причерноморья. — К.: Наук. думка, 1979. — С. 105—114.
320. *Магомедов Б. В.* Каборга IV (Раскопки 1973—1974 гг.) // Могильники черняховской культуры. — М.: Наука, 1979. — С. 24—62.
321. *Магомедов Б. В.* О культурно-хронологическом соотношении черняховских памятников Причерноморья и лесостепи // Славяне на Днестре и Дунае. — К.: Наук. думка, 1983. — С. 135—155.
322. *Магомедов Б. В.* Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. — К.: Наук. думка, 1987. — 111 с.
323. *Магомедов Б. В.* Черняховские памятники Южного Побужья // Тр. V Междунар. конгр. археологов-славистов (К., 18—25 сент. 1985 г.). — К.: Наук. думка, 1988. — Т. 4 (Секция 1. Древ. славяне). — С. 144—148.
324. *Мажитов Н. А.* Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы // Башкирский археологический сборник. — Уфа: Изд-во АН СССР, Башкир. фил., 1959. — С. 114—142.
325. *Малицкий Н. В.* Заметки по эпиграфике Мангула // ИГАИМК. — 1933. — Вып. 71. — 47 с.
326. *Марти Ю.* Сто лет Керченского Музея: Ист. очерк. — Керчь: Гос. Керч. археол. музей, 1926. — 96 с.
327. *Махньова О. А.* Нове античне поселення в селищі Фрунзенське // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. — К.: Наук. думка, 1972. — С. 150—151.
328. *Миллер В. Ф.* Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях в 1886 году // Труды Московского археологического общества. — М., 1888. — С. 118—138.
329. *Минаева Т. М.* Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани // МИА. — 1951. — № 23. — С. 273—301.
330. *Минаева Т. М.* Могильник Байтал-Чапкан в Черкессии // СА. — 1956. — № 26. — С. 236—261.

331. *Mixlin Г. Ю.* Гуннский амулет з Ждановського музею // Археологія. — 1972. — Вип. 5. — С. 95—96.
332. *Могильников В. А.* Погребальный обряд культур III в. до н. э. — III в. н. э. в западной части Балтийского региона // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э. — I тысячелетии н. э. — М.: Наука, 1974. — С. 133—225.
333. *Могильников В. А.* Сравнительный анализ погребального обряда племен черняховской культуры и населения Готланда // Могильники черняховской культуры. — М.: Наука, 1979. — С. 142—162.
334. *Мосберг Г. И.* К изучению могильников римского времени Юго-Западного Крыма // СА. — 1946. — № 8. — С. 113—119.
335. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры // САИ. — 1963. — Вып. Д1-10. — 55 с.
336. *Мошкова М. Г.* К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. — С. 18—34.
337. *Мыц В. Л.* Позднеантичный могильник на южном склоне г. Чатырдаг // Население и культура Крыма в первые века н. э. — К.: Наук. думка, 1983. — С. 153—156.
338. *Мыц В. Л.* Могильник III—V вв. н. э. на склоне Чатырдага // Материалы к этнической истории Крыма. — К.: Наук. думка, 1987. — С. 144—164.
339. *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма: В 2 ч. — Симферополь: Крымиздат, 1951. — Ч. 1. — 232 с.
340. *Назарова Т. А.* Антропологическая характеристика раннесредневекового населения Эски-Кермена // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. докладов III конф. молодых ученых ИА АН СССР. — М., 1986. — С. 104—105.
341. *Наливкина М. А.* Керкнитиды и Калос Лимен // Античный город. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 55—60.
342. *Никитин Г. А.* О древних памятниках на горе Крестовой у с. Пещерного и Чертовой лестницы // История и археология древнего Крыма. — К.: Изд-во АН УССР, 1957. — С. 330—334.
343. *Никитина Г. Ф.* Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э. — I тысячелетии н. э. — М.: Наука, 1974. — С. 5—132.
344. *Никитина Г. Ф.* Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. — М.: Наука, 1985. — 209 с.
345. *Новицenkova Н. Г.* Работы Ялтинского краеведческого музея // Археологические открытия 1982 года. — М.: Наука, 1984. — С. 307—308.
346. *Новицenkova Н. Г.* Раскопки античного святилища // Археологические открытия 1983 года. — М.: Наука, 1985. — С. 327—328.
347. *Ольховский В. С.* Население Крыма по данным античных авторов // СА. — 1981. — № 3. — С. 52—65.
348. *Орлов К. К.* Ай-Тодорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма. — К.: Наук. думка, 1987. — С. 106—133.
349. *Печенкин Н. М.* Раскопки в окрестностях г. Севастополя // ИТУАК. — 1905. — № 38. — С. 29—37.
350. *Пиоро I. С.* Археологічні дослідження залишків садиби на середньовічному городищі Мангуні у 1969 році // Вісн. Київ. ун-ту. Сер. Історія. — 1972. — № 14. — С. 113—128.
351. *Пиоро I. С.* Етнічна належність Ай-Тодорського могильника // Вісн. Київ. ун-ту. Сер. Історія. — 1973. — № 15. — С. 92—99.

352. *Пиоро И. С., Герцен А. Г.* Клад антонинианов из с. Долинное Крымской области // Нумизматика и сфрагистика. — 1974. — Вып. 5. — С. 81—90.
353. *Пиоро И. С.* Етнос та археологічна культура // Пробл. філософії. — 1974. — Вып. 32. — С. 106—119.
354. *Пиоро И. С.* К вопросу о локализации Хоры Дори // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР: Тез. докладов. — К.: Наук. думка, 1975. — С. 162—163.
355. *Пиоро И. С.* Готы в юго-западном Крыму // Открытия молодых археологов Украины: В 2 ч. — К.: Наук. думка, 1976. — Ч. 2. — С. 6—8.
356. *Пиоро И. С.* Гуннська навала і Крим // Вісн. Київ. ун-ту. Сер. Історія. — 1976. — № 18. — С. 92—102.
357. *Пиоро И. С.* Готы-тетракситы или готы-трапезиты? // Некоторые вопросы археологии Украины. — К.: Выща шк. Изд-во при Киев. ун-те. — 1977. — С. 66—74.
358. *Пиоро И. С.* До питання про ранніх слов'ян в Криму в історичній літературі // Вісн. Київ. ун-ту. Сер. Іст. науки. — 1979. — № 21. — С. 102—109.
359. *Пиоро И. С.* Историчні джерела та література про середньовічних таврів і скіфів у Криму // Вісн. Київ. ун-ту. Сер. Іст. науки. — 1980. — № 22. — С. 75—80.
360. *Пиоро И. С.* Письмові джерела про стародавніх германців у Північному Причорномор'ї // Вісн. Київ. ун-ту. Сер. Іст. науки. — 1982. — № 24. — С. 107—111.
361. *Пиоро И. С.* Сармато-алани в Південно-Західному Криму у III—IX ст. // Вісн. Київ. ун-ту. Сер. Іст. науки. — 1985. — № 27. — С. 86—91.
362. *Пиоро И. С.* Готы в Юго-Западном Крыму и локализация области Дори: Современные историко-археологические исследования // Киев. ун-т. — К., 1988. — С. 138—145. — Деп. в ИНИОН АН СССР 02.02.89 г. № 36853.
363. *Плетнева С. А.* Керамика Саркела — Белой Вежи // МИА. — 1959. — № 75. — С. 212—272.
364. *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. — М.: Наука, 1963. — С. 5—72.
365. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам // МИА. — 1967. — № 142. — 199 с.
366. *Погребова Н. Н.* Позднескифское городище на Нижнем Днепре: Городища Знаменское и Гавриловское // МИА. — 1958. — № 64. — С. 103—247.
367. *Поляк А. Н.* Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. — М.: Наука, 1964. — С. 29—66.
368. *Пудовин В. К.* Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су (550—650 гг.) // СА. — 1961. — № 1. — С. 177—185.
369. *Пятышева Н. В.* К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I—VI веках н. э. // Античное общество. — М.: Наука, 1967. — С. 183—187.
370. *Равдоникас В. С.* Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. — 1932. — Т. 12, вып. 1—8 (Готский сб.). — С. 5—108.
371. *Раевский Д. С.* Комплекс краснолаковой керамики из Неаполя // Ежегодник Гос. ист. музея, 1965—1966. — М.: Сов. Россия, 1970. — С. 91—105.

372. *Ременников А. М.* Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. — М.: Изд-во АН СССР, 1954. — 148 с.
373. *Репников Н. И.* Некоторые могильники области крымских готов: В 2 ч. Ч. 1 // ИАК. — 1906. — Вып. 19. — С. 1—80.
374. *Репников Н. И.* Некоторые могильники области крымских готов: В 2 ч. Ч. 2 // ЗООИД. — 1907. — Т. 27. — С. 101—148.
375. *Репников Н. И.* Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 году // ИАК. — 1909. — Вып. 30. — С. 99—126.
376. *Репников Н. И.* Каменные ящики Байдарской долины // ИАК. — 1909. — Вып. 30. — С. 127—155.
377. *Репников Н. И., Шмит Ф. И.* О технике водоснабжения средневековых городов Крыма // СГАИМК. — 1932. — № 9—10. — С. 45—50.
378. *Репников Н. И.* Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—29 гг. // ИГАИМК. — 1932. — Т. 12, вып. 1—8 (Готский сб.). — С. 107—152.
379. *Репников Н. И.* Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928—1929 гг. // ИГАИМК. — 1932. — Т. 12, вып. 1—8 (Готский сб.). — С. 153—180.
380. *Репников Н. И.* Работы на Южном берегу Крыма: Археологические памятники // ИГАИМК. — 1935. — Вып. 109. — С. 195—200.
381. *Репников Н. И.* О характере римской оккупации южного берега Крыма // СА. — 1941. — № 7. — С. 121—128.
382. *Рикман Э. А.* Памятник эпохи Великого переселения народов. — Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1967. — 139 с.
383. *Рикман Э. А.* Денежное обращение у племен Днестрово-Прутского междуречья в первых веках н. э. // НЭ. — 1971. — Вып. 9. — С. 98—102.
384. *Рикман Э. А.* Вопрос датировки импортных вещей в памятниках племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья // СА. — 1972. — № 4. — С. 84—101.
385. *Рикман Э. А.* Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. — М.: Наука, 1975. — 336 с.
386. *Романовская М. А.* Аланское погребение из Ставрополя // КСИА АН СССР. — 1986. — № 186. — С. 77—80.
387. *Романчук А. И.* К вопросу о положении Херсонеса в «темные века» // Античная древность и средние века. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1972. — С. 42—55.
388. *Романчук А. И.* Херсонес VI — первой половины IX в.: Учеб. пособие. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1976. — 42 с.
389. *Романчук А. И.* Салтово-маяцкие памятники в Крыму // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. — Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1983. — С. 117—120.
390. *Ростовцев М. И.* Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. — 1907. — Вып. 23. — С. 1—20.
391. *Рунич А. П.* Катакомбный могильник VII—VIII вв. около г. Кисловодска // СА. — 1968. — № 3. — С. 208—214.
392. *Рунич А. П.* Катакомбы Рим-Горы // СА. — 1970. — № 2. — С. 198—210.
393. *Рунич А. П.* Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. — 1979. — № 4. — С. 232—247.
394. *Рыбаков Б. А.* Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований: Тез. докл. на сес. по истории Крыма. — Симферополь: Крымиздат, 1952. — 16 с.

395. Рыбаков Б. А. Славяне в Крыму и на Тамани: Тез. докл. на сес. по истории Крыма. — Симферополь: Крымиздат, 1952. — 15 с.
396. Савовський І. П. Нові сарматські поховання на Запоріжжі // Археологія. — 1977. — Вип. 23. — С. 61—70.
397. Зазонов А. В. Боспор в ранневизантийское время // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. докладов III конф. молодых ученых И. А. АН СССР. — М., 1986. — С. 128—129.
398. Саханов В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. // ИАК. — 1914. — Вып. 56. — С. 75—219.
399. Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. — М.: Междунар. отношения, 1982. — 240 с.
400. Свешніков І. К., Смішко М. Ю. Могильник III—IV століть н. е. у с. Дитиничі, Ровенської області // МДАПВ. — К.: Вид-во АН УРСР, 1961. — Вип. 3. — С. 89—114.
401. Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. — М.: Наука, 1979. — 158 с.
402. Секиринский С. А. Очерки истории Сурожа IX—XV чек. — Симферополь: Крымиздат, 1955. — 104 с.
403. Сидоренко В. А. Исследования склонов горы Мангул // Археологические открытия 1982 года. — М.: Наука, 1984. — С. 328—330.
404. Сидоренко В. А. К вопросу этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет IV—начала V вв. с подражаниями «лучистого типа» // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. — VII в. н. э. — К.: Наук. думка, 1987. — С. 133—144.
405. Силицын И. В. Археологические работы в районе строительства Сталинградской ГЭС // КСИИМК АН СССР. — 1953. — Вып. 50. — С. 77—91.
406. Силицын И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана (По материалам 1954—1955 гг.) // МИА. — 1960. — № 78, т. 2. — С. 10—168.
407. Скалон К. М. О культурных связях восточного Прикаспия в позднесарматское время // АСГЭ. — 1961. — Вып. 2. — С. 114—140.
408. Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. — К.: Наук. думка, 1977. — 126 с.
409. Скржинская М. В. «Перилл Понта Евксинского» анонимного автора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. — К.: Наук. думка, 1980. — С. 115—125.
410. Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1984. — 150 с.
411. Сміленко А. Т. Про деякі датуючі речі в культурі полів поховань // Археологія. — 1952. — Т. 6. — С. 51—73.
412. Сміленко А. Т. Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.). — К.: Наук. думка, 1975. — 211 с.
413. Смирнов А. П. К вопросу о славянах в Крыму // ВДИ. — 1953. — № 3 (45). — С. 32—45.
414. Смирнов А. П. К вопросу об истоках Приазовской Руси // СА. — 1958. — С. 270—278.
415. Смирнов А. П. Кочевники IV—VII вв. н. э. // История СССР с древнейших времен до наших дней: В 12 т. — М.: Наука, 1966. — Т. 1. — С. 321—336.
416. Смирнов К. Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК АН СССР. — 1950. — Вып. 34. — С. 97—114.
417. Смирнов К. Ф. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа // КСИИМК АН СССР. — 1950. — Вып. 32. — С. 113—125.
418. Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. // МИА. — 1951. — № 23. — С. 226—272.
419. Смирнов К. Ф. Работы первого Нижневолжского отряда Ста-

- линградской экспедиции // КСИИМК АН СССР — 1954. — Вып. 55. — С. 64—76.
420. Смирнов К. Ф. Быковские курганы // МИА. — 1960. — № 78. — С. 169—268.
421. Смирнов К. Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. — 1972. — № 1. — С. 73—81.
422. Смішко М. Ю., Баран В. Д. Племена черняхівської культури // Населення Прикарпаття і Волині за доби розкладу первіснообщинного ладу та в давньоруський час. — К.: Наук. думка, 1976. — С. 63—83.
423. Соколова К. Ф. Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма // История и археология средневекового Крыма. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — С. 63—87.
424. Соколова К. Ф. Антропологічні матеріали могильників Інкерманської долини // АП УРСР. — 1963. — Т. 13. — С. 124—159.
425. Сокольский Н. И. О боспорских шитах // КСИА АН СССР. — 1955. — Вып. 58. — С. 14—25.
426. Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. — К.: Изд-во АН УССР, 1959. — 180 с.
427. Соломоник Е. І. Про значення терміна «тавроскіфи» // АП УССР. — 1962. — Т. 11. — С. 153—157.
428. Соломоник Э. И., Домбровский О. И. О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. — К.: Наук. думка, 1968. — С. 14—44.
429. Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. — М.: Наука, 1983. — 94 с.
430. Сорокина Н. П. Стекланный сосуд из Нижнего Поднестровья // КСИА АН СССР. — 1962. — Вып. 89. — С. 103—107.
431. Сорокина Н. П. Стекло из раскопок Пантикалея 1945—1959 гг. // МИА. — 1962. — № 103. — С. 210—236.
432. Сорокина Н. П. Стекланные сосуды из Танаиса // Древности Нижнего Дона. — М.: Наука, 1965. — С. 202—239.
433. Сорокина Н. П. О стекланных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. — 1971. — № 4. — С. 85—101.
434. Сорокина Н. П. Стекланные сосуды из могильника Харакс // Кавказ и Восточная Европа в древности. — М.: Наука, 1973. — С. 183—189.
435. Сорокина Н. П. Позднеантичное стекло из Ольвии // Художественная культура и археология древнего мира. — М.: Наука, 1976. — С. 199—209.
436. Сорокина Н. П. Античное стекло в собрании Одесского археологического музея // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. — К.: Наук. думка, 1978. — С. 267—274.
437. Старокадомская М. К. Русское торговое население генуэзской Каффы // История и археология средневекового Крыма. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — С. 147—154.
438. Стржелецкий С. Ф. Раскопки в Инкермане в 1940 г. // СА. — 1947. — № 9. — С. 286—301.
439. Стржелецкий С. Ф. Позднеантичный могильник в Инкерманской долине: Предварительное сообщение // КСИА АН УССР. — 1959. — Вып. 8. — С. 139—168.
440. Стрижак О. С. Етніонія Геродотової Скіфії. — К.: Наук. думка, 1988. — 221 с.
441. Сымонович Э. А. К вопросу об этнической принадлежности нижнеднепровских памятников рубежа и начала н. э. // ЗОАО. — 1960. — Т. 1 (34). — С. 154—162.

442. *Симонович Е. О.* Перший черняхівський могильник в Північному Причорномор'ї // *Археологія*. — 1966. — Вип. 20. — С. 196—201.
443. *Сымонович Э. А.* Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье // *МИА*. — 1967. — № 139. — С. 205—237.
444. *Симонович Е. О.* Про кераміку черняхівського типу в Криму // *Археологія*. — 1975. — Вип. 18. — С. 80—86.
445. *Сымонович Э. А.* Коблевский и Ранжевский могильники около г. Одессы // *Могильники черняховской культуры*. — М.: Наука, 1979. — С. 63—111.
446. *Сымонович Э. А., Кравченко Н. М.* Погребальные обряды племен черняховской культуры // *САИ*. — 1983. — Вип. Д1-22. — 151 с.
447. *Сюзюмов М. Я.* Дофеодалный период // *Античная древность и средние века*. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1972. — Сб. 8. — С. 3—41.
448. *Талис Д. Л.* Из истории русско-корсунских политических отношений в IX—X вв. // *ВВ*. — 1958. — Вип. 14. — С. 103—115.
449. *Талис Д. Л.* Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики и литература последних лет // *ВВ*. — 1961. — Вип. 19. — С. 240—259.
450. *Талис Д. Л.* Раскопки Баклинского городища в 1961—1965 гг. // *КСИА АН СССР*. — 1969. — Вип. 120. — С. 57—63.
451. *Талис Д. Л.* О классификации и датировке некоторых средневековых городищ Крыма // *Экспедиции Государственного исторического музея: Доклады на сес. Уч. совета ГИМ*, 5—7 февр. 1969 г. — М.: Изд-во Гос. ист. музея, 1969. — С. 131—140.
452. *Талис Д. Л.* О работе Горнокрымской экспедиции Государственного исторического музея // *Археологические открытия 1969 года*. — М.: Наука, 1970. — С. 293—294.
453. *Талис Д. Л.* Исследования в горном Крыму // *Археологические открытия 1970 года*. — М.: Наука, 1971. — С. 301—302.
454. *Талис Д. Л.* Позднесредневековая керамика Тепе-Кермена // *История и культура Восточной Европы по археологическим данным*. — М.: Изд-во Гос. ист. музея, 1971. — С. 250—262.
455. *Талис Д. Л.* Стуренская крепость // *ВВ*. — 1972. — Вип. 33. — С. 218—229.
456. *Талис Д. Л.* Археологические исследования Государственного исторического музея в Юго-Западном Крыму // *Тез. докладов на секциях, посвящ. итогам полевых исслед.* 1971 г. — М.: Изд-во АН СССР, 1972. — С. 128—129.
457. *Талис Д. Л.* Топонимы Крыма с корнем «рос-» // *Античная древность и средние века*. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1973. — Сб. 10. — С. 229—234.
458. *Талис Д. Л.* Росы в Крыму // *СА*. — 1974. — № 3. — С. 87—99.
459. *Талис Д. Л.* Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // *Археологические исследования на юге Восточной Европы*. — М.: Изд-во Гос. ист. музея, 1974. — С. 89—113, 153—168.
460. *Талис Д. Л.* Городище Тепе-Кермен // *КСИА АН СССР*. — 1977. — Вип. 148. — С. 98—104.
461. *Талис Д. Л.* Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории горного Крыма в IV—IX вв. // *Археологические исследования на юге Восточной Европы*. — М.: Изд-во Гос. ист. музея, 1982. — С. 55—67.
462. *Тиханова М. А.* Готы в Причерноморских степях // *Очерки истории СССР: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР, III—IX вв.* — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — С. 130—137.
463. *Тиханова М. А.* Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // *МИА*. — 1953. — № 34. — С. 319—333.
464. *Тиханова М. А.* Базилика // *МИА*. — 1953. — № 34. — С. 334—389.
465. *Тиханова М. А.* О локальных вариантах черняховской культуры // *СА*. — 1957. — № 4. — С. 168—194.
466. *Тиханова М. А.* Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры // *КСИА АН СССР*. — 1970. — Вип. 121. — С. 89—94.
467. *Тиханова М. А., Черняков И. Т.* Новая находка погребения с диадемой в Северо-Западном Причерноморье // *СА*. — 1970. — № 3. — С. 117—127.
468. *Тиханова М. А.* К вопросу об обмене и торговле в эпоху черняховской культуры // *КСИА АН СССР*. — 1974. — Вип. 138. — С. 66—73.
469. *Тиханова М. А.* Следы рунической письменности в черняховской культуре // *Средневековая Русь*. — М.: Наука, 1976. — С. 11—17.
470. *Тиханова М. А.* Старорунические надписи // *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи (тексты, пер., коммент.). — М.: Наука, 1977. — С. 133—141.
471. *Топоров В. Н.* Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // *Балто-славянские исследования*. — М.: Наука, 1983. — С. 227—263.
472. *Третьяков П. Н.* Восточно-славянские племена. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — 312 с.
478. *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* *Археология Румынии*. — М.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1982. — 144 с.
474. *Тудор Д.* Киликийская когорта в Малой Скифии и Тавриде: Новые данные в изучении связей западного и северного побережья Черного моря в I—III вв. н. э. // *Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской народной республики*. — Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1960. — С. 241—258.
475. *Тюменев А. И.* Херсонесские этюды. III. Херсонес и местное население: Тавры // *ВДИ*. — 1949. — № 4. — С. 75—86.
476. *Федоров Г. Б.* Малаештский могильник // *МИА*. — 1960. — № 82. — С. 253—302.
477. *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. // *МИА*. — 1960. — № 89. — 390 с.
478. *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* *Археология Румынии*. — М.: Наука, 1973. — 412 с.
479. *Федоров Я. А., Федоров Г. С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. — 296 с.
480. *Фирсов Л. В.* Средневековое укрепленное поселение на Крепостной горе близ Алупки // *ЗООА*. — 1967. — Т. 2 (35). — С. 214—227.
481. *Фирсов Л. В.* Чертова лестница. — Симферополь: Таврия, 1973. — 88 с.
482. *Фирсов Л. В.* Известковый вяжущий раствор в оборонительных стенах Харакса // *ВДИ*. — 1975. — № 1. — С. 94—101.
483. *Фирсов Л. В.* О положении страны Дори в Таврике // *ВВ*. — 1979. — Вип. 40. — С. 104—113.
484. *Хазанов А. М.* Раннесредневековые зеркала Восточной Европы // *Сб. докладов на VI и VII Всесоюз. археол. студ. конф.* — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. — С. 84—91.
485. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. — М.: Наука, 1971. — 172 с.
486. *Хенинг Р.* Неведомые земли: В 4 т. — М.: Изд-во иностр. лит., 1962. — Т. 3. — 516 с.

487. Хотелашвили М. К., Якобсон А. Л. Византийский храм в с. Дранда (Абхазия) // ВВ. — 1984. — Т. 45. — С. 192—206.

488. Цветаева Г. А. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА. — 1951. — № 19. — С. 63—86.

489. Циглик В. М. Населения Верхнего Поднестровья перших столетий нашей эры: Племена липицкой культуры. — К.: Наук. думка, 1975. — 176 с.

490. Черепанова Е. Н. Архив А. Л. Бертье-Делагарда (1842—1920) в Крымском областном краеведческом музее // Археологические исследования средневекового Крыма. — К.: Наук. думка, 1968. — С. 205—212.

491. Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса // МИА. — 1961. — № 98. — 94 с.

492. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. — М.: Наука, 1972. — 352 с.

493. Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры: Классификация и хронология // КСИА АН СССР. — 1978. — Вып. 156. — С. 16—21.

494. Шестаков С. П. Очерки по истории христианского Херсонеса в VI—X веках по Р. Х. // Памятники христиан. Херсонеса. — СПб., 1908. — Вып. 3. — 142 с.

495. Шилов В. П. Калиновский курганный могильник // МИА. — 1959. — № 60. — С. 323—523.

496. Шмит Ф. И. Эски-Керменская базилика // ИГАИМК. — 1932. — Т. 12, вып. 1—8 (Готский сб.). — С. 213—254.

497. Шмит Ф. И. Эски-Керменская экспедиция // СГАИМК. — 1932. — № 11—12. — С. 61—65.

498. Шмит Ф. И. Работы на Южном берегу Крыма: Археол. очерк // ИГАИМК. — 1935. — Вып. 109 (Археологические работы Академии на новостройках в 1932—33 гг.). — С. 188—194.

499. Шульц П. М. Розкопки Неаполя скифского в 1946 р. // АП УРСР. — 1949. — Вып. 2. — С. 116—129.

500. Шульц П. Мавзолей Неаполя скифского. — М.: Искусство, 1953. — 124 с.

501. Шульц П. Н. Исследования Неаполя скифского (1949—1950 гг.) // История и археология древнего Крыма. — К.: Изд-во АН УССР, 1957. — С. 61—93.

502. Шульц П. Н. О некоторых вопросах истории тавров (территория, хронология, взаимоотношения с античными городами и скифами) // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — С. 235—272.

503. Шульц П. Н. Надгробный рельеф сарматского круга // Культура античного мира. — М.: Наука, 1966. — С. 278—286.

504. Шульц П. Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму // Проблемы скифской археологии. — М.: Наука, 1971. — С. 127—143.

505. Щеглов А. Н. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. — М.: Наука, 1968. — С. 332—342.

506. Щеглов А. Н. Поселения Северо-Западного Крыма в античную эпоху // КСИА АН СССР. — 1970. — Вып. 124. — С. 19—24.

507. Щепинский А. А., Черепанова Е. Н. Исследования в северном Крыму // Археологические открытия 1966 года. — М.: Наука, 1967. — С. 179—183.

508. Щербакова В. С. Коллекция гемм из некрополя в окрестностях Херсонеса // Античные традиции и Византийские реалии. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1980. — С. 94—103.

509. Щукин М. Б. Об амфорах черняховской культуры // Сб. докладов на IX и X Всесоюз. археол. студ. конф. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. — С. 76—83.

510. Щукин М. Б. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор // СА. — 1968. — № 2. — С. 41—51.

511. Щукин М. Б. Конференция «Археологические культуры и культурные области Средней Европы в эпоху римских влияний» и некоторые тенденции польской археологии // СА. — 1974. — № 1. — С. 259—265.

512. Щукин М. Б. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура // АСГЭ. — 1977. — Вып. 18. — С. 80—91.

513. Щукин М. Б. К вопросу о верхней хронологической границе черняховской культуры // КСИА АН СССР. — 1979. — Вып. 158. — С. 17—22.

514. Якобсон А. Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму: В 3 ч. Ч. 2 (Мангупская базилика) // СА. — 1940. — № 6. — С. 205—226.

515. Якобсон А. Л. О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа // КСИИМК АН СССР. — 1949. — Вып. 29. — С. 55—63.

516. Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес // МИА. — 1950. — № 17. — 256 с.

517. Якобсон А. Л. Дворец // МИА. — 1953. — № 34. — С. 390—418.

518. Якобсон А. Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. — 1954. — № 21. — С. 148—163.

519. Якобсон А. Л. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты (близ Гурзуфа) // КСИИМК АН СССР. — 1954. — Вып. 53. — С. 109—120.

520. Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения восточного Крыма // МИА. — 1958. — № 85. — С. 458—501.

521. Якобсон А. Л. К истории русско-корсунских связей (XI—XIV вв.) // ВВ. — 1958. — Вып. 14. — С. 116—128.

522. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. — 1959. — № 63. — 364 с.

523. Якобсон А. Л. [Рецензия] // СА. — 1961. — № 2. — С. 289—293. — Рец. на: История и археология средневекового Крыма / Отв. ред. А. П. Смирнов. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — 190 с.

524. Якобсон А. Л. Средневековый Крым. — М.; Л.: Наука, 1964. — 187 с.

525. Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. — 1970. — № 168. — 224 с.

526. Якобсон А. Л. [Рецензия] // СА. — 1971. — № 3. — С. 298—306. — Рец. на: Археологические исследования средневекового Крыма. — К.: Наук. думка, 1968. — 212 с.

527. Якобсон А. Л. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // Античная древность и средние века. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1973. — Вып. 10. — С. 131—138.

528. Якобсон А. Л. Крым в средние века. — М.: Наука, 1973. — 174 с.

529. Якобсон А. Л. О раннесредневековых крепостных стенах Чуфут-Кале // КСИА АН СССР. — 1974. — Вып. 140. — С. 110—114.

530. Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. — 164 с.

531. Albrechtsen E. Fynske jernaldergrave: In 3 t. — Odense, 1968. — Т. 3 (Ingre romersk jernalder). — 339 s.

532. Brondsted J. Danmarks oldtid: In 3 t. — København, 1940. — Т. 3 (Gyldendalske Boghanded Nordisk Forlag). — 388 s.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗАН — Записки Академии наук
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии, этнографии
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК АН СССР — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАУ — Матеріали з антропології України
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников СССР
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
SC — Scythica et Caucasica — Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе / Собрал и издал с русским переводом В. В. Латышев. — СПб., 1893—1900. — Т. 1 (Греческие писатели), вып. 1—3. — 946 с.; СПб., 1904—1906. — Т. 2 (Латинские писатели), вып. 1—2. — 454 с.

СПИСОК ОПЕРАТОР В КЕЛПЕ Л.С. ДИОРО "КЕНАГКА ГОНІА".

Стр.	Строка	Напечатано	Слегает
12	11 оверху	399, 0.38	339, 0.38
18	11 оверху	473,	476,
20	14 оверху	399, 0.38	339, 0.38
26	рво. 4	р. Чорняк	р. Черняк
27	7 оверху	О.Н. Савелл	О.Н. Савелл
31	1 оверху	333, 0.45-48	339, 0.45-48
32	19 оверху	399, 0.44	339, 0.44
"	" " "	198, 0.19	193, 0.19
41	15 оверху	336, 0.237	366, 0.237
"	3 оверху	206, 0.136-149	203, 0.136-149
65	1 оверху	то хастроу	то хастроу
66	7 оверху	368,	354,
73	8 оверху	174, 0.264	168, 0.264
75	22 оверху	466, 0.57-	461, 0.57-
78	5 оверху	464, 0.105-106	459, 0.105-106
82	4 оверху	тау хастроу	тау хастроу
85	7 оверху	392, 0.117-120	365, 0.117-120
91	2 оверху	444, 0.141-142	439, 0.141-142
93	10 оверху	второй под. II в.	второй под. II в.
103	10 оверху	439, 0.101	433, 0.101
109	4 оверху	примитивних	примитивних
129	Прим. I оверху	485, 0.84-91	484, 0.84-91
"	Прим. 16 оверху	Кубяк	Кубяк
134	23 оверху	317, 0.136-137	312, 0.136-137
143	14 оверху	3689, 0.81	368, 0.81
150	10 оверху	283, 0.260	280, 0.260
159	19 оверху	163, 0.5-17	176, 0.5-17
165	22 оверху	хастроу	хастроу
178	20 оверху	привоблягате	привоблягате
"	7 оверху	Былгоската	Былгоската
193	25 оверху	478. Федоров Т.Б., Полковий Л.Л. Археологія Румунія. — М.: Догла Румунія. — М.: 473. Третьяков Л.Н. По следам оленів- скотів півдня — П.	473. Третьяков Л.Н. По следам оленів- скотів півдня — П.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
1. Население, которого не было (концепции существования средневековых тавров, скифов и ранних славян в Крыму)	11
Источники и литература о средневековых таврах и скифах	12
Историография вопроса о ранних славянах в Крыму	20
2. Этнические процессы III — первой половины V в. в Северном Причерноморье и их роль в истории населения Крыма	35
Германские племена в Северном Причерноморье	36
Нашествие гуннов и Крым	43
Готы-тетракситы, или готы-трапезиты	51
3. Готы в Юго-Западном Крыму и локализация «области Дори»	57
4. Сармато-аланы в Крыму в позднееримский период и раннее средневековье	113
Заключение	161
Список использованной литературы	173
Список сокращений	197

Монография

Пиоро Игорь Станиславович

КРЫМСКАЯ ГОТИЯ

(Очерки этнической истории населения
Крыма в позднееримский период и раннее
средневековье)

Зав. редакцией *С. В. Головки*
Художественное оформление *Е. И. Королькова*
Художественные редакторы *Т. М. Зяблицева,*
Т. О. Щур
Технический редактор *Е. Г. Рублев*
Корректоры *Т. А. Лукашина, А. В. Дрожжина*